

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

9
1965

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

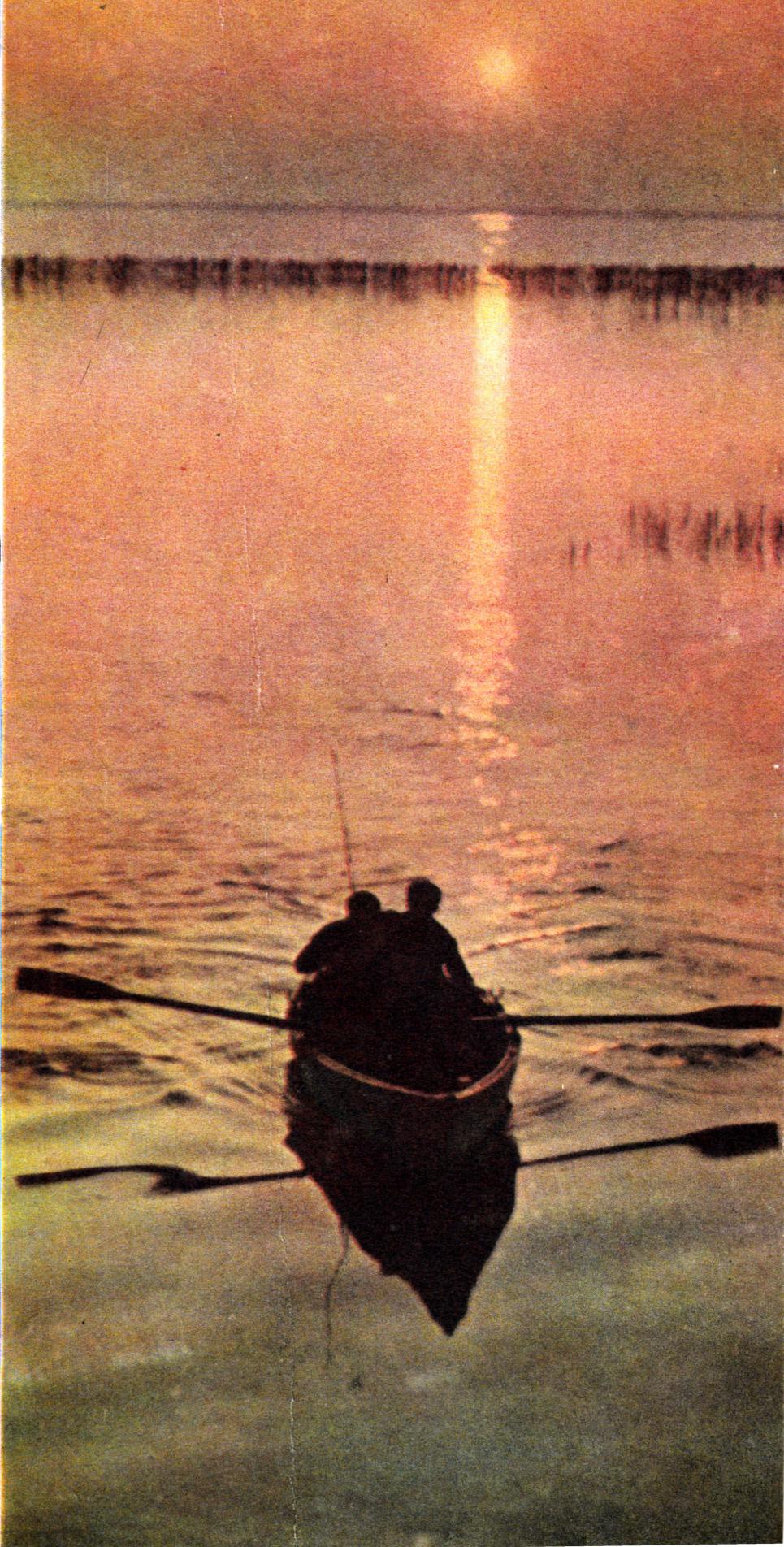
МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

ДЕНЬ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Чем жив человек на земле! Нет, я спрашиваю не о хлебе насущном, не о родниковой воде, от которой до боли ломит зубы. Я, товарищи, спрашиваю о самом главном — о работе. Не раз и не два задавало человечество себе подобные вопросы. Ответы на них были полярно разными. Но превалирующим — лишь один: «человек жив добрыми делами своими». Истлеют кости человека, давным-давно, предположим, из памяти людской изглядятся имена, только историки-краеведы по старым пыльным документам будут докапываться: кто это создал! Кто это выстроил! Значит, дело и сам человек живут вечно! Вот и вырастает из банального вопроса целая (да еще какая!) человеческая проблема.

Был у меня на фронте товарищ Юрка Родин. Был он, как и многие в то время, — добровольцем, любил получать письма от родных и, как все мы, почему-то не любил на них отвечать. Бывает! Юрка отлично играл на аккордеоне (в то время отечественные аккордеоны счита-

лись редкостью), лихо стрелял из автомата, с виртуозностью мастера корректировал огонь 76-мм батареи, отважно хаживал в разведку, прекрасно зная, что каждый поиск может стать для него последним в жизни. Но, пожалуй, больше всего любил Юрка пофилософствовать. Какой-то острослов из соседнего подразделения, учитывая эту Юркину слабину, прозвал его Софоклом.

Надо прямо сказать, что фронтовая наша жизнь была не мед: все случалось, но больше, конечно, горестей и потерь. А «бои местного значения»? Для нас это не были минуты затишья: то тебе «поход за языком», то тебе артоподготовка такой силы, что даже «преисподнюю видно», то тебе разведка боем и т. д.

Так вот, Юрка-таки умудрялся вырвать время для своих философских рассуждений, о предназначении человечества.

— Войну эту нам навязали, — обычно начинал он. — Выходит, друзья, должны мы с вами драться с немцами не за страх, а за совесть, то есть «на всю ка-

тушку». Наша обязанность дать врагу такого жару, чтобы неповадно было ему носа к нам показывать. Ясно! Но ведь главное, ребята, не в этом, чессло! Засчитывают нам с вами один день фронтовой жизни за два или три мирных. А за что! Ну, кто мне ответит! Будь на то моя воля, я, ребята, дни эти исчислял бы по-иному. Ребята из дивизиона капитана Захарова спасли мост от взрыва — получай месяц! Или, помните, танкисты Катукова, упредив противника, спасли от разрушения целую железнодорожную станцию — пожалте месяц за один день боя! Это работа! Или.. Да что я вам говорю, чес-сло! Вы и сами обо всем знаете и помните!

Мы внимательно слушали Юрку и всегда соглашались с ним: да, человек призван созидать, а не разрушать. Да, человек должен своими руками украшать лик земли и приумножить ее богатства!

Мечтали мы, как я уже сказал, с Юркой все, все думали о мирной жизни, строили планы на будущее. А вот не вернулись домой многие, в том числе и Юрка... В память о нем остался мне дневник — тонкая книжца в клеенчатой синей обложке с трафаретной надписью: «Блокнот».

Чтобы вы представили лицо Юрки, лицо нашего солдата, я приведу из этого блокнота несколько выдержек.

„28 июля 1943 года. Вчера я долбанул гитлеровца-факельщика. Хотела эта сволота подпалить соломенную крышу на одной избе. Огонь бы, конечно, распространился по всей деревне. Выходит, что деревню спас я. Здорово получается!“

„5 августа 1943 года. Отбил у немцев агролабораторию и четыре трактора марки „ХТЗ“. Все передал колхозникам“.

...Здесь я пропускаю целый ряд подобного рода записей. Записная книжка Юрки заканчивается так:

„Фрицы хотят взорвать Днепровскую гидростанцию. Черта с два им это удастся! Ухожу на задание“...

...С этого задания Юрка не вернулся.

Дорогие следопыты! Я не стал бы рассказывать вам о Юре Родине, а он, как вы убедились сами, достоин этого. Я хочу спросить вас: «А знаете ли вы цену каждого дня!»

Возьмем, к примеру, май. Знаете, какие события произошли в этом месяце! Я не говорю уже о памятных датах.

Привожу дословно заметки наших корреспондентов.

„Могучей уральской рекой называют Каму. Строители моста приступили 4 мая к сооружению центральной опоры. Она вырастет посередине реки. Первые 250 метров мощных железобетонных перекрытий уже уложены.“

Работают здесь мастера своего дела. Они возводили знаменитый мост „Дружба“ на Дунае, мосты через Обь, Днепр и Кубань.

Мост через красавицу Каму будет одним из самых больших на Урале“.

И еще...

„Как быстро определить температуру и влажность древесины? Есть такой прибор. Его создали учащиеся филиала механического техникума при Челябинском заводе. Прибор тут же вступил в жизнь: его применили при сушке аппаратов. На Всесоюзной радиовыставке прибор этот получил диплом II степени“.

И еще...

„Бузулукский завод имени Куйбышева первым в стране начал выпускать станки огневого бурения. В самые труднопроходимые породы вгрызается огненная струя“.

В этом номере «Уральского следопыта» есть подборка информации, которые подтверждают, что каждую секунду, каждую минуту, каждый час и день в нашей великой стране совершается либо научный, либо какой-то другой подвиг.

Взгляните на информационные сообщения газет. В каждой вы найдете рассказ о подвиге металлурга, горняка, строителя — человека любой профессии!

Возвращаясь к памяти Юрия Родина, я хочу пожелать читателям журнала «Уральский следопыт» огромных успехов в работе и жизни, хочу сказать им словами Юрки Родина:

„Не забывайте о том, что каждый прожитый день остается с нами. Значит, надо прожить его как можно лучше!“

В. ШУСТОВ

ЗАКОН ЗЕМЛИ

Владимир ТУРУНТАЕВ

Ученик

Пыль стелется вдоль дороги, щиплет глаза: перед нами только что прошла машина.

— Не видал еще в наших краях такой суши,— говорит мне Юра Рыбин, агроном центрального участка колхоза «Сибирь», что на самом севере Курганской области.

Юра останавливает мотоцикл. Ждем, пока пыль немного осядет. Но она все стелется и стелется, совсем как утренний туман над рекой.

Мы оба смотрим на небо. Оно изжелта-голубое, чистое. И только на самом горизонте, на западе, в лучах заходящего солнца плавают неясные, как тени, тучки. Каждый вечер они там плавают, дразня хлеборобов, пробуждая в их сердцах обманчивую надежду на ночной дождь. Но дождя все нет и нет — вот уже недели три. И каждый вечер Юра вызывает меня на спор: — Вот увидите: ночью будет дождь! Уж сегодня-то наверняка прольет!..

Я отказываюсь спорить, потому что я тоже по вечерам с тайной надеждой поглядываю на небо, слежу, как на него набегают тучки, и думаю: «Может, все-таки брызнет?». Даже ночью просыпаюсь в гостинице, прислушиваясь: не шумит ли? Нет, не шумит...

— Я больше всего за ранние посевы беспокоюсь,— рассуждает Юра.— Им как раз сейчас дождик нужен. Не будет дождика — не нальется колос.

Мы оставляем мотоцикл у обочины и заходим в пшеницу.

Юра выдернул наугад несколько кустиков и внимательно осмотрел их.

— Нижние листочки подсыхают,— сказал он.— Плохо дело.

Кое-где уже выметнулись хилые, карликовые колосья. Также плохой признак: не время еще колоситься хлебам, не набрались еще растения сил. Это засуха торопит их.

Мы возвращаемся на дорогу, к нашему мотоциклу, и едем дальше. Юра показывает мне поле, где сев был проведен на две недели позднее:

— Правда, совсем другой вид?

Действительно, растения здесь выглядят заметно свежее.

— За это поле я не боюсь,— сказал Юра.— Урожай здесь будет хороший.

Он немного помолчал, а затем снова заговорил, как бы размышляя вслух:

— Интересно... Вот на том, первом поле, я чувствую себя рабом погоды. Рабом, который сам ничего не может предпринять, чтобы спасти урожай. Вся моя надежда там — на случайный дождик. А здесь я — хозяин положения. Вы знаете, что означает слово «агроном»? «Законодатель полей!» Так вот. На этом поле я — агроном, а на том — никто.

— Только потому, что здесь позднее посеяно, а там раньше?

Юра покачал головой:

— Не только поэтому.— И совсем неожиданно спросил: — Вы еще не были у Мальцева? У Терентия Семеновича. Он ведь тут, неподалеку, в колхозе «Заветы Ленина» полеводом работает.

Нет, я не был у Мальцева, хотя много слышал о нем и о его знаменитой системе земледелия. Да и кто у нас в стране не слышал о Терентии Мальцеве! Одно время, лет этак десять назад, газеты много писали о преимуществах безотвальной пахоты, которую он впервые применил у себя. По газетам выходило: вспаши по-мальцевски — и пожалуйста: стопудовый урожай сам придет тебе в руки, даже вроде бы и удобренний не потребует. Мальцевские плуги появились одно время повсеместно, чуть ли не в каждом хозяйстве.

Но потом разговоры о новой системе земледелия стали звучать как-то глуше и реже и в конце концов вовсе прекратились. Вроде бы не оправдал себя новый метод. Но сам Мальцев по-прежнему получал стопудовые урожаи. Говорили, что его система хороша только в условиях Шадринского района, а для других мест она, мол, не подходит. Но даже и в самом Шадринском районе со временем как-то повывелись безотвальные плуги. А Мальцев по-прежнему только ими и пахал землю.

Все это было для меня загадкой.

— Никакой загадки тут нет,— сказал мне Юра.— Мальцев-то сеял, когда сам находил нужным, а другим хозяйствам сроки сева устанавливали «сверху». Нам, агрономам, твердили: «Сейте как можно раньше, независимо от погоды!» Ну, мы и сеяли. Земля еще совсем сырая и холодная, а агрегаты уже в поле. Про погоду вспоминали, только когда наступала засуха. При такой «агротехнике» от безотвальной вспашки не то польза — вред мог быть.

— Но что же дает поздний сев? — спросил я.— Ведь нынешняя засуха — чистая случайность, не каждый же год так бывает!

— Не каждый,— согласился Юра.— Но в общем-то у нас, в Зауралье, июнь почти всегда обходится без дождей, а июль, наоборот, большей частью влажный. Поэтому при позднем севе засушливый июнь приходится на ранний период роста растений, когда им еще не требуется много влаги, а нужно побольше тепла. В июне тепла им всегда хватит: ведь засуха — не что иное, как его избыток. Вот и выходит: если действовать разумно, учитывая одновременно и погодные условия, и закономерности развития растений, то даже засуха становится не злом, а добром. Мы нынче по примеру Мальцева на многих полях задержали сев, и вот — сами видите. На будущий год всюду так сделаем.

Юра признался мне, что хочет целиком перейти на мальцевскую агротехнику.

— Нынче осенью, сразу после пахоты, проведем боронование, а весной, как только подсох-

нут на пашне гребешки, закроем влагу. Вот только плугов безотвальных мало: у меня на участке их всего два — ни то, ни се. Не знаю, где и взять...

Весь день мы носились по полям и вернулись домой уже после захода солнца. А утром, часов в семь, Юра пришел ко мне в колхозную гостиницу и обрадованно сказал:

— Нашел целую гору безотвальных!

— Где же?

— На других участках. Они там все равно не используются, так я заберу их себе. Договорюсь с главным агрономом и заберу!

«Вот как просто все устроилось», — подумал я, радуясь вместе с Юрой его находке.

А осенью я получил от него письмо. Он сообщал, что пшеница на тех полях, где сеяли в мальцевские сроки, несмотря на засуху, уродила хорошая. «Семена засыпали, сейчас их сортируем. На моем участке две бригады из трех пахали исключительно по методу Мальцева, а всего в колхозе безотвальным методом поднято более трети всей пашни. Я думаю, что для нас это только начало...»

А вот еще новость: «...Наш главный агроном перевелся на опытную станцию, и вы, наверное, сейчас очень удивитесь, но факт остается фактом; главным агрономом утвердили меня...»

Вышло так, что весной следующего года, как раз во время посевной, я снова очутился в тех краях. На этот раз путь мой лежал через колхоз «Заветы Ленина».

Учитель

Терентий Семенович усадил меня на стул, сам сел в широкое кресло и, как бы продолжая давно начатый разговор, пожаловался:

— По времени пора бы уж сеять — все же конец мая, да овсюг держит, не прорастает никак. Давно такой холодной весны не бывало...

И он заговорил о том, какой это опасный сорняк — овсюг: если его не уничтожить каждый год перед посевом, он за короткий срок так расплодится, что потом хоть караул кричи. Один раз отпустишь вожди — пятнадцать лет будет потом аукаться тебе эта единственная твоя промашка.

— Помню, в одном году его столько осыпалось, что хоть пригоршнями собирай. — Терентий Семенович энергичным жестом черпнул со стола невидимый овсюг. Его большие жилистые руки с навечно ввевшимся в кожу загаром — руки пахаря — все время были в движении. Они то сжимались в кулаки, то словно бы что-то взвешивали, то рассекали перед собою пространство...

Коварен овсюг. Решил нынче перехитрить самого Мальцева: авось не хватит у старика выдержки. А старик спокоен. Он себе на уме. Как гроссмейстер, отдающий фигуру для того, чтобы затем провести блестящую выигрышную комбинацию, он жертвует на потребу сорняку несколько необходимых для посева дней. Риск велик, но Мальцев наперед рассчитал все ходы — и свои, и своего противника, и поэтому уверен в победе.

Он так и говорит:

— Наши поля — шахматная доска, а наш парт-

нер — природа. Нам надо научиться заставлять своего партнера ставить фигуры туда, куда нам нужно. Надо законы природы изучить, познать и заставить работать в нашу пользу...

Ему уже под семьдесят, но этому как-то не веришь. Слишком порывисты и широки жесты, которыми он сопровождает свою речь, слишком энергично выбрасывает он свое худощавое тело из кресла, когда требуется достать с полки нужную книгу или пройти в переднюю к телефону. Да и седины в волосах не так уж много, и глаза не по-стариковски яркие и внимательные.

А когда он большими шагами, подавшись вперед и глядя себе под ноги, идет напрямик через пашню, то мне молодому, приходится то и дело надбавлять шаг, чтобы не отстать.

В руке у него железная, похожая на клюку палка. Время от времени он останавливается и, не так чтобы сильно нажимая, вгоняет эту палку в землю почти по самую рукоятку. И тогда мне кажется, будто под нами не земля, а рыхлая черная пена.

Он становится на колени, ребром ладони отмечает верхний подсохший слой и с наслаждением погружает узловатые пальцы во влажный чернозем. Он любит землю, как художник своим творением. Я тоже любовался: громадное паровое поле было обработано и ухожено так старательно, как, наверное, не всякая хозяйка ухаживает за грядками на своем огороде.

Попутно Терентий Семенович посвящает меня в тонкости своей агротехники:

— Влага-то вся цела, будто ее в бочку налили, а сверху еще крышкой прикрыли. Даже если месяца полтора еще дождей не будет — никуда она не девается. Это потому, что почва во время была весной заборонена. Тут иной раз полдня решают: опоздаешь — упустишь влагу до боронования, а поспешишь, не дашь земле как следует просохнуть — то после боронования верхний слой уплотнится, зацементируется, растрескается, и вся влага уйдет из такой почвы, как из разошедшейся бочки...

Все той же своей железной палкой Терентий Семенович вырыл в земле неглубокую ямку. Я хотел ему помочь и сунул было руку, чтобы выгрести землю, но Терентий Семенович остановил меня:

— Не трогай бережок-от! — и стал внимательно осматривать края ямки. Покачал головой: — Не растет овсюг...

Копнул глубже.

— Вон он еще где... — и показал мне белого с зеленой головкой червяка на самом дне ямки. — Далеко еще ему выбираться оттуда.

Засыпал ямку землей, выкопал такую же в другом месте. По «бережку» ямки лепилось около десятка «червячков».

— Смотри-ка, пошел! — удовлетворенно замечает Терентий Семенович. — Денька через полтора вылезет на свет. Значит, сев не задержится.

— Отчего же, — спрашиваю, — на одном и том же поле овсюг по-разному себя ведет?

— А тут повыше место, земля теплее.

И верно: если присмотреться, то можно заметить, что массив неровный, одна сторона чуть выше, другая ниже.

Подошел бригадир. Мальцев дал ему указание:

— Вот тут, на бугре, надо завтра к вечеру заборонить. А лошину придется поддержать еще денек.

И, когда уже распрощались, Терентий Семенович открыл дверцу машины и крикнул:

— Василий Михалыч, смотри, ускорядная-то сеялка тут не пойдет, сейте широкорядной!..

Приехали в другую бригаду. Терентий Семенович и здесь копал ямки и смотрел, как прорастает овсюг. Другому бригадиру тоже внушал:

— Вот тут, повыше, горох вырастет на зерно, а где пониже — будет сено. Так и рассчитывай, Александр Фоканыч...

Так весь день и ездили: на краю пашни выйдешь из машины и — напрямик к другому ее краю. Пока дойдем — машина уже там, ждет нас. Немного проедем, и снова идем через пашню...

И видно, что, хотя и знает он тут каждый участок, каждый бугорок, пожалуй, лучше, чем свои пять пальцев, а все же не так просто, не по священному наитию принимает он всякий раз решение: пора или не пора. Сто раз прежде станет на колени, сто раз ковырнет землю палкой, сто раз помнет ее в ладонях.

В своем длиннополом, похожем на шинель плаще, в фуражке военного покроя он в иные минуты напоминает мне полководца: станет, сложив на груди руки, окинет суровым взглядом поле — ну вот, кажется, сейчас загремят пушки, взрвут моторами танки и самолеты, и гвардия закричит победное «ура».

Но вся его гвардия — два чубатых парня, а вместо танков и самолетов — трактор с прицепленной к нему широкой дисковой бороной. За бороной тянется шлейф серой пыли.

Терентий Семенович машет рукой:

— Ну-ка, остановитесь!

Тракторист не слышит, не видит — вперед смотрит. Прицепщик свистит ему. Тракторист все равно не слышит. Тогда прицепщик берет комок земли и запускает в тракториста. Промаяхнул. Снова бросает. На этот раз попал. Трактор остановился.

Терентий Семенович шуточно выговаривает трактористу:

— Надо все время смотреть на начальство: как оно — хмурится или улыбается.

Затем велит чуть-чуть приподнять одну секцию бороны. И тут же объясняет, для чего надо ее приподнять, — чтоб ребята не просто выполнили указание, а поняли, что к чему. Терентий Семенович, я заметил, никогда просто так не указывает, обязательно растолкует смысл каждого действия.

Вечером он позвал меня к себе домой. Рассказал о своих первых опытах, о том, как ездил в гости к Мичурину, как, имея за плечами всего четыре класса образования, пришел к необходимости изучать философию. Первой философской книгой, которую он одолел, был труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Признаюсь, — говорит он, — изрядно попотел: три раза читал, два раза конспектировал...

Две стены мальцевского кабинета сплошь заставлены книжными шкафами. Книги в них стоят в несколько рядов. Большею частью это книги по философии — Ленин, Чернышевский, Бэкон, Смайльс, Вольтер...

Агафья Лукинична, хозяйка квартиры, где я остановился, знает Мальцева с тех пор, как сама была девчонкой.

— Бывало рано утром глянешь в окно, а он через пскотину вышагивает и книгу перед глазами держит. Ноги высоко-о поднимает, чтобы не запнуться...

Я после спрашивал у Терентия Семеновича, правда ли это. Он улыбулся.

— «Материализм и эмпириокритицизм» так и изучал — по дороге в поле. Дорога-то пешком длинная, а машины у меня до войны не было...

К нему часто заходят люди побеседовать. Видел я у него в кабинете молодых практикантов из Омской области, научного сотрудника из Кургана, агронома одного целинного совхоза. С каждым он словоохотлив, каждому дотошно разъясняет свои агротехнические приемы.

Но приходилось мне видеть и другое. Совсем еще молодой агроном колхоза «Заветы Ленина» — чуть ли не первый год работал, тоже по фамилии Мальцев, но Петр — никак не желал признавать за Терентием Семеновичем ни его опыта, ни авторитета. Ему казалось несправедливым, что он, главный агроном Петр Мальцев, вынужден во всем считаться с мнением человека, занимающего более низкую должность, с мнением полевода.

За ту неделю, что я пробыл в колхозе, Петр дважды, никого не поставив об этом в известность, отменил заранее согласованные — с участием Терентия Семеновича — решения. Первый раз он вместо гороха распорядился посеять смесь вики с пшеницей. Когда Терентий Семенович спросил у него, зачем он это сделал, Петр сослался на рекомендации научно-исследовательских учреждений: там, мол, сказано, что смесь вики с пшеницей дает хороший урожай зерна.

— Так ведь к рекомендациям-то еще свою голову надо прилагать, — заметил Терентий Семенович. — Ты смотри, как неладно вышло: в прошлом году на этом поле пшеница была, нынче ты пшеницу с викой посеял, и на будущий год собирились тут пшеницу сеять... Весь севооборот нарушился. Те-то люди, которые писали рекомендации, на наши поля небось не заглядывали.

Через несколько дней история повторилась: прекрасное поле, специально подготовленное под пшеницу, Петр велел засеять опять той же кормовой смесью. Я слышал, как один колхозник с горечью заметил по этому поводу:

— Дождется — не будет ему доверия от людей.

Петру бы не задирать нос, а пользоваться редкой удачей, что попал на выучку к старому доброму кудеснику, набираться бы мудрости, пока есть такая возможность.

Что поделаешь с парнем — не хватило у него догадки и скромности!

...Когда проезжали через деревню, Терентию Семеновичу понадобилось зайти в один дом. У обочины ребяташки ходили по лежащему столбу. Терентий Семенович, возвращаясь к машине, тоже вскочил на столб и прошелся, балансируя, взад и вперед.

— Так и поиграл бы сейчас... — сказал он, смеясь, а немного погодя со вздохом добавил: — Эх, скинуть бы хоть десяток лет — ничего больше не надо!..

Но годы не возвращаются. Скоро уходить на покой. А так хочется работать, столько новых мыслей в голове...

Перед отъездом я зашел к нему попрощаться. Терентий Семенович стал отговаривать:

— Поедьте лучше в поле, а домой еще успеете. Покажу вам один свой опыт.

...Большое, со всех сторон окруженное лесом поле словно ножом разрезано на две приблизительно разные части прямой, как стрела, доро-

Терентий Семенович Мальцев.

гой. Если приглядеться, то видно, что правая часть по цвету как будто отличается от левой: у нее оттенок буроватый, с теплинкой, а та — иссиня-черная, угольная.

Я сказал об этом своем наблюдении Мальцеву. Он промолчал. У него такая привычка: не всегда сразу отвечает на вопрос.

Остановились как раз посреди дороги. Терентий Семенович прошел на правую половину поля и копнул своей палкой землю. Взял в руку комок, размял. Я последовал его примеру. Мне показалось, что я взял в руку не землю, а чистейший перегной. Десяти-двенадцатисантиметровый слой перегноя, а глубже...

...Академик Вильямс считал, что однолетние культуры — пшеница, ячмень, кукуруза — истощают почву, разрушают ее структуру, и он создал свою травопольную систему земледелия в надежде, что с ее помощью будет периодически восстанавливаться плодородие почвы и ее первоначальная структура. Для этого он предлагал пятую часть пашни засеивать многолетними травами. Порастут два года травы, опутают почву своими корнями, уплотнят ее, насытят органическими веществами — и тогда вновь можно сеять пшеницу: урожай будет высокий. А через несколько лет, когда запасы питательных веществ искудеют, вновь надо сеять травы. У системы этой есть свой минус: слишком большие площади надо отводить под травы, а плодородие все равно восстанавливается далеко не полностью.

Ошибка Вильямса была вот в чем. Он считал, что только многолетние растения способны

восстанавливать плодородие почвы, а Мальцев утверждает, что все дело в обработке почвы.

Он стал и под однолетние культуры обрабатывать землю безотвальными плугами, чтобы верхний плодородный ее слой всегда оставался наверху. Причем три-четыре года подряд он совсем не пахал, а только рыхлил поле на небольшую глубину дисковыми боронами. И вышло так, что однолетние растения тоже стали улучшать структуру почвы.

— А ну-ка, пройдем теперь сюда, — позвал меня Терентий Семенович на левую половину поля.

Такой земли, какая была здесь, не найти на других мальцевских полях. Влажная — она слипается в комок, а сухая — рассыпается в порошок. Это изработанная, нуждающаяся в отдыхе земля...

...Лет тридцать назад поле забросили, перестали обрабатывать, со временем оно поросло густой травой и превратилось почти в целину, а точнее в залежь. В конце лета 1953 года, когда в нашей стране началось освоение целинных земель, Терентий Семенович Мальцев и заложил свой опыт. Отдохнувшее, как бы омолодившееся поле он разделил надвое и одну половину каждый год пахал обычными плугами, а другую из года в год все одиннадцать лет обрабатывал только дисковыми боронами на глубину в десять-двенадцать сантиметров.

И вот эта непаханая почва превратилась почти что в перегной, стала еще более плодородной, а паханая — изработалась...

Все это похоже на чудо. Но чуда нет. Есть знание. Глубокое знание законов природы, законов земли. Законов, по которым растет хлеб.

И еще беззаветная любовь к своей земле.

И еще труд — неустанный, упорный, кропотливый.

Ему под семьдесят, но работает он по-прежнему очень много. Встает на зорьке, до вечера ездит по полям, а с вечера садится за письменный стол. Далеко за полночь в его окнах горит свет, и все жители села знают: Терентий Семенович размышляет...

Нет, чуда я не увидал.

Увидел я творца. Человека, который сумел подчинить природу своей воле.

Не каждому это удается.

Последователи

Секретарь Шадринского райкома партии Алексей Ефимович Моисеев назвал мне добрый десяток колхозов и совхозов, в которых мальцевская система пустила глубокие корни и дает прекрасные плоды. Там, где она применяется, не бывает неурожайных лет. Там другая беда, как и у самого Мальцева, — перерод. На самых лучших участках пшеница вырастает такая высокая и такой у нее крупный колос, что растения не выдерживают собственной тяжести. Ветер сильнейшей дунет — и пшеница ложится на землю, стебли ломаются. Вся надежда теперь на то, что наши селекционеры выведут неполегающие сорта. Как будто уже есть такие.

Я сказал Алексею Ефимовичу, что у Мальцева появился еще один ученик и последователь, и рассказал о письме, которое получил осенью от Юры Рыбина. Рассказал и историю с безотвальными плугами.

— Знаю я Рыбина, — закивал Алексей Ефимович. — Видел и безотвальную вспашку в колхозе «Сибирь». Не очень хорошо получилось на первый раз, но, как говорится, лиха беда начало. Посмотрим, что будет дальше.

Между прочим, он сообщил мне, что собирается завтра снова поехать туда.

— Могу взять вас с собой.

Я, конечно, согласился.

Дорога от Шадринска до колхоза «Сибирь» занимает часа два. За разговором время летит незаметно. И вот уже наша стремительная «Волга» остановилась на краю большого, засеянного пшеницей массива. Алексей Ефимович достал из багажника железную, похожую на клюку, палку, — точь-в-точь как у Мальцева.

— Подарок Терентия Семеновича, — сказал он, заметив мой любопытный взгляд. — Овсюга не видно, — удовлетворенно отметил он и разрыл влажную землю. Нашел прорастающие семена пшеницы: — Порядок...

Подъехали к другому полю. Вижу, совсем зеленое.

— Уже вззошла?

— Овсюг... — Алексей Ефимович наклонился, сорвал травинку. — Уже третий листок! Чего же это Рыбин ждет? Давно пора это поле боронить, уничтожить сорняк. Ведь он, как хороший насос, качает из почвы воду...

Мы нашли Юру Рыбина в одной из бригад. Засучив рукава, он возился около сеялок. Рабочие делали сцеп, а Юра им помогал.

Алексей Ефимович только глянул на сцеп и сразу сказал:

— Не будет работать ваш сцеп. Пневматические поршни поставили не так, как надо.

Пока он объяснял рабочим их ошибку, у нас с Юрой состоялся такой разговор.

— Ну, как дела? — спросил я.

— Плохо, — ответил Юра. — Много нынче сорняка, прямо задавил он нас — лезет и лезет. В три часа утра встаю, ложусь спать в час ночи — и все равно времени не хватает.

Тут к нам подошел Алексей Ефимович.

— Ну-ну, только не вешать нос! — сказал он Юре. — Я тебе скажу, почему вас тут овсюг задавил. Потому что главный агроном увлекся не своим делом. Сцепом пускай механик занимается, а тебе сейчас надо по полям ездить, руководить посевной кампанией. Ну-ка, найди мне лопату.

Прошли на ближайшее поле. Оно тоже все заросло овсюгом, только кое-где остались островки черной земли.

Алексей Ефимович копнул землю в том месте, где сорняков было мало. Земля здесь еще влажная: сожмешь ее в ладони — не рассыпается.

Алексей Ефимович копнул в самой гуще овсюга. Я потрогал землю на лопате, взял в горсть. Комок рассыпался. То же самое проделал и Юра.

— Да... — только и сказал он.

До Саламатовской бригады доехали все вместе. По пути останавливались, смотрели поля. Алексей Ефимович, заметив какую-нибудь погрешность в обработке почвы или в посеве, тут же на пашне подробно разъяснял Юре, в чем он отступил от мальцевской агротехники. И при этом все повторял:

— Мальцевская агротехника — вещь тонкая. Столярная работа. Ее надо хорошенько осмыслить, изучить в деталях...

Говорил он спокойно, рассудительно. Но был момент, когда я думал, что Алексей Ефимович выйдет из себя и накричит на Юру.

Было отчего. На довольно большом, площади в сто четыре гектара поле семена пшеницы были заделаны в совершенно сухую почву.

Оказалось, что это поле перед посевом было четыре раза обработано дисковыми лущильниками: Юра недоглядел, а бригадир по неопытности решил, что чем больше обработки, тем лучше. Перестарался.

Алексей Ефимович собрал вокруг себя механизаторов и долго говорил им о том, что во всем надо соблюдать меру, что обрабатывать почву без особой необходимости так же плохо, как и вовсе не следить за ней.

— Боюсь, что ничего теперь у вас на этом массиве не вырастет. Если не будет дождя, семена так и останутся лежать в сухой земле. А в июне надежды на дождь — сами знаете...

Немного подумав, он предложил хорошенько прокатать землю катками:

— Может, влага из нижних слоев поднимется к семенам. Это хоть небольшой, но единственный шанс спасти урожай...

Летом Юра проездом оказался в Свердловске, и мы с ним снова встретились. Разумеется, первым делом я спросил об овсюге.

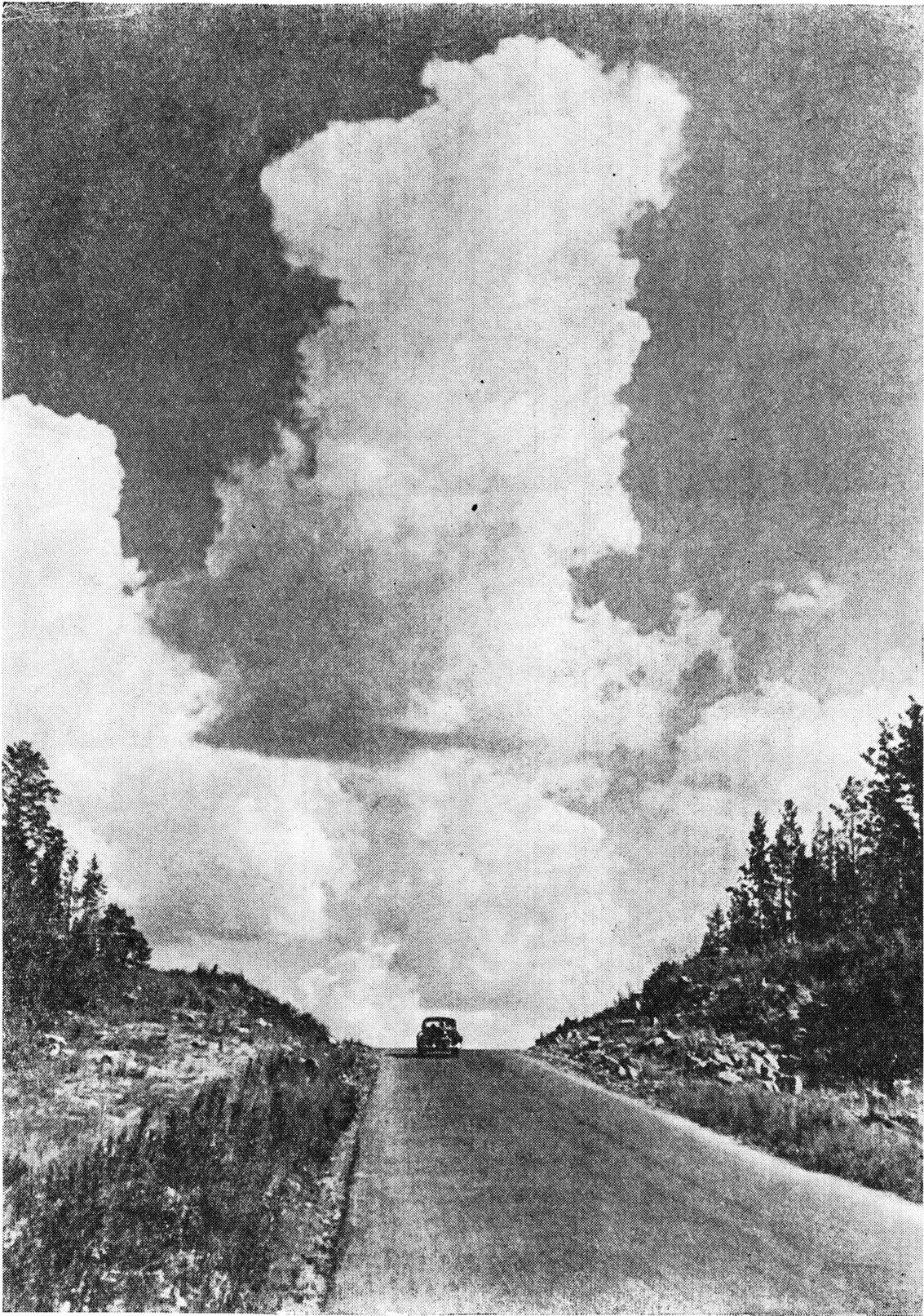
— В ту же ночь мы его всюду уничтожили.

— Значит, успели?

Юра кивнул.

— А то поле, сто четыре гектара?

— Прикатали. Поднялась влага к семенам. Вззошла пшеница...

Новая дорога.

Фото И. Тюфякова.

КОМИССАР ИЗ ШЕМАХИ

В старинном уральском селе Шемаха, на берегу Уфы, стоит сельский клуб. С портрета, укрепленного на его фасаде, смотрит бравый военный. 19 июля 1918 года здесь, на бывшей базарной площади, разыгралась трагедия.

Когда белочехи ворвались в Шемаху, комиссар Петр Ряпусов лежал дома почти бездыханный. Накануне он подвергся нападению озверевших кулаков.

Белогвардейские каратели рыскали по селу и хватили всех, кто не успел отступить с красными.

В доме Ряпусовых учинили полный разгром. Офицер, размахивая оружием, приказал отцу Ряпусова:

— Запрягай лошадь, вези комиссара на площадь!

Согнанные жители с ужасом смотрели на происходящее.

Офицер взобрался на помост и заорал:

— Перед вами — опасный большевистский комиссар! Он участвовал в расстреле царя! Мы вынесли ему справедливый приговор — смерть!

Толпа зашумела. Послышались негодующие возгласы:

— Ряпусов ничего плохого не делал!

У телеги с обессиленным комиссаром появился с топором в руках местный кулак Титов. Началась дикая расправа. Озверевший бандит принялся рубить на куски беззащитного человека...

...Нелегкое детство Петра Ряпусова прошло в Шемахе. Был он жигарем, пахал скудную землю. Началась империалистическая война. В солдатских окопах понял он: пока существуют капиталисты и помещики, не видать трудовому человеку свободы и прав. В 1917 году бывалый солдат твердо стал на сторону большевиков.

Морозным январским днем восемнадцатого года Петр Петрович, списанный из армии, — он отравился во время газовой атаки немцев — вернулся домой. Вскоре партийная ячейка приняла Петра в свои ряды.

Ряпусов оказался незаурядным организатором и популярным оратором.

Вспоминается один из волостных сходов. Возле сельской школы собрались, что называется, стар и млад. Каждому было интересно, что скажут представители созданного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и волостной земской управы.

Пространно и витиевато говорили эсер Грачев, меньшевик Копейкин, анархист Фирсов.

— Крестьянин с полным амбаром — наша

опора, — внушали они. — Только земская управа установит справедливый порядок.

Но вот на трибуну поднялся Петр Ряпусов. Сельчане оживились.

— А ну-ка, Петр Петрович, растолкуй, что к чему!

— А что толковать, — спокойно начал Ряпусов. — Разве вы не видите, куда клонят господа эсеры и меньшевики? Они хотят отдать власть кулакам. А вам, беднякам, опять лямку тянуть да лапти плести.

Простые, правдивые слова Ряпусова произвели огромное впечатление. Раздались крики: — Долой прихлебателей царской власти! Долой земцев!..

Но кулаки не унимались. То тут, то там вспыхивали восстания. Ряпусов — чрезвычайный комиссар Красноуфимского уезда и член президиума Уральского областного Совета — выехал в Екатеринбург и вернулся с винтовками и пулеметом «Максим».

— Ай да Петро, какое богатство привез! — радовались мы.

Очаги кулацких восстаний были ликвидированы. Наступило затишье. Петр Петрович с присущей ему энергией наладил заготовку топлива и сырья для Шемахинского железодельного завода.

Однажды собрался деловой Совет. Ряпусов докладывал о подготовке к пуску завода. Внезапно со двора послышались тревожные голоса. Вооруженные люди — как оказалось, бывшие члены земской управы — отнесли охрану и ворвались к нам. Мы схватились за револьверы. Ряпусов выскочил из-за стола и поднял над головой ручную гранату:

— Ни с места!

Заговорщики опешили и сложили оружие.

Через несколько дней мы пустили электростанцию и лесопилку. Это была наша первая большая трудовая победа.

1 Мая 1918 года партийное собрание утвердило Петра Петровича директором фабрики. Поздно ночью мы по обыкновению пошли провожать нашего комиссара домой. Жил он на территории лесопилки.

У самой калитки тепло распрощались.

— Теперь охранники могут быть свободны, — пошутил Петр Петрович. — Я — вне опасности.

Но, как выяснилось наутро, бандиты поджидали комиссара в сенах. Среди заговорщиков находился Титов, тот самый, который позднее совершил кровавое злодеяние.

Ив. ГУБАНОВ, член КПСС с 1917 года

ЧП в Бугуруслане

В этот день в Бугуруслане произошло ЧП. В горотдел милиции прибежал человек и сообщил, что на одной из улиц появились подозрительные люди, одетые не по-нашему и что-то снимают. Синяя машина с красной полосой на борту понеслась к месту происшествия. Действительно, какой-то незнакомец орудовал кинокамерой. На нем цилиндр и старомодный сюртук. Сотрудник милиции попросил предъявить документы. Тогда

«подозрительный» сорвал бороду и бакенбарды, и оба расхотались: ведь это директор местной музыкальной школы Юрий Дмитриевич Гришин, известный в городе кинолюбитель.

Любительская студия Гришина создала уже четыре художественных фильма по чеховским рассказам «На даче», «Беззаконие», «Неудача», «Дочь Альбиона». На состоявшемся в Москве втором республиканском смотре любительских фильмов гришинский фильм «На даче» отмечен дипломом первой степени. Юрий Дмитриевич Гришин получил в награду отличную чехословацкую кинокамеру «Адмирал-16». Сейчас бугурусланцы работают над фильмом «Клевета». На съемках его и произошел любопытный эпизод с вмешательством милиции.

Г. ВЛАДИМИРОВ

Редчайший экспонат

В Пермской области, около деревни Ежово, Очерского района, обнаружено большое кладбище доисторических животных. Археологи под руководством кандидата био-

логических наук П. К. Чудинова нашли скелеты ископаемых чудищ, живших более 200 миллионов лет назад. Предполагается, что некоторые найдены впервые. Ежовское кладбище имеет мировое значение. Здесь, например, обнаружен редчайший экземпляр венценосного ящера, слепок черепа с которого вы видите на снимке. Он экспонируется в Пермском краеведческом музее.

В. РУТКОВСКИЙ

СТО ЛЕТ НАЗАД

О том, что Петр Ильич Чайковский покинул Урал в 1850 году, хорошо известно. Известно и то, что в Петербурге его «определили» в училище правоведения, которое он окончил в 1859 году с чином титулярного советника. Но Чайковский, не прельстившись чиновничьей карьерой, поступил в только что открывшуюся петербургскую консерваторию. Первые произведения Петра Ильича прозвучали в стенах консерватории. Но мало кто знает, когда состоялось первое публичное исполнение его произведе-

ний и с чьим именем это связано.

В середине прошлого века в Европе большой популярностью пользовался австрийский композитор Иоганн Штраус. Его называли «королем вальса», «отцом венской оперетты». Несколько раз Штраус вместе со своим оркестром приезжал в Россию и давал концерты в Павловском вокзале, под Петербургом (вокзалами назывались тогда пригородные места отдыха и увеселений).

В программу павловских концертов «капельмейстер Иван Страус» (так именовали Иоганна Штрауса в России) довольно охотно включал произведения русских композиторов. И 30 августа 1865 года (12 сентября по новому стилю) оркестр под его управлением публично исполнил «Характерные

танцы» Петра Ильича Чайковского. (Через три года они под названием «Пляска сенных девушек» вошли в оперу «Воевода»).

В одном из писем того времени Чайковский писал:

«...По странному стечению обстоятельств на другой день моего приезда в первый раз играли в Павловске мои «Танцы», но афиши я увидел только вечером, когда ехать было уже поздно. Ларош (Герман Августович Ларош — соученик Чайковского по консерватории) был и остался ими очень доволен».

Таким образом, сто лет тому назад Иоганн Штраус познакомил широкие круги слушателей с музыкой великого русского композитора.

Е. С.

Через тридцать лет

Из семьи «ТУ»

Эти азросани-амфибия созданы в конструкторском бюро Андрея Николаевича Тулолева. Они красивы, легки, а главное, могут ходить по воде и снегу. Их грузоподъемность — два человека и 600 килограммов груза. Скорость — 60—120 километров в час.

У новой машины нет полозьев, крыльев или колес. Она идет всей своей покрытой полиэтиленом нижней поверхностью. А это открыло ей возможность преодолевать снежные сугробы, песчаные косы и водоемы глубиной в несколько сантиметров.

Первые образцы амфибий скоро посядутся у связистов, геологов, рыбаков, оленеводов.

Ю. ТЮМЕНЦЕВ

Ровно тридцать лет тому назад — 6 мая — в Свердловске был дан старт большому велопробегу. В нем участвовали девять сильнейших спортсменов, в основном студенты горного института.

Им выпала честь испытать отечественные велосипеды и покрышки.

Перед спортсменами лежала длинная и нелегкая дорога по Голодной степи, пескам Каракумов, горам Кавказа и Крыма, через Украину в Ленинград. По бездорожью приходилось тащить велосипеды на себе. Много хлопот причиняли проколы: в иной день их было около десятка... И все же четырнадцать тысяч километров остались позади.

...6 мая 1965 года в горном институте встретились участники знаменитого велопробега. Многие из них уж поседели. Валерий Васильевич Скрябин — заведующий кафедрой физиологии Свердловского педагогического института, профессор, доктор медицинских наук. Александр Петрович Дерягин — заведующий лабораторией Института горного дела. Во время войны он прошел путь от Москвы до Берлина, штурмовал рейхстаг. Николай Александрович Каданов работает на комбинате Челябинскуголь. Дмитрий Васильевич Бокарев — главный специалист Высшего Совета Народного Хозяйства СССР — не смог приехать из Москвы и прислал друзьям приветственную телеграмму.

Был на встрече и Федор Филимонович Гудошников. В 1935 году, совсем мальчишкой, он слесарил в Казалинске, ремонтировал вилку велосипеда Каданова, когда уральцы проезжали через этот городок. Теперь Федор Филимонович, наш земляк, — кандидат медицинских наук.

«Лес рубят — щепки летят!»

И не только щепки, целые верхушки деревьев летят в костры или в топку печей. А жаль: ведь древесина нужна строителям, мебельщикам, корабельщикам, железнодорожникам, шахтерам...

И тогда инженеры предложили делать из щепы большие древесные плиты, с успехом заменяющие доски. Тонкие ветки, верхушки деревьев распилили на короткие бруски и отправили в «баню».

Чистые и распаренные бруски направили в дереворубку, превратившую их в мягкую стружку. Сухой горячий воздух сушит ее. Потом просушенную горячим воздухом стружку перемешивали со специальным составом, предохраняющим ее от гниения, и клеем, рассыпали ровным ковром на большой, размером с комнату, лист и прессом сжали ее до тоненькой твердой плиты. И так, готова стенка комнаты без единой щели. Самый умелый плотник не выстрогал бы подобную.

Между прочим, в дело теперь идут не только стружки, даже опилки.

Чудо-плиты делают теперь на деревообделочных комбинатах Урала.

К. САКСЕЕВ

Е. К.

АЗИН

Из воспоминаний

О легендарном начдиве Владимире Мартиновиче Азине написано немало, писалось о нем и в «Уральском следопыте». Мне хочется рассказать о некоторых чертах его личности, которые мало освещены в литературе.

Мое знакомство с Азиным произошло осенью 1918 года. В то время я служил в штабе 2-й армии Восточного фронта и нередко бывал в 28-й дивизии.

Надо сказать, Азин относился тогда к штабным работникам с предвзятостью. В этом проявлялись не изжитые еще до конца его партизанские настроения.

Известно, что новое командование 2-й армии, принимая в сентябре 1918 года боевые части, отмечало недостаточную дисциплинированность некоторых из них, в том числе отрядов Азина и Чеверева. Но уже в декабре Азин был представлен к ордену Красного Знамени: так быстро шел у него процесс освобождения от всего наносного. Да и не мог талантливый самородок-полководец, не преодолев своих недостатков, стать народным героем.

Азин обладал огромной волей и отличался поистине железной требовательностью к себе и подчиненным. Бойцы и командиры дивизии знали: слово начдива — приказ! Приказ начдива — закон!

Мне запомнился случай, который может показаться анекдотичным.

В начале июля 1919 года Азин приказал одному из полков овладеть городом Красноуфимском, не надеясь, по-видимому, что 5-я дивизия, наступавшая на Красноуфимск с запада вдоль железной дороги, выполнит эту задачу своими силами. Азинцы ударили с севера. Перейдя разграничительную линию с соседом и не разобравшись в обстановке, они вступили в перестрелку с «противником»,

оказавшимся 37-м полком 5-й дивизии. Когда ошибку выяснили, командир азинского полка ничего не хотел слушать и настойчиво повторял: «Имею приказ Азина захватить город!» Пришлось связаться с самим начдивом 28-й. Только тогда все уладилось.

Обычно при подготовке сложных операций в дивизии выезжал сам командующий 2-й армией Василий Иванович Шорин. Так было и в январе девятнадцатого года, когда готовился удар по белогвардейцам в районе Кунгура.

Вместе с командующим к Азину отправился и я.

Мы вошли в штаб дивизии, разместившись в одном из домов на Бикбардинском заводе. Из-за двери послышалась какая-то возня и громкий возглас:

— А ну, держись, сынку!

Шорин распахнул дверь.

— Встать! Смирно! — зычным голосом скомандовал дежурный Бекман, увидевший командарма, и хотел было начать положенный рапорт.

Двое барахтавшихся на полу вскочили. Один из них — это был Азин — отстранил его, вытянулся, готовый рапортовать сам. Но Шорин жестом остановил его и, насупившись, стал здороваться с присутствующими за руку. Потом недовольно спросил:

— Что это, товарищ Азин, происходит в штабе вверенной вам дивизии?

— Двое суток ни минуты не спали, товарищ командарм. Обстановка не позволяла. Вот мы и решили, чтобы сон разогнать, побороться. К тому же, мой начштадив товарищ Контрым, — подавляя улыбку, ответил Азин, — бывший борец.

— Вы бы лучше белых так тузили, чем друг друга! — смягчаясь, проговорил Шорин.

Азин хитро посмотрел на командарма.

— Да мы и в этом не на последнем месте, Василий Иванович! Приказы выполняем точно!

— Еще бы! Чем хвастаетесь!.. Ну так вот. Щучье озеро приказываю держать хоть зубами! Назад — ни шагу!

— А вперед?

Шорин, далекий от шуток, видимо, не понял начдива и серьезно ответил:

— Вперед всегда одобрю! Но в данном случае надо будет начать маневр. Вы, товарищ Азин, возглавите ударную группу и неожиданно для колчаковцев

ударите на север, на Кунгур. Надо третью армию выручать. Стукнем во фланг и тыл вражеской группировки, которая теснит третью армию западнее Перми. Операция ответственная! А как возьмете Кунгур,—Шорин широко улыбнулся,—то хоть оплеть боритесь. Только на голом-то полу не советую: ребра другу другу переломаете!

Присутствующие, поняв, что командарм прибыл не для «разноса» и вообще «отошел», весело рассмеялись. Азин погрозил кулаком Контрыму и задорно проговорил:

— А будешь ты у меня, начштадив, на лопатках!

Контрым отрицательно покачал головой.

— Не-ет! Силища у тебя, начдив, есть. А на приемчик ты мне попадешь и сам, дорогой Володя, будешь любоваться на потолок. Искусством борьбы не владеешь!

— Зато военным неплохо владеет. А сейчас это нужнее,—заклучил Шо-

рин.—Ну-с, займемся, товарищи, разработкой удара...

Ударная группа под командованием Азина, успешно осуществляя план, достигла в январе 1919 года крупных успехов и дошла до Кунгура.

Удар по Кунгuru—один из ярких примеров взаимодействия наших армий на Восточном фронте.

Особенно близко с Азиным я сошелся после освобождения Екатеринбурга, когда его дивизию перебрасывали на Южный фронт. Я был сопровождающим.

Целую неделю караван судов двигался по Каме и Волге—от Сарапула до Вольска. На головном пароходе «Лермонтов» находился Азин со своим штабом, политотдел, редакция дивизионной газеты «Красное Знамя».

В первый же день Азин пригласил меня пообедать с ним в узком кругу. И тут же сказал:

— Мне говорили, что вы учились пению в консерватории,—вот хорошо! Я приказал вечером организовать кон-

Штаб 28-й стрелковой дивизии. В середине начальник 28-й стрелковой дивизии Азин.

церт. У меня здесь, на пароходе, оркестр и артисты — целая труппа под руководством Долина. А певцов нет. Вы споете!

— Не смогу, товарищ Азин, — ответил я. — Во-первых, я на службе, во-вторых, мне нужны ноты, и в-третьих, — давно не пел...

— В-четвертых, — резко и повелительно перебил Азин, — все это чепуха! Споете!

Я не сдержался и в тон ему продолжил:

— И, в-пятых, петь не буду!

Азин надулся.

На обед я, конечно, пришел. Помнится, за столом собрались начштадив, военком дивизии Г. Н. Пылаев, начподив, начальник артиллерии и еще два-три человека.

На концерте я не присутствовал. Стояла тихая звездная ночь. Мне не спалось. Я вышел на палубу и устроился в кресле.

Вдруг слышу:

— Да... В такой обстановке даже трудно поверить, что где-то льется кровь... много крови! Не дают нам спокойно жить!

Это говорил Азин. Он, как и я, сидел в кресле совсем неподалеку.

Не услышав ответа, Владимир Мартинович расценил мое молчание по-своему и задушевно сказал:

— А я не хотел вас обидеть... Как-то привык, что мои просьбы обязательно выполняются.

— Не считаясь с тем, что другие привыкли к корректному обращению? — нелюбезно заметил я.

Азин весело, почти шутливо спросил:

— А как же Шорин?

Мы оба расхохотались. И потекла дружеская беседа. Владимир Мартинович вспомнил первую встречу с Шориным и членом Реввоенсовета Гусевым в сентябре 1918 года, рассказал, как сильно на него подействовала их резкая, но справедливая критика его недостатков.

— Вначале я обиделся, — сознавался Азин, — но, поразмыслив, обуздал себя. «Наша армия должна стать по выучке и дисциплине лучшей в мире. Иначе не будет не только Красной Армии, но и Советской республики». Добро бы слышать такое от старейшего ленинца Гусева, а то говорил беспартийный старик — военспец, бывший царский полковник! Как тут было не обидеться! — добродушно

смеялся рассказчик. — Ну, а как, после того заседания Реввоенсовета Шорин имел ко мне подобные претензии? — спросил он.

— Подобных — нет, — ответил я. — Но вы знаете, что иной раз ругал за отдельные проявления излишней самостоятельности. Но чаще хвалил. Вообще он относится к вам, как к сыну.

Азин довольно хмыкнул.

— Потому-то я так охотно согласился на переброску моей дивизии на юг. Хочу воевать под руководством Василия Ивановича. Боевой старикан!

...В феврале 1920 года Шорин был назначен помощником главнокомандующего вооруженными силами Республики. Сдав командование Кавказским фронтом Тухачевскому, он стал собираться в Сибирь, где должен был возглавить военную власть. С Шориным ехало немало штабных работников, служивших ранее во 2-й армии. Жили мы перед отъездом в специальном поезде.

Во второй половине февраля я отправился к Шорину с какой-то телеграммой. Остановился в дверях вагона, ожидая разрешения войти и привычного вопроса: «Что у вас?». Шорин сидел с окаменевшим лицом, словно не замечая меня. Потом махнул рукой и непривычно тихо произнес:

— Позже... Зайдите через час, что ли. Впрочем, вы ведь тоже второармеец и знали Азина. Сейчас сообщил Тухачевский... Командарм Павлов передал, что 17 февраля наш Азин погиб... Захвачен в плен и...

Вскоре поступили подробности. Азинцы вместе со своим начдивом до конца сражались в ожесточенном неравном бою с многочисленной вражеской конницей, выручая соседние дивизии. В двух бригадах 28-й дивизии (третья была выведена в армейский резерв) к концу боя остались единицы. Легендарный начдив, отрезанный казачьими лавами, с горсткой командиров пытался прорваться к своим полкам, но был захвачен в плен.

Установить точную дату смерти Азина не удалось. Известно, что, измученный изощренными пытками, неустрашимый начдив-патриот был повешен белыми на площади станицы Тихорецкой.

Для всех нас он героически погиб 17 февраля 1920 года.

В. ЛАДУХИН,
полковник в отставке.

Гризы судьбы

Рассказ

Александр ДЕМЧЕНКО

Рисунки А. Туманова

Я шел по родному Новотроицку, узнавал и не узнавал его.

Сахарный завод, окутанный дымом и паром, похожий на гигантский паровоз, еще издали приветствовал меня густым, низким басом гудка. В воздухе пахло подгоревшей све-лой и патокой. Осеннее солнце, еще по-среднеазиатски жаркое, уже начинало остывать и склонялось к снеговому, будто нависшим над землею горным громадам. Высоченные тополя двумя рядами выстроились по обочинам дороги у высохшего арыка. Жухлые припыленные листья кое-где еще сиротливо держались на неподвижных ветках.

Старые, до боли знакомые картины. С ними связано детство, бурные, прошумевшие вихрем школьные годы. В глаза бросаются большие перемены. Вместо пыльных улиц — ровный и чистый асфальт, вместо глиняных дувалов — живая изгородь из густого кустарника, вместо мрачных барачков — красивыми белокаменными замками возвышаются многоэтажные дома. Машины — как в шумном городе. Раньше я знал все номера автомобилей наперечет, всех водителей по имени — зря, что ли, сам больше года шоферил! Теперь, пожалуй, не пересчитаешь и марки автомашин. Раньше я знал в поселке самого задрипанного пацана. Теперь иду и удивляюсь: к себе ли я попал? Вокруг деловито спуют незнакомые люди и на меня, коренного жителя Новотроицка, ровесника этих самых пирамидальных тополей, ровесника завода, с кем вместе рос и набирал силу, не обращают никакого внимания. И я невольно чувствую себя оторванным листом, случайно занесенным сюда попутным ветром. А мне хочется заорать во все горло:

— Вернулся я на Родину!..

Хочется швырнуть в сторону чемоданчик, сбросить с себя офицерский костюм и обратиться в мальчишку, обежать весь поселок, увидеть всех знакомых, всех друзей, хочется ворваться в школу, заглянуть во все укромные уголки и навестить заросший, молчаливый пруд, где любил уединяться с книгой...

Я едва сдерживаю нахлынувший на меня восторг, мои глаза останавливаются на каждом встречном.

Вот из проходной завода выплывает людской поток. Парни, девушки, мужчины, женщины — чумазые, щеголеватые, угрюмые, веселые, черные, рыжие, светлые. Люди шли на обед. Стала попадаться и знакомые. Отовсюду несло:

— Саша, здравствуй!

— Привет авиации! На побывку?

— С приездом!

— Заходи на автобазу.

Да это же Витька! Я помню его еще мальчуганом, вечно перемазанным автолом и мазутом.

— Приду. А ты все слесаришь?

— Нет, я заместитель начальника автобазы.

Вот и первые срывы. Как я не догадался, что люди-то ведь растут. Теперь он уже не просто Витька, а звезда второй величины в автомобильном царстве Новотроицка. Нет больше Витек, Юрок, Галок... Есть Виктор Михайлович, Юрий Тимофеевич, Галина Павловна. Детство ушло в предание...

Я с легкой грустью смотрю на своих бывших соучеников. Лихое было время. В каждом, казалось, сидит чертенок. А теперь — взрослые люди. Морщины на лицах, в глазах поухли бы-

шенные всплески. Тот похудел, тот зарос, как старик. А эта так раздобрела, что смахивает на свою маму, учительницу немецкого языка, которая втискивалась в класс только боком, чем вызывала всегда веселое оживление учеников. Меняются люди. Вот она, необратимость бытия. Да и я, вероятно, тоже постарел. Должна же сказать свое веское слово военная жизнь с ее частыми тревогами, с ее переездами, с перегрузками в полетах. Военный человек всю жизнь проводит не там, где ему хотелось бы, а там, где прикажут. Учения, командировки, наряды и прочие обстоятельства нередко ломают и распорядают жизни, и личные планы. Приходится зачастую работать «на износ», так как приказ должен быть выполнен во что бы то ни стало. И, пожалуй, главное — военный человек в любую минуту обязан чувствовать себя на боевом взводе. Это тоже нелегко. Впрочем, к чему я разнылся? Ведь мне по душе моя служба, особенно полеты. Разве есть на земле профессия лучше летной? Вам незнакомо чувство, когда вы несетесь навстречу голубой бесконечности, оставив позади себя все приземленное, тихохонное? Уверю, вы переживали бы самые счастливые минуты, очутившись на моем месте, в кабине истребителя, один на один с небом...

Из раздумий меня вывел тихий смехок.
— Хе-хе, не узнаете, гражданин капитан?
Глянул — и обомлел: Серега! Сколько лет, сколько зим!..

Мы мяли друг другу бока, топтались на месте. Затем, будто устыдившись сентиментов, утавились друг на друга.

В детстве Сергей был крепким, скуластым мальчуганом с большими карими глазами. Он был очень подвижный и всегда находил увлекательное занятие. Мог сорваться вдруг с места и броситься напрямик через сады и огороды, презирая остервенелый лай всполошившихся собак, а за ним, визжа от восторга, уносились и мы, голоштанная ребятня. Он мог объявить войну соседней улице, а себя — лихим Чапаевым и первым кинуться в жаркую схватку. Во всех его играх я принимал обязательное участие. Мы были неразлучны и не представляли, как это можно обходиться друг без друга. Но оказалось — можно, если мы, повзрослев, обошлись...

Серега, неужели это ты?..
Передо мной стоял болезненный человек. Тонкая, землистого цвета кожа, впалые глазницы, острые широкие скулы и слегка приплюснутый нос. Некогда коричневые глаза теперь выцвели и глядели устало, с чуть заметной усмешкой. Под серенькой стираной-перестиранной тужкой резко обозначались широченные костистые плечи.

Сергей много курил и настроен был как будто бы шутливо. Но когда он смеялся, обнажались неровные прокуренные зубы, а где-то в глубине груди что-то булькало, клокотало, и смех получался шипящим.

Я смотрел на друга детства, надломленного человека, и жалел его. Жалость всегда оскорбительна, но она рождалась во мне вопреки воле. Как искалечил ты себя, Сергей! Сам!

...Весна 1945. Уже ощущалось близкое дыхание победы. Вечерами мать, вернувшись с работы, сгребала меня и сестренку в объятия и шептала с пугливой радостью: «Папка опять письмом прислал. Он пишет: милые детки, слушайте маму, я скоро приеду домой...».

В поселке не было здоровых мужчин. Все были там, на фронте. Маленькие листочки бумаги: «Сообщаем, что ваш... погиб смертью храбрых» были знакомы почти каждой семье. А нас миновало это ужасное известие, и мы боялись вспугнуть свое зыбкое, хрупкое счастье.

А война затухала, и все ближе подходил тот долгожданный день, когда по радио объявят: победа! И мне часто виделось в мечтах, как отец, весь в орденах и медалях, подхватит меня и мою сестренку своими сильными руками и понесет через весь Новотроицк к стадиону на митинг, а рядом будет идти помолодевшая мать...

Однажды, прибежав из школы, я почувствовал неладное. В комнате почему-то было полно женщин. Едкий запах нашатырного спирта шибанул в нос. Все суетились, охали, бормотали: «Не у тебя одной», «Возьми себя в руки»... Я протиснулся вперед. На кровати лежала мать. Все поплыло у меня перед глазами.

— Мама! — я бросился к ней. Упал на чьи-то руки, бился, кричал, ошеломленный и напуганный.

...Дни незаметно переходили в ночь. Кто-то зажигал коптилку и ставил ее на окне. Я сидел рядом с кроватью и видел заостренное, с красными глазами лицо матери. Она лежала неподвижно, изредка из ее груди вырывался глубокий вздох. Иногда ее губы вздрагивали, и она шептала: «Принесите пить...». Я срывался с места, но чьи-то женские руки уже с готовностью подносили к ее губам банку с водой. Кажется, на третий день она позвала меня и сестренку, глядя в потолок, нащупала тонкой вялой рукой наши головы и заговорила:

— Нет у вас больше папки, сиротинушки вы мои...

Спазмы сдавили горло, горючие слезы сами покатались по щекам. Мать встала, держась руками за кровать, добралась до сундука, открыла его. В пустом сундуке тщателью обернутый куском сатина лежал отцовский костюм. Мать достала его, развернула и положила на колени.

— Папа очень любил этот костюм и носил его только по праздникам — задумчиво заговорила она. — Я выменяла на хлеб уже все его вещи. Костюм хотела сберечь до его прихода. Теперь он не придет...

В воскресенье она продала костюм. Деньги таяли быстро. А через несколько дней она наскребла последние сто двадцать рублей и послала меня, чтобы я купил на базаре хлеба.

Я ходил и смотрел, как продают окаменелый, залапанный черный хлеб, смотрел, как торгуются, спорят, плачут, стараясь разжалобить счастливого обладателя буханки. Наконец полез в карман за деньгами. Пусто. В другом кармане их тоже не оказалось. Значит, вытащили. Пошатываясь, я выбрался из толчи и заревел. Как возвращаться домой без хлеба? Ведь мать продала последнее, что осталось от отца, — его костюм. Помимо воли ноги привели меня к хлебному ларьку. Возле него кишела огромная очередь. Здоровенная горластая тетка выкрикивала номера.

— А ты чего нюни распустил? — услышал я бойкий фальцет.

Курчавый скуластый мальчишка с деревянной шашкой на боку нетерпеливо, подражая коно, перебирал ногами.

— Тебе какое дело, — огрызнулся я.

— Мужчине стыдно плакать.

— Я не за себя. Мне мамку жалко. Она умрет с горя, если узнает, что у меня вытащили деньги... Дома — ни крошки хлеба.

— Это плохо. — Мальчишка почесал космы, вдруг подхватился и исчез, успев шепнуть: — Жди здесь.

Появился он так же неожиданно и сунул мне в руки небольшой сверток в тетрадной обложке.

— Отнеси домой и — обратно. Будем в войну играть, ладно?

В свертке оказался хлеб. Так я подружился с Сергеем.

Он был единственным у матери, дородной пышноволосяй женщины, от которой вкусно пахло хлебом. Она работала в ларьке. Его отец погиб в самом начале войны. Дом у них был огромный и красивый. Сразу за домом начинался сад. Среди зеленой листвы заманчиво белели, наливались сладким соком антоновки. Учились мы с Сергеем в разных школах, но в параллельных классах. Учеба шла неважненько. Тащились мы из класса в класс на тройках. Матерям некогда было уделять нам внимание. После уроков мы забрасывали тетрадки и, вооружившись «шашками», рубили фрицев — густые заросли лопухов по берегам арыков и в глухих балках.

Часто, набегавшись вволю, забирались в маленькую уютную комнатку Сергея и читали книги о морях, великих путешественниках, необыкновенных, отважных людях.

Как-то прочитали мы «Робинзона Крузо». — Давай убежим из дому! — предложил Сергей. — Ты будешь моим Пятницей, а я Робинзоном.

Я замотал голову.

— А как же мама, школа?

— Фи, маменькин сыночек, — скривился Сергей. — Мы возьмем ножи, будем ловить и есть диких коз. Идет?

Я представил свою мать. Она еще не отошла от недавнего горя, а тут прибавится новое. Нет, я не могу покинуть ее.

— Как хочешь, — с деланным равнодушием сказал Сергей. — Я сбегу один.

Утром его не было в школе. Когда после уроков я пришел к нему домой, на дверях висел замок. Вечером прибежала тетя Нюра, его мать. До этого она никогда не заходила к нам. Вид у нее был встревоженный.

— Ты не знаешь, где Сережа? — спросила она.

— Нет, — ответил я, почувствовав, как запрыгало сердце. «Значит, сдержал свое слово». Сергей в моих глазах сразу стал героем.

Назавтра его увидел на берегу пруда соседский рыбак, хромой дядя Паша. Сергей сидел на корточках и ковырял домашним ножом землю.

— Ты что здесь делаешь?

— Рою землянку.

«Робинзон» был возвращен домой. Тетя Нюра плакала и целовала его без конца. Потом он с жадностью уплетал за обе щеки свежий хлеб с молоком и с гордым видом поглядывал на меня. В тот год он получил переэкзаменовку на осень по двум предметам. А когда подошла пора сдачи экзаменов, заупрямился: «Не пойду сдавать». Материны уговоры не помогли. Сергей отстал от меня на класс. Повторение не принесло пользы. Сергей надумал податься в ФЗУ. Тетя Нюра рассудила так: пусть закончит фаб-

рично-заводское училище, а там сам поймет, что надо учиться в школе.

Так наши дорожки пошли в разные стороны.

Теперь я видел Сергея реже. Ходил он в масле, мазуте, руки у него были в ссадинах и царапинах. В карманах позвякивали сверла, гайки, болты. Со мною он стал разговаривать тоном бывалого человека.

— Все детством в школе занимаетесь? А я уже всюю токарничаю.

Слово «фэззушник» многим в то время резало слух. Среди них было порядком отъявленных хулиганов, любителей прибрать к рукам все, что плохо лежит. Оно и немудрено: первые годы после войны были вообще голодные.

Сергея я редко заставал дома. Зато на полянке перед чайной он частенько бывал в обществе четырех незнакомых мне парней. Впрочем, одного из них, Мишку, я знал понаслышке. Он тоже был фэззушником года два назад, что-то украл в общежитии и был выдворен из училища. Огромный детина с ленивой кошачьей походкой, он вызывал во мне подозрения. Этот верзила с орлиным носом и желтыми глазами уж очень внимательно относился к Сергею. К явному удовольствию моего друга, называл его Урега.

— Эх, Урега, кремень-парень, пошарь-ка в карманах, не заваялся ли рваный?

Сергей с готовностью вытаскивал деньги, а если у него их не оказывалось, то бежал к матери в магазин и вскоре возвращался оттуда торжествующий: принес.

— Молоток! — хвалил Мишка, беря деньги, и посылал кого-нибудь за водкой.

Потом они по очереди пили из горлышка, закусывали зелеными яблоками, курили, дурачились, отпуская вслед девушкам двусмысленные шуточки. Сергей тоже глотал свирепый напиток,

неумело, задыхаясь, курил папиросы, сочинял остроты с приправой — словом, старался ни в чем не отстать от своих новых друзей. На меня он не обращал никакого внимания, ему было неинтересно со мною. Когда мы оставались наедине, я пытался убедить его, чтобы с этими друзьями он держал ухо востро.

— Ты брось,— зло отвечал он.— Таких друзей поискать надо. В огонь и в воду пойдут, не побоятся. Не маменькины сыночки!

Закрутился я в школе, зарылся по уши в различные дела. После уроков — занятия в кружке самбистов, два раза в неделю почти все ребята нашего класса ездят на занятия в аэроклуб. Много книг читаю, романтикой полон. Мой день с утра до вечера сжат, как пружина. Вот только с алгеброй я не совсем в ладах. Ну, да совладаю и с нею. Иногда вижу Сергея. Перекинемся накоротко двумя-тремя фразами — и в разные стороны. Изменился Сергей, стал какой-то непонятный.

Западная окраина Новотроицка, где с одной стороны темнеет поле с горами сахарной свеклы, а с другой тянется высокий глинобитный забор сахарного завода, — ночью место глухое, неприветливое. Одинокие прохожие, если случалось возвращаться этой дорогой, стараются поскорее миновать мрачное место: очень уж нехорошая слава о нем.

В тот вечер я возвращался от Лили. В полумраке я видел ее красивые, слегка раскосые, чуточку удивленные глаза. В ушах все еще звенел ее чистый заразительный смех. Хорошая она девушка, общительная. Веселая, но не пустушка. В классе никто лучше ее не сможет написать сочинение. А задачи по алгебре она щелкает, как орешки. Круглая отличница. Мало того, она сама, добровольно вызвалась помогать мне по алгебре. Как она ругала меня на комсомольском собрании! «Эх, ты,— говорит,— а еще и мальчишка, а еще и на летчика в аэроклубе учишься, а в математике — ни бум-бум!». Теперь мы занимаемся вместе. После уроков я прихожу к ней и превращаюсь в ученика. Нет на свете ученика послушнее меня. Мне нравится, когда она строго сдвигает тонкие крутые дужки черных бровей и, подражая нашей математичке, начинает объяснять решение уравнения. Мне нравится, когда она склоняется к моей тетрадке так близко, что ее мягкие волнистые волосы шкочут мою щеку. Я замираю от ощущения новизны. Я испытываю в такие минуты прилив нежности к моей милой учительнице.

Сегодня я задержался позже обычного. Лиля почему-то сама не смогла решить простое уравнение. Когда я собрался идти домой, она спросила:

— Тебя проводить?

Мне очень хотелось, чтобы Лиля проводила меня. Но что она тогда подумает обо мне. Мол, испугался один возвращаться, у девчонки попросил помощи.

— Что ты, я и сам дойду,— ответил я беспечно.

— Смотри, тут место глухое.

— Фи, я хоть через кладбище пройду.

В тот момент мне хотелось совершить что-то такое страшно героическое. Пусть Лиля знает, что я не просто обыкновенный парнишка, который «в математике ни бум-бум».

Я шел, раздумывая о ней. Вдруг впереди мелькнул темный силуэт. Рядом другой. Вспом-

нилась нехорошая слава об этом местечке. В груди заколотилось сердце.

«Спокойнее, это просто такие же прохожие, как и ты», — сказал я сам себе, невольно ссутулясь и скрещивая руки перед собой. «Такие же прохожие» однако не двигались. Они стояли посреди дороги и молчали. В темноте волчьим глазком вспыхивали красноватые светлячки папирос.

Я принял правее, чувствуя, как наливаются свинцом ноги. Силуэты тоже передвинулись вправо.

«Может, повернуться обратно, вернуться к Лиле? — мелькнула мысль, но я тут же обругал себя. Как после этого она будет смотреть на меня. Вспомнились крылатые слова: «Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу». Эти слова я аккуратно выписал себе в особую тетрадь в тот день, когда поступил в аэроклуб. В тот же день я дал себе клятву: никогда и ни в чем не поддаваться своей слабости. Неужели же сейчас я буду праздновать себе труса? Какой же из меня тогда получится летчик?

Цепenea от ужаса, я медленно продвигался вперед. Две фигуры преградили путь. Низкий пропитый голос прошипел:

— Кеша, дай закурить.

— Я не курю.

— Брось прикидываться, в левом кармане папиросы.— Рука незнакомца протянулась ко мне из темноты.

«Странно, этот хриплый голос где-то я слышал». На мне был новенький шерстяной китель. Его справила мать ко дню моего рождения. Деньги на материал она копила долго, вечерами пересчитывала, приговаривая: «Еще чуточку осталось. Я хочу, чтобы ты ходил не хуже других».

Дальнейшее произошло молниеносно. Я откинулся назад, а левую вытянутую ногу что есть силы послал вперед. Это был запрещенный прием самбо, но запрещенный в товарищеской встрече...

Ночную тишину разорвал крик боли. Я рванулся вперед, за мною неслись неистовые ругательства:

— Падла!.. Урега, держи!

От стены отлепилась фигура и бросилась мне наперерез. Сильная хватка за плечо. Рывок к себе. Я вплотную увидел знакомое лицо. От изумления выдохнул:

— Сергей?!

И разозлился:

— Что за шутки! Ведь так можно..

Но он закрыл мне рот ладонью, зло, испуганно, умоляюще прошептал:

— Беги!

Я помедлил, но он толкнул меня в спину. Я приналег на ноги.

На следующий день я был у Сергея.

— Объясни, пожалуйста, вчерашнее! — потребовал я.

— Ты кому-нибудь сказал? — вместо ответа спросил Сергей.

— Нет, но..

— Сашка, беда. Мишка узнал тебя. Он грозит убрать тебя. Чтобы не продал нас. Да и за удар он не простит. Чем это ты угодил ему? Прямо в живот. Едва очухался.

— Но в чем дело? Вы?..

— Да, да! Мы! — Сергей вскочил и закричал: — Мы грабили!..

Глаза его округлились, засверкав белками. Лицо, обычно спокойное и чуть насмешливое, исказилось, как от нечеловеческой боли. Я невольно попятился. Мне казалось, что он сейчас меня ударит. Но он вдруг упал на кровать лицом вниз. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, затем сделал шаг к нему. Я хотел успокоить его, сказать что-нибудь утешительное, но услышал приглушенную фразу:

— Уйди.

Целый день я находился в состоянии подавленности. Вся учеба полетела к черту. Ни одна строчка из учебника не лезла на ум. Надо быть идиотом, чтобы спокойно продолжать учить уроки. Тут решается судьба Сергея. Добрый, отзывчивый парень, как он мог решиться на такое! А ведь я и не подозревал, что дурачества Сергея в компании Мишки так далеко заведут его.

На следующее утро я снова пошел к Сергею. Решил — не отступлю, пока не уговорю его порвать все связи с преступной компанией. На крайние меры пойду, а Сергея буду спасать.

Но я опоздал. Еще ночью, за несколько часов до моего прихода, Сергей был арестован.. И вот через четырнадцать лет — встреча.

— Значит, в отпуск пожаловали, гражданин капитан? — В глазах Сергея едва поблескивает искорка, а губы натянута кривятся в вымученной улыбке. Он пытается шутить, но шутка его получается деревянная, даже обидная для меня.

Я делаю вид, что не замечаю язвительного тона и, кивнув, серьезно спрашиваю:

— Как у тебя жизнь?

— Жизнь катится, кто поздно хватится — плохо будет.

— Нет, серьезно?

— Я и говорю, жизнь бьет ключом — и все по голове.

Сергей еще некоторое время упражняется в своих невеселых каламбурах, потом вытаскивает из кармана две тонкие, как гвоздики, памятные папиросы, одну, поцелее, протягивает мне.

— Не курю, — отказываюсь я.

— Здоровье бережешь? Ну, для летчика оно нужно.

— Здоровье необходимо каждому.

— Тоже правильно. Ну, а мне все равно погибаться. На одном легком далеко не протянешь. Другую половину у меня вырезали. Плеврит, туберкулез и прочее. — Сергей сказал это беспечно, словно речь шла о сущем пустяке. — Хочешь взглянуть?

Он смахнул с себя тужурку и повернулся ко мне спиной: всю правую половину пересекал красный уродливый шрам шириною в палец. Я передернулся. А Сергей, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Полгода валялся я в тубичституте. Состояние все ухудшалось, и мне предложили операцию. А что делать? Теперь вот не пей, не кури, ни в коем случае не простывай. Пенсиску подкинули. Лежу целыми днями на кровати, кини-

ЛЕВ СОРОКИН

Новые стихи

Кольца

*По кольцам на срезе дерева
можно узнать: сколько
оно прожило.*

Бойцами сосны погибают,
И пни надгробьями стоят.
И к ним недаром подбегают
Ватаги маленьких опят.
Они глядят на срез покатый:
А что он скажет о себе!

На срезе —
кольца,

это даты
Столетий, пройденных в борьбе.
Одни — пошире,
Эти — уже,
И видно всем,
Как в тяжкий год
Встречали сосны
Натиск стужи
И гроз грохочущих
Налет!

Сменялись радостью невзгоды...
Изгибы,
как они густы!

Как видно,
время кольца-годы
Метало точно с высоты!
О время!

Ты не пропадешь
Все без остатка,
без следа,

И в эти кольца ты вырастешь,
Вбивая в дерево года,
Сжимая в подвиг путь далекий
В крутой натруженной судьбе...
На срезях я читаю строки,
Что носим время мы
в себе!

жонки про злых разбойников почитываю. Как приходит пора пенсию получать, так матушка возле чипка дежурит. Чтоб не пил. А я делаю крючок и в магазине бутылочку уговорю. Курить бросал два раза. Но, понимаешь, неумоги. Так и гложет, так и сосет. Все внутри переворачивается. И нервишки — ровно кто их крючком зацепил и дергает. Ночью сна нет. А закуришь — вроде полегчает, голова очумеет, забудешься до утра. Хотел на работу устроиться — врачи не советуют. Зато в больнице я человек свой. Вторым домом стала для меня больница...

Сергей поперхнулся и закашлялся, затрясся всем телом и виновато посмотрел на меня. Затем снова сунул в рот погасшую папироску, прикурил, сделал жадную затяжку. Его багровое, покрывшееся капельками пота лицо вновь обрело мертвенную бледность.

— Это все из-за Мишки. Помнишь его? Он научил меня и курить, и пить, втянул в свою шайку. Ты что думаешь, меня нужда заставила? Нисколько. Мне Мишка нравился. Пиратский вид. Смелый. Независимый. Перед ним все трепетали. А какой ловкий! Я до сих пор удивляюсь, как ты его тогда смог так?.. От него никто не уходил. А как он ко мне относился! «Урега, ложись на меня», — говорил он... Вместе с ним в тюрьму загремели. Там он научил меня в карты резаться. Проиграл я ему уйму денег. В блатном мире — закон джунглей: не погасишь долг — на карту жизнь. Прибьют — концы в воду. Отдал ему все теплые вещи, что матушка прислала. Только бы рассчитаться с долгом. Я замерзал, а Мишка, разодетый во все теплое, мое, и не подумал помочь мне. И это называется кореш. И это за то, что я на суде выгородил его. Я ведь на себя взял его вину. Я вовсе не раздевал человека, стоял далеко. А Мишка пристал: «Возьми на себя, я два раза был судим. Тебе меньше дадут». Я и взял на себя... В тюрьме переболел воспалением легких. Мишку понял, его ничтожную волчью душонку. Вышел — решил порвать. Мишка лисицей вокруг меня обвивался, опять на прошлое подбивал. Я и высказал ему все.

Не понравилось, дешевой обозвал, сказал, что дорожки наши еще пересекутся. И вот в прошлую зиму, когда я возвращался из кино, на меня напали сзади, сбили с ног и давай ногами бить. До четырех утра пролежал я на снегу, пока на меня не наткнулись рабочие, идущие со смены. Схватил двухстороннее воспаление легких. Кашлял и докашлялся до туберкулеза.

Сергей горестно усмехнулся.

— А Мишка? — спросил я.

— Опять в тюрьме. Таких гадов тюрьма не исправляет. Их надо уничтожать, как бешеных собак. — С этими словами Сергей поднялся, сунул мне руку: — Ну, Саша, бывай. Тебя мать ждет. Наверное и не знает, что приехал?

— Да, хочу нагреть неожиданно. Пойдем к нам?

— Что ты! Мне надо обед сварганить, скоро матушка с работы вернется. — Сергей вдруг показал рукой вверх и спросил: — А ты в космос не собираешься? Глядишь, и о тебе когда-нибудь прочту на первой полосе. — Он глубоко вздохнул и покачал головой, глядя куда-то вдаль грустным, затуманенным взглядом. — Правильно сказал один космонавт: «Счастье — это без ошибки выбрать путь в жизни...»

О неизведанном

Меня в пути томило ожиданье:
Вот я лечу на север Колымы...
Не обожжет ли белое дыханье
Шестидесятиградусной зимы!

Не раз меня тревожили безлюдностью
Просторы океанов и морей.
Но, даль познав,
Изведав радость трудностей,
Я сделался сильнее,
А не грубей.

И понял я,
что сдружится с победами
Тот,
кто себя
в тревогах победит.
Всегда влечет нас то,
что не изведано,
А пройденное —
больше не страшит!

Разговор с военруком

Я помню город не таким —
Промасленным
и затемненным.
Не шпиль тогда горел над ним,
А штык,
Уралом отграненный.
Я сам держал винтовку ту,
Встав на посту
у нашей школы.
А надо мною
в высоту
Был прочно вбит
луны осколок.
Так изучали мы предмет,
Что назван был
«Военным делом».
Не зря в свои пятнадцать лет
Окопы рыли мы умело.
В учебном тыловом бою
«Ура!»
восторженно орали.
И с песней,
с посвистом
в строю
Мы гордо городом шагали:
Мол, мы взрослые!..

Но как-то вдруг,
К нам подойдя с протезным хрустом,
Уставший за день военрук
На нас взглянул с улыбкой грустной —
Он словно что-то знал о нас,
Чего не знали мы и сами.
Еще неотданный приказ
Зажат был твердыми губами.

Промчались дни.
Мой лучший друг
Покрыт землею и годами...
Ну что ж, товарищ военрук,
Теперь о всем мы знаем сами.
Но вновь готовы все пройти
И встать в граните на планете,
Чтоб войны больше на пути
Не повстречались нашим детям!

Спор о золоте

Вы обронили веско фразу,
Что серость
встретили опять.
Так Вы считаете,
что сразу
По блеску золото видать!

А Вы пирит в руках держали,
Что ярче золота на вид!
А Вы на драгу попадали,
Где все до болтика
дрожит,
Где гром катается
в машинах,
Рождая бурю-ураган,
Где,
как икрины,
золотины
Железный мечет барабан!

Нет, я во внешний блеск не верю.
Я там,
у северной реки,
Сам убедился:
С виду серы
Золотоносные пески!

КОММУНИСТ ВИКТОР ЗИМИН

Воспоминания о боевом друге

Э то было двадцать лет назад. Наша танковая часть с тяжелыми боями пробивалась к реке Нейсе. Надо было торопиться: враг мог укрепиться на новых рубежах, а ведь там, за рекой, открывался оперативный простор для долгожданного наступления на логово фашизма — Берлин.

В тот мартовский день сорок пятого года мы стояли в скорбном молчании у свежерытой братской могилы. Рядом располагались боевые машины.

Прощальные речи были кратки. Но вот на холм еще не подсохшей земли ступил начальник политотдела и с первыми словами поднял над головой красную книжечку. Эту книжечку, пробитую осколками и залитую кровью, — партийный билет Виктора Зимина — я сам передал в политотдел, когда кончился бой. Через десять-пятнадцать минут взрвели моторы, и грозные машины устремились вперед.

«...Все танки ворвались в расположение врага. В опорном пункте противник был сметан и разгромлен», — так лаконично рассказало об этой танковой атаке уральцев боевое донесение.

* * *

Мое знакомство с Виктором Зиминим состоялось на одном из уральских заводов, где мы получали танки. Виктор был высок, крепко сложен. Его открытое лицо с чуть заметными следами оспы и чистый взгляд серых глаз говорили о бесхитростном характере. Родился Зимин в 1925 году в Самарканде. Военную службу начал в пехотном училище, а когда училище расформировали, оказался на Урале. Ему предложили стать танкистом, и он охотно согласился.

Уже в первые дни знакомства нетрудно было заметить, что Виктор относится к числу людей, которые не умеют сидеть без дела.

Энергия была в нем ключом. За короткое время учебы в училище он настолько овладел мастерством, что во время боевых стрельб, проведенных перед отправкой на фронт, поражал цели с первого выстрела.

Зимин обладал замечательным человеческим качеством — быстро сходиться с людьми. Даже во время коротких стоянок эшелона вокруг него собирались собеседники. Разговор начинался с самых что ни на есть житейских дел и обычно сводился к войне. И надо было видеть, как загорались тогда глаза Виктора.

— Ничего, ребята, — говорил он и, показывая на зачехленные танки с поднятыми вверх жерлами орудий, заключал: — На них мы обязательно

но до Берлина дойдем.

В июне сорок четвертого мы прибыли в часть. Встретили нас сытным обедом и натопленной баней. Казалось, и войны будто нет. Но она в тот же вечер дала о себе знать: нас бомбили вражеские самолеты. Львовско-Сандомирская операция — наше первое боевое крещение. И хотя мы с Зиминим находились в разных экипажах и действовали на различных направлениях, о его смелости мне доводилось слышать не раз. Об этом красноречиво говорил орден, заслуженный им в первом же бою. Отличившегося командира орудия вскоре приняли кандидатом в члены партии.

Высокое доверие коммунистов Зимин оправдал практическими делами. Как агитатор, он часто бывал в экипажах батальона, рассказывал танкистам об успехах наших войск. Не было случая, чтобы Виктор бравировал своими успехами. Даже с новичками он держался как равный с равными.

В очередной Висло-Одерской операции наша часть начала боевые действия на участке Пешхница — Гуменице — Подлесье (Келецкое воеводство, Польша). После непродолжительного стремительного марша мы на

Слева направо: Михаил Серебряков. Иван Кондауров. Василий Шуляков.

ходу развернули и приняли боевой порядок.

Путь нашему взводу преградили два «королевских тигра». До них было километра полтора... Чтобы помериться силой с гитлеровскими танками, нужно сокращать дистанцию. Но как? Под огнем? Одна «тридцатьчетверка» пошла на риск. Командиром орудия на ней был Виктор Зимин, а механиком-водителем — молодой коммунист Михаил Серебряков.

Смельчаков поддерживали огнем два других экипажа. Вокруг вражеских танков поднимались фонтаны земли, мешая вести прицельный огонь. «Тридцатьчетверка» уверенно шла на сближение. Вот они, заветные 800 метров! Сделав замысловатый маневр, наш танк на несколько секунд замер на месте. И сразу же — выстрел, выстрел, выстрел... Один из «тигров» сник: его башню заклинило. «Тридцатьчетверка» рванулась вперед. Еще два выстрела. Вражеская машина запылала. Другой «королевский тигр» пытался уйти, но не успел развернуться: в его борт ударили снаряды...

Наш танк наскочил на мину. Взрывной волной оторвало один из ленинцев, покорежило два опорных катка и несколько звеньев гусеницы. Пришлось обратиться к помощи полевой ремонтной базы. В это время и появилась у нас в экипаже Виктор.

— Старший сержант Зимин прибыл для дальнейшего прохождения службы, — представился он и тут же полусутоливо добавил: — Если примете, зовите просто Вито, как величала меня мамаша, которая живет в далеком Самарканде.

Мы обменялись рукопожатиями. Так Виктор стал командиром орудия.

Вскоре Зимина вызвали в штаб батальона. Вернулся он взволнованный: замполит батальона вручил ему партийный билет. Мы горячо поздравили Виктора.

Новый командир орудия тотчас же приступил к работе: тщательно выверил прицел, опробовал поворотные механизмы, вместе с заряжающим основательно поорудовал «баником», пополнил боекомплект. Зимин оказался на редкость «жадным» до боеприпасов. С этого времени нам пришлось возить по полтора, а то и по два «быка» (боекомплекта).

Как-то наш взвод получил задачу — отрезать гитлеровцам пути отступления из города Кельце. На развилке дорог мы разделились — два танка во главе со взводными двинулись прямо, а мы свернули направо (вместо пяти человек у нас в экипаже тогда оставалось четверо) и натолкнулись на вражескую колонну. Впереди — транспортеры, а за нами — десятки автомашин с боеприпасами и продовольствием. Раздумывать некогда. Пошли на таран.

Через две-три минуты бронетранспортеры валялись в кювете и горели. Но нелепая случайность поставила нас в очень тяжелое положение: между левыми катками нашей машины попал огромный камень. Гусеница натянута как струна. Танк бросило в сторону. Потом он закрутился на месте: гусеница спала. Из-за автомашин показался вражеский танк, а из кювета — немец с фауст-патроном. Я выхватил пистолет и быстро выстрелил в гитлеровца. В шлемофоне вдруг раздался восторженный голос:

— Готов! Горит!

Это уже относилось к фашистскому танку. Мы вылезли из машины и только тут обнаружили, что исчез радист-пулеметчик Михаил Богомолов. Вскоре он показался из придорожных кустов, а с ним — пятеро немецких солдат.

— Без их помощи, — кивнул в сторону пленных Миша, — нам с гусеницей не совладать.

Мы едва успели закончить «летучий ремонт», а на выручку автоколонне уже шли три вражеских бронетранспортера. Их было три. Заметив, что наш танк способен передвигаться, они стали разворачиваться, чтобы ударить. Только одному из них посчастливилось избежать меткого огня Виктора.

За этот бой экипаж нашего танка был награжден орденами Отечественной войны второй степени...

Все дальше на запад неудержимо катилась танковая лавина. Минуя основные узлы сопротивления, мы вышли в тыл противнику и оказались у берегов реки Одер. Геббельсовская пропаганда хвастливо трубила, что русские навсегда будут остановлены здесь, что Одер станет «рекой немецкой судьбы».

В конце января 1945 года небольшая танковая группа на высоких скоростях проскочила мост через Одер и завязала бой за город Штейнау. Придя в себя, противник взорвал мост. На горстку смельчаков обрушились удары артиллерии, танков, самолетов. Лишь за четыре часа пришлось выдержать 250 налетов авиации.

Небольшой клочок земли превратился в kloчущий котел. Наши танки то устремлялись вперед, то отходили, чтобы под кинжальным огнем противника изготoвиться к новой атаке.

От непрерывного огня наш танк наполнился едким пороховым дымом. Особенно душно было в башне. По броне почти непрерывно хлестали снаряды.

Бой нарастал. Один из снарядов поджег наш танк. Пламя медленно разлилось по машине. Обожженные и закопченные, мы покинули ее. Через несколько минут раздался оглушительный взрыв. Корпус танка развортило на части, а многотонную башню, словно игрушку, отбросило далеко в сторону.

Пока наш малочисленный отряд сковывал силы противника, основные части уральцев навели понтонную переправу. Появление новых «тридцатьчетверок» ошеломило фашистов, и они в панике отступили.

Однако обстановка на плацдарме оставалась напряженной. Гитлеровцы бросали против танкистов новые и новые силы. Но уральцы расширяли прорыв.

В числе других танкистов мы с Виктором за бой на плацдарме были представлены к званию Героев Советского Союза.

В следующей — Нейсенской — операции мы воевали на «экранированном» танке. «Экранировка» — наваренные вокруг танка (за исключением лобовой части) дополнительные листы стали — предохраняли машину от фауст-патронов.

В редкие промежутки между боями танкисты преобразались. Тогда можно было видеть, как Виктор Зимин прямо на башне

лихо выбивает «чечетку» или играет на аккордеоне...

Передовой отряд нашей части наткнулся на вражескую засаду и, приняв неравный бой, погиб. Мы хоронили товарищей в местечке Зейбница, у костела. Неожиданно до слуха донеслась скорбная мелодия. Виктор сидел у органа, пальцы его плавно скользили по клавишам. Лицо было сосредоточенным и печальным...

Я возвращаюсь к тому, с чего я начал свой рассказ.

В тот яркий, залитый солнцем мартовский день наш взвод получил приказ на разведку боем.

Задача была выполнена. Но за идущей впереди машиной потянулся багряно-красный шлейф дыма. Почти в ту же минуту снаряд ударил в левый борт нашего танка, прошил броню и разворотил один из баков, к счастью, пустой. Вторым снарядом разбило коробку скоростей. Танк загорелся. Фашисты, считая, что с нами покончено, обрушили огонь на третью машину. Виктор, не теряя времени, открыл огонь и первым же выстрелом уничто-

жил прислугу противотанковой пушки немцев, а двумя другими укротил «тигра».

Гитлеровцы после этого перенесли огонь на наш поврежденный и неподвижный танк. Когда вышла из строя пушка, мы стали выбираться наружу.

В танк один за другим угодили два снаряда. От взрывной волны и удара в спину и голову я потерял сознание. «А где же ребята?» — было первой мыслью, когда я очнулся. Взгляд остановился на башне разбитой машины. Виктор с отчаянными усилиями пытался выбраться из люка. Я поспешил на помощь. Одна нога у Виктора была начисто срезана, а другая, поврежденная осколками, застряла в щели между башней и экраном... С трудом высвободив и уложив раненого на землю, я стал накладывать жгут. Виктор, прерывисто дыша, посмотрел на меня и прошептал:

— Как «Тигр»?

— Горит, горит...

— Порядок...

И мой товарищ умолк. Умолк навсегда...

Иван КОНДАУРОВ, Герой Советского Союза

Пятая жизнь ружья

Много ружей видали на своем веку Василий Иванович Храмов и Аркадий Федорович Осинцев. Можно сказать, всю жизнь им отдали, добываясь точного боя и большой прочности «ижевок». Но то, что увидели сейчас, поразило мастеров. Восьмигранный ствол... Дамасская сталь... Необычная длина... Какая-то надпись...

Владелец ружья, глазовский охотник Алексей Гурьев, сообщил, что надпись, сделанная золотом, объясняет дату изготовления. В 1595 году ружье было подарено бухарскому хану в день его рождения. В начале этого века оно попало в руки русского офицера, служившего в Средней Азии. А Гурьев приобрел его всего 16 лет назад.

Еще раз осмотрели мастера ствол. Он был разорван пороховыми газами.

Долго же служило ружье людям — 370 лет! Когда-то было кремневым. Потом стало пистонным. Еще позднее — крымковским. Теперь — унитарного заряжения.

«Очень хотелось бы, чтобы ремонт ружья вы закончили к открытию охоты», — писал Гурьев на Ижевский механический завод. Но ответ начальника ОТК был коротким: «Завод ремонт не производит. Поэтому выполнить Вашу просьбу не можем».

Всплеснули мастера руками:

— Неужели кончена жизнь у подарка?.. Стоять ему в музее?.. Нет, пусть еще поработает на человека. И взялся за него Костя Митюков, совсем еще молодой мастер. Осмотрел он подарок бухарскому хану. Почистил мелком древнеарабские надписи, и засияло золото своими нестареющими переливами.

Как выдастся свободный час, берет Костя ствол и меряет-меряет: нужна идеальная точность. Ошибешься в чем-то — все насмарку. Сначала думал он напаять крюк. Но казенная часть опилена. Укоротится ствол, толщина стенок уменьшится. Опять может произойти казус.

— Нет, не то...

И снова брал мастер чертежи.

Запрессовать муфту?

— Нет. Надо сделать ее более мощной. Тогда компенсируется давление, прочность станет наибольшей.

Проверил еще раз. Правильно!

Теперь ружье готово. Ему дана новая жизнь.

А. АРТАМОНОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УРАЛЕЦ И ЕГО КНИГА

В конце 1834 года в московских книжных лавках появилась книга со странным названием: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» Петра Словцова. Книга привлекла внимание. Ее покупали, надеясь найти на ее страницах весточку о невольных жителях Тобольска и окрестных ему селений... И, действительно, об одном из них, известном москвичам композиторе Алябьеве, в ней говорилось.

Автор книги, скрытый под именем Тоболька, хозяин и хозяйка дома в Екатеринбурге ведут между собой беседу. В числе новостей хозяин дома сообщает, что в Тобольске с 20 января 1829 года давались большие инструментальные и вокальные концерты. «Диковинка!» — восклицает один из собеседников. Тобольяк отвечает: «Нимало не диковинка, когда поэзия уха и сердца управляется талантом известного музыкосочинителя Алябьева...»

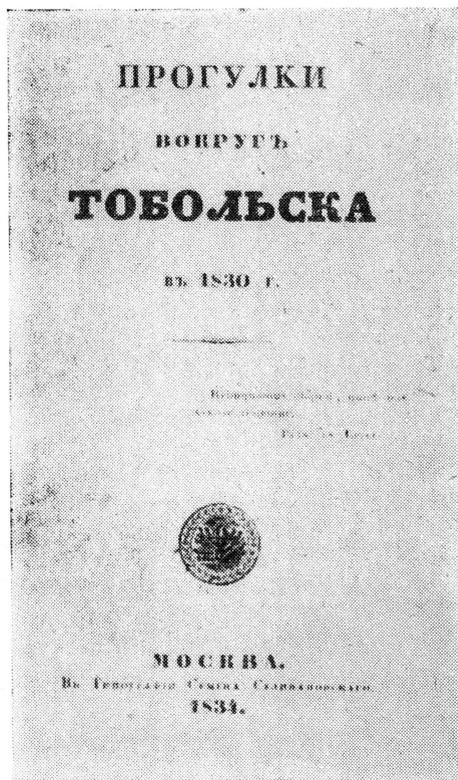
Так уральцы, а затем и москвичи узнали о жизни сосланного в Тобольск композитора.

...Бегло течет беседа. Разговор перебрасывается на уральские дела. Речь заходит о памятнике Ермаку, который тобольяки, по словам гостя, ждут еще с прошлой весны. Хозяйка вспоминает, что она видела на Горнощитском заводе, как обтесывали мрамор для памятника. Словцов уточняет, замечая, что на пирамиде

«означится год завоевания Искера, а барельефы будут углублены в египетском стиле».

В разговоре упоминается, что из уральских изделий известностью у тобольяков пользуются не только памятник Ермаку, но и изделия Екатеринбургской гранильной фабрики, которая «рисует превосходно на яшме все различные украшения», а также «склаважи аметистовые, перстни и подобные минеральные безделушки».

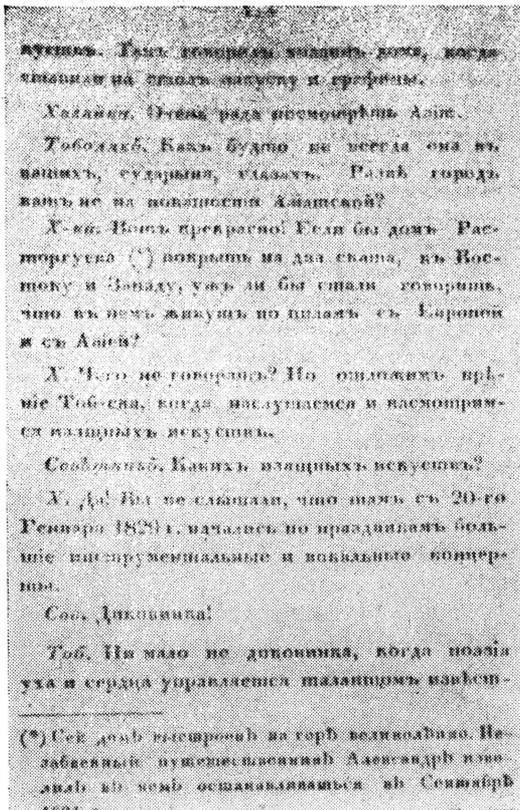
В книге много наблюдений над природой Прииртышья и сибирского Приуралья, данные по экономике края и его перспективах, материалы по истории, этнографии, культуре тех лет. На страницах рассеяны интересные мысли Словцова, начиная от взглядов на тогдашнюю литературу, кончая проектом крестьянской реформы, которую, по мнению автора, необходимо было провести в Тобольской губернии. Мимо этой книги не может пройти ни один историк, изучающий прошлое Сибири и Урала.

П. А. Словцов родился в 1767 году в селе Фоминском Усть-Ницынского ведомства (а по другим данным — в Нижнеусятском заводе, Пермской губернии) и провел почти всю жизнь в Сибири и на Урале. Он в совершенстве знал нужды своего края. В «Письмах из Сибири», напечатанных в конце 1820-х годов в Москве, в

КОСОТУРСКИЕ

Ю. КУРОЧКИН

статьях и письмах Словцова, опубликованных в различных изданиях, содержится много интересных сведений об Урале и Сибири, о природе и истории этих мест. В труде П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (книга 1-я вышла в 1838 году, книга 2-я в 1844 году) целые главы посвящены Уралу, его истории, развитию уральской промышленности.

Словцов прожил долгую и нелегкую жизнь. В молодости он был заточен в монастырь за вольнодумную проповедь, произнесенную в Тобольске, в которой говорил: *«Монархии — великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стенающие трупы; и троны их — это пышные надгробья, тяжко гнетущие оные гробницы. Народы злополучны!»*. Он много ездил по Сибири и Уралу, много трудился и немало сделал для улучшения народного образования в родном крае, вырастил способных учеников, оставил заметный след в изучении истории нашей страны.

Умер П. А. Словцов в 1843 году в Тобольске. В архивах уральских и сибирских городов, вероятно, можно найти немало новых данных о жизни и работе этого замечательного краеведа.

В. УТКОВ

Есть на Урале город. Он стоит на самом гребне Уральского хребта, на границе Европы и Азии, в окружении знаменитых вершин: Таганая, Александровской сопки, Круглицы, Ишыла, у слияния горных речушек Тесьмы и Громатухи с красавицей Ай.

Имя его — Златоуст.

Златоустовцы гордятся своим городом. Красотами его окрестностей, славной историей и особенно людьми, создававшими ее. И не случайно в Златоусте так много памятников: редкий областной город, даже такой, как Пермь, может соперничать с ним. Это дань уважения прошлому, лучшие традиции которого живут и сегодня.

Вам расскажут, что город — один из старейших на Южном Урале, что начало ему положил «железный завод», построенный более двухсот лет назад у подножия горы Косотур, почему и звали его нередко в народе просто собой Косотурским.

Расскажут о том, что Златоуст был одним из очагов пугачевского восстания, а косотурские рабочие стали в свое время костяком одного из отрядов атамана Белобородова.

Что именно здесь разыгралась памятная в истории революционного движения трагедия — «Златоустовская бойня» 1903 года, послужившая сигналом к многочисленным организованным рабочим выступлениям по всей России.

С гордостью заметят вам, что Златоуст — родина русского булата, слава которого померкла и по сегодня, а также искусства гравюры на стали, образцы которого можно увидеть во многих музеях мира.

Сообщат и о том, что Златоусту и его людям посвящены популярные сказы П. П. Бажова: «Иванко-Крылатко», «Коренная тайность» и «Веселухин ложок», книги Е. Федорова «Большая судьба» и «Тайна булата» и уйма всяких других книг и даже известная в свое время пьеса Н. Погодина «Поэма о топоре».

И, конечно, не преминут напомнить, что именно здесь родились и сын кузнеца, а впоследствии академик-гравер и медальер П. П. Уткин, и известный русский механик В. С. Пятов, и автор проекта одного из первых русских танков, подпрапорщик Павел Сабуров, бывший мастерской Златоустовского завода, и герой гражданской войны Виталий Ковшов и Орленок революции комсомолец-подпольщик Виктор Гепп, и первый в стране дважды Герой Советского Союза Грицевец, и многие Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда.

Что здесь жили и работали выдающиеся ученые и инженеры П. П. Аносов, А. М. Обухов, А. А. Износков, Н. В. Калакуцкий, И. В. Мушкетов.

Перечень замечательных земляков вам могут продолжать без конца, только слушайте.

МАСТЕРА

Слушайте и гордитесь вместе с златоустовцами, что так богата хорошими людьми земля Уральская, что славные трудовые и революционные традиции старого косотурского завода живы и передаются эстафетой от поколения к поколению.

Да вот хотя бы история о булате...

ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ БУЛАТА

О булате написано так много, что, кажется, ничего нового уже не добавишь — и научные книги, монографии, диссертации, статьи, и художественные романы, повести, рассказы, стихи, сказы, легенды, и газетные и журнальные статьи, очерки, корреспонденции. Перечень литературы о нем составит добрую брошюру.

И все же жизнь продолжает писать историю булата, этого легендарного металла, известного людям уже несколько столетий, но тайна которого долгие годы так и оставалась лишь секретом узкого круга мастеров.

Клинки, изготовленные из этого красавца-металла, покрытого чудесным узором, твердого, как алмаз, и в то же время гибкого, как лоза, с незапамятных времен считались высшим достижением человечества в металлургии. Воины хранили их как зеницу ока, передавали из поколения в поколение от отца к сыну, а затем к внуку. Булатные клинки ценились на вес золота, а иногда и дороже. На родину их — в Индию, Персию, Дамаск — правители разных стран посылали гонцов с тайным поручением — добыть секрет булата любой ценой. Но крепко хранили секрет мастера — ни подкуп, ни угрозы выбора между жизнью и смертью не достигли цели. И где-то на рубеже двух веков XVIII и XIX — умерли последние мастера чудесного оружия, унеся с собой в могилу тайну изготовления его. И лишь только разошедшиеся по белу свету драгоценные клинки напоминали об этой тайне последующим поколениям.

Но вскоре булату суждено было родиться второй раз.

Теперь уже все, еще, пожалуй, со школьной скамьи, знают эту историю в главных ее чертах. Как приехал в 1817 г. в Златоуст окончивший Петербургский горный корпус молодой инженер Павел Петрович Аносов и после многочисленных опытов, поставленных (впервые в истории металлургии!) на строго научной основе, при участии даровитых мастеров-умельцев, выдал в 1837 году первый клинок из булатной стали, а спустя четыре года опубликовал в

печати свой научный труд «О булатах», ставший фундаментом русской науки о качественных сталях.

Это все хорошо известно в деталях. И по научным монографиям, и по обстоятельным биографиям П. П. Аносова, и по художественным произведениям (где, кстати, можно встретить и немало вымысла), и по многочисленным популярным книжкам.

Менее известно другое. А именно — то, что и на этот раз тайна булата ушла в могилу вместе с хранителями ее.

Да, секрет булата оказался крепким орешком. Уж, кажется, ничего не скрыл Павел Петрович Аносов в своих трудах о булате, все описал, все научно обосновал; кажется, только бери книжку и вари по ней эту чудо-сталь... Ан нет — тут-то и вспомнишь поговорку: «Дело мастера боится». Оказалось, что мало знать «секрет», надо еще уметь практически применить его. А применить его в деле мог только опытный мастер, в совершенстве знающий производство, все еле уловимые тонкости его, обладающий природной сметкой и чутьем, помноженным на опыт многих поколений мастеров.

Именно таким мастером и был первый помощник П. П. Аносова по опытам с плавкой булатной стали, потомственный уральский «мастер железного дела», привезенный в Златоуст из Екатеринбургa Николай Иванович Швецов. Мало сказать — помощник. Николая Ивановича вернее будет назвать первым соучастником опытов, без которого, возможно, Аносову не так бы скоро удалось добиться успеха; научные знания одного и колоссальный опыт другого плодотворно дополняли друг друга.

Они были почти ровесники. Один — дворянин, инженер, другой — недавний крепостной, доморощенный мастер-умелец, но любовь к делу, искательская жилка в душе сдружили их и навеки связали вместе их имена в русской науке.

Постепенно, с возрастом, Николай Иванович отходил от дела. Зато на смену ему пришла на завод целая бригада Швецовых — сыновья: Павел, Николай, Григорий и Евгений. Переняв от отца и его товарищей-мастеров «коренную тайность» технологии булата и других марок знаменитой златоустовской стали, они приумножили славу фамилии, славу завода.

Николай Иванович прожил 90 с лишним лет, он умер в 1889 году. Спустя три года умер Николай Николаевич, хранивший записи шихт — семейную тайну, сокровищницу богатейшего опыта двух поколений. Вскоре записи эти исчезли: сундук вдовы Николая Николаевича, Марфы Егоровны, оказался ненадежным укрытием от чьих-то алчных рук, желавших пожить на продаже секрета в чужие, может быть, зарубежные сейфы.

Увы, операция эта едва ли принесла похитителям груды золота. И — далее видно будет, почему.

Хранителем семейного опыта, мастерства — основного «секрета» сталеварения остался Павел Николаевич Швецов.

Один из потомков Швецовых так вспоминал впоследствии об этом славном представителе знаменитой «металлургической фамилии»: «...Высокого роста, худой и седой, в очках, в фартуке, он за работой «походил на колдуна», как говорили о нем на заводе. Мастерство свое берег, и секреты, до которых доходил,

производя свои многочисленные опыты, держал крепко. Эта таинственность в работе возвышала его в глазах рабочих, которые в большинстве своем были неграмотные, и давала повод к возникновению рассказов о «чудодейственных» камнях, порошках и т. п.»

А главный-то чудодей — не камень, не таинственный порошок, а неустанный, самозабвенный труд, помноженный на опыт.

Умер Павел Николаевич уже в наше, советское время, в декабре 1919 года, отдав родному заводу свыше 70 лет самоотверженного труда.

И хотя еще задолго до этого — в 1908 году — как говорят, он передал свои материалы заводу-управлению, кроме него, на заводе никто не мог варить булатную сталь: знал, видимо, старый мастер такие тонкости технологии, какие на бумаге и не передашь — опыт, чутье решали успех.

Ушел в могилу последний булатный умелец, и как ни изощрялись другие мастера, хорошего булата сварить не могли.

Опять скрылась от нас тайна.

Но чтобы опять еще раз воскреснуть. И на этот раз — окончательно.

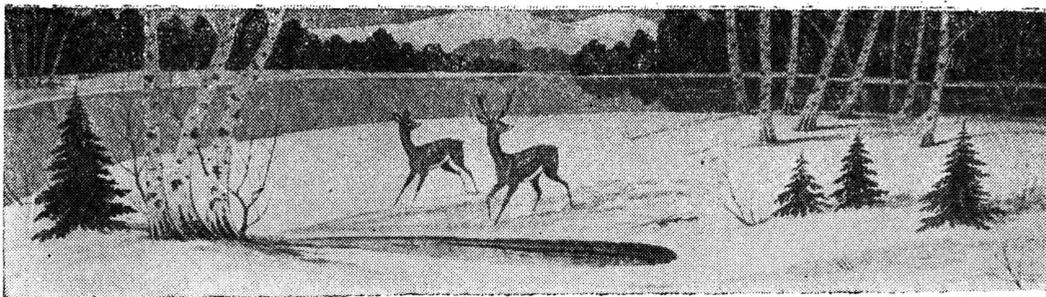
Как это ни странно с первого взгляда — третье рождение булата прошло почти незамеченным. Да, да — тайна булата, над разрешением которой люди бились столько веков, которая дважды была в руках у людей и все же ускользала от них, эта тайна, открытая вновь, в наше время не вызвала сенсации.

И в самом деле — для чего он, булат, нам сегодня? Для клинков, что рассекают газовый платок на лету, что перерубают в бою всякий другой клинок, что гнутся, как лоза, и тверды, как алмаз? А зачем нам такие клинки, пусть очень красивые по узору? Сабля — отнюдь не главное оружие в наш век атомной техники, реактивной артиллерии и лазеров. Она стала оружием скорее декоративным, чем боевым.

Но, может, булат пригодится для чего-то другого? Ведь писал же еще в 1841 году П. П. Аносов: *«скоро наши воины вооружатся булатными мечами, наши земледельцы будут обрабатывать землю булатными орудиями, наши ремесленники выделывать свои изделия булатными инструментами; одним словом, я убежден, что с распространением способов приготовления булатов они вытеснят из употребления всякого рода сталь, употребляемую ныне при приготовлении изделий, требующих особой остроты и стойкости»*. А выдающийся русский ученый-металлург Д. К. Чернов в 1868 году утверждал: *«Самая лучшая сталь, которая когда-либо изготовлялась в любой стране, несомненно был булат»*.

Но именно в этих словах и скрыт весь секрет того, почему булат сейчас стал для нас малоинтересен: он был лучшей сталью для своего времени. А нынче златоустовские металлурги сумеют вам сварить несколько тысяч марок различных высококачественных сортов сталей. И до многих из них булату по качеству не дотянутся.

Булат был лучшей сталью, но дорогой. Поэтому и мечтал Павел Петрович Аносов раскрыть секрет ее производства, чтобы сделать дешевой и доступной даже рядовому земледельцу. А теперь научились варить сталь «и дешево и сердито»; какую надо, такую и сварят. Поэтому-то, пожалуй, и зародилась дерз-

кая и озорная мысль у одного из инженеров Златоустовского завода — начальника центральной заводской лаборатории Игоря Николаевича Голикова: раскрыть раз и навсегда тайну булата, сделать ее отныне доступной всем.

И вот потомки косотурских мастеров, оснащенные великолепной новой техникой, вооруженные последними достижениями металлургической науки, ринулись в атаку на древнюю тайну. В «штурмовую группу», кроме Голикова, вошли инженеры Ю. Г. Гуревич, М. Ф. Лонгинов и Ю. И. Ляндовский, а также молодой сталевар Павел Васильев. И союз науки с практикой сказал свое слово.

— С чего мы начали? — вспоминает Павел Васильевич Васильев, ныне старший мастер одного из цехов. — Конечно, с изучения опыта предшественников. Изучали труды П. П. Аносова, его записи, архивы завода и музея. И попробовали идти по его пути — повторяли его опыты, его технологию. Искали старых мастеров, работавших некогда с П. Н. Швецовым, пытались докопаться до секрета волшебной «шведовской щепотки», которую будто бы он всыпал в тигель из своего заветного ящичка в какой-то момент плавки. Труды Аносова мы освоили, опыты его повторили, но... булата не сварили. При современной технике действовать старыми методами оказалось ошибкой.

Ошибка стоила открывателям двух лет труда. Инженеры поняли, что надо идти своим путем, повторение исторического опыта в современных условиях — дело и хлопотное и бесполезное.

И они пошли своим путем: изучая физико-технические свойства металла, особенности его строения, докапываясь до основ «души» булата, выискивая в современной технологии сталеварения методы, позволяющие создать эти качества.

И нашли. Хотя это стоило немалого труда и времени. Уже в 1952 году был получен первый слиток металла, носящий, как казалось, все признаки булата. Узоры — загляденье!

А пустили его в ковку — и он рассыпался в порошок. Снова поиски, снова опыты и исследования... И наконец, еще через два года — успех. Получен булат, во много раз превосходящий по качествам старый, аносовский. *Нержавеющий* булат — об этом только мечтал Аносов!

И опять, как и при втором рождении булата, равноправным соучастником открытия, наряду с инженерами, был рабочий-сталевар, переводивший язык науки на язык практики, доводивший практикой то, что «не вытягивала»

теория. Не потускнела слава косотурских мастеров!

А сам сталевар к тому времени... стал инженером: кончил вечернюю школу рабочей молодежи, потом заочный институт и в тот год, когда по всем патентным бюро мира разошлось отпечатанное в Комитете по делам изобретений и открытий «Авторское свидетельство № 116334 на способ изготовления булатной стали, выданное тт. Гуревичу, Голикову, Васильеву, Лонгинову и Ляндовскому», стал как и все остальные участники открытия, обладателем инженерного диплома.

А вот такое-то старым косотурским мастерам и не снилось!

ИСТОРИЯ НА МЕЧАХ

Иванко-Крылатко, герой одноименного сказа П. П. Бажова, известен многим, чтобы не сказать — всем и каждому. Имя это настолько обросло легендами, что не удивись, если иногда услышишь вопрос: да был ли такой?

И что уж тут винить сказ Бажова, вольно и с изрядной долей домысла трактующего биографию мастера, когда рабочий люд Урала сам сделал его персонажем легенд и преданий, передаваемых из поколения в поколение?

А он был — жил, работал, творил — этот легендарный мастер, ставший символом творческой жилки в труде русского рабочего, выдающегося мастерства, выдумки, свободолюбия и верности делу своего народа.

Настоящее имя этого мастера — Иван Николаевич Бушуев. Он родился, жил и умер в Златоусте. И не так уж очень давно — умер он в 1834 году в возрасте тридцати с чем-то лет. Но, хотя и написана уже не одна биография Бушуева, многое в его жизни еще неясно нам. Исследователи не могут точно назвать год его рождения — то ли 1800, то ли 1796. Был он крепостным или нет (по Бажову — не был, а некоторые биографы говорят — был). Учился в Академии художеств или нет?

Даже более или менее полного списка его выдающихся созданий мы пока еще не имеем.

Да мы могли бы и совсем не знать о них, чьи они, если бы сам мастер не оставил на них свое знаменитое клеймо — крылатого конька, давшего мастеру второе имя — Иванко-Крылатко.

Да, крылатый был человек, косотурский мастер-художник Иван Бушуев! В искусство

Украшения холодного оружия, что зародилось в 1815 году в Златоусте, одеревяненное бесстрастным «академичным» ремесленничеством немцев, вывезенных за большие деньги с «фатерланда» своим соотечественником, управителем Эверсманом, он вдохнул творческую струю, дал крылья славе уральских мастеров, разлетевшейся по всей планете. Сухому и скучному орнаменту и эмблематике, гравированных и чеканенных золотом на клинках подарочных шпаг, сабель, кинжалов и ятаганов, он противопоставил яркие, полные жизни сцены, прославляющие славу русского солдата, русского оружия. И всякому знатному вельможе было лестно стать обладателем клинка, один вид которого вызывал восторг у «понимающей публики» дома и за границей.

Эрмитаж, Оружейная палата Кремля, Исторический музей по праву гордятся образцами творчества этого выдающегося художника. Они неоднократно описаны, воспроизведены в фотографиях и рисунках. Но об одном из них стоит сказать и здесь.

Для Всероссийской промышленной выставки 1829 года в Петербурге Бушуеву заказали саблю. Он украсил ее не только синением, чернением по «чешуе», резьбой и золотой насечкой; как его товарищи и предшественники, но и разделал вытравкой под серебро. И все это служило лишь обрамлением замечательной миниатюрной композиций — сцены сражения при Варне, где русские войска одержали блистательную победу.

Сабля вызвала всеобщее восхищение. Но особенно восторгался ею, не в силах отойти от витрины, гость Николая I, немецкий принц Вильгельм, ставший впоследствии прусским королем. Императору ничего не оставалось, как подарить драгоценную саблю своему царственному гостю. И она уехала в чужую страну, где долго еще служила предметом хвастовства именитого хозяина.

Уехала надолго, но не навсегда: 115 лет спустя советские воины, громя извечный очаг немецкой военщины — Пруссию — обнаружили ее в одном из старинных замков. С величайшей бережливостью доставили они эту многозначительную находку на родину. Теперь ее можно видеть в Государственной Оружейной палате.

Мирному по натуре человеку, Ивану Бушуеву было тесно в рамках военной тематики. И он идет на необыкновенное: пробует изобразить на боевом оружии сцены, близкие ему — сцены труда, эпизоды из русской истории, процессы производства на родном ему заводе. И почти всегда где-то в затейливый орнамент, обрамляющий композиции, врывается, блестя золотом крыльев, его фамильный крылатый конек.

Умер Бушуев рано. Еще мальчишкой «из служительских детей», окончив горную школу, поступил он в 1815 году в заводскую чертёжную. Но уже с «чином» — унтершхтмейстер 3-го класса — не шути с ним! Два года спустя стал работать в «украшенном» цехе, а уже в 1834 году был похоронен на погосте родного поселка.

Но остались его работы, разлетевшиеся с маркой крылатого конька по всему миру, остались ученики, наследники. Они продолжали и умножали славу замечательного косотурского мастера-художника, славу златоустовской гравюры по металлу. Еще не один Бушуев оставил по себе добрую славу в истории родного

завода, а с ними и другие знатные рабочие фамилии — Бояршиновы и Тележниковы, Уткины и Худяковы. А позднее — Яковлев, Бороников, Добровольский. И хотя за полтора столетия изменились времена и нравы, и теперь не в той уже чести «украшенное оружие», годное лишь для музеев, но не умерло высокое искусство гравюры по металлу, не растеряло добрых традиций: настенные блюда и плаке, броши и декоративные кубки, создаваемые ныне далекими потомками Иванки-Крылатки, украшают наш быт, экспозиции музеев и интерьеры Дворцов культуры. Об украшенных золотом и черным клинках, вроде, никто из молодых художников уже и не помышляет.

Но вот недавно...

Недавно в Городском краеведческом музее Златоуста появился новый экспонат. Это был меч. Нет, не древний меч сасанидов, выкопанный археологами из степного кургана, и не заржавленный меч тевтонцев, поднятый со дна Чудского озера, куда он угодил во времена Александра Невского. А булатный меч, выкованный совсем недавно, всего лишь за несколько недель до этого, хотя мечи, как известно, были «сняты с вооружения» почти во всех странах мира еще в 16-м веке.

Он висел в застекленной со всех сторон витрине в одном из главных зал музея, блестя позолотой, сверкая полированной сталью, матово темнея благородной синью и чернью, переливаясь узорчатым булатным муаром. Да, на нем тоже, как и много лет назад, были изображены батальные сцены, эпизоды сражений, эмблемы воинской доблести и славы.

Но посмотрите на него с другой стороны, и меч Победы обернется мечом Мира. Сталевар у пышущей жаром печи выпускает металл... сцены мирного труда советского народа...

Да, именно на том, на труде народном стояла и стоять будет земля наша. А уж коль помешают — пусть помнят и о другой стороне меча. И как многозначительно, что меч этот изготовлен молодыми златоустовскими мастерами к билейному Дню Победы.

И не менее чудесно, что один из его создателей — молодой косотурский мастеровой, художник-гравер Леонид Валеев, достойный наследник мастерства и таланта Иванки-Крылатки.

Но не ищите в мотивах украшения меча слепого копирования стиля знаменитого мастера, эпигонского подражания ему, рабского «следования традициям». Стиль, традиция здесь одни и те же, и там, и тут — современность звучания, новаторство, проникновение в «душу» металла.

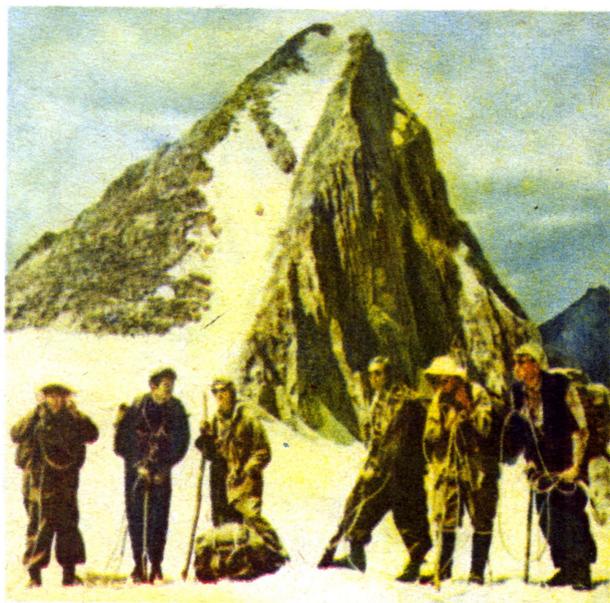
В те же дни другой почти такой же меч уехал из Златоуста в дальнюю дорогу — за рубеж. Но не как его далекий предок — «варненский меч» — в качестве подарка коронованному вельможе, а как знак доброй памяти и высококого уважения воинам-уральцам, стоящим вдали от родины на страже мира. Делегация трудящихся Челябинской области, едущая в дни 20-летия Победы над фашистской Германией в гости к советским воинам, несущим почетную вахту мира в Германской Демократической Республике, вручила им этот символичный подарок — Меч Победы и Мира.

«Этот меч, — сказали советские воины, принимая подарок, — будет храниться в комнате боевой славы части как наказ уральцев часовым Родины».

МЕЧ МИРА

*Читайте очерк Ю. Курочкина
„Косотурские мастера“.*

Сейчас, когда распахнулась перед человеком космическая даль и странные, неведомые ландшафты других миров ждут человека-следопыта, все-таки можно сказать, что рай находится не на небе, а на Земле. Ни на Венере, ни на Марсе космонавты не найдут столь родного чистого неба, столь богатых лесов и морей.

Красота Земли бесконечна... Она в солнечном трепете листвы и в великом спокойствии снежной равнины, в грозном рисунке гор и звоне водопада, она в облаках, неторопливо догорающих на закате.

В погоне за красотой Земли я побывал в разных краях. Спутниками моими были туристы Уралмаша, монтажники-верхолазы Приэльбрусья, вулканологи на Камчатке и Курилах.

Друзья, которые смотрят мои фотографии или кинофильмы, часто спрашивают: а какие места самые красивые? На этот вопрос ответить невозможно: красота любого края неповторима, своеобразна. Могуч былинный пейзаж горного Урала, где от суровых шиханов веет легендой. Горячо, ослепительно красив Кавказ.

В горах Тянь-Шаня бредешь, как по краю Света. А забайкальская горная тайга пленяет заповедной чистотой, медведями, звонкими горными озерами. И нельзя без сожаления вспомнить, что где-то, еще не увиденные, стоят наедине синие горы, что кому-то „Карелия снится“, а на Камчатке или Курилах извергается без меня вулкан.

П. Владимиров

КАВКАЗ. НАЧАЛО ОСЕНИ.

ЗАБАЙКАЛЬЕ
ГОРНОЕ ОЗЕРО.

УРАЛ.
У. ОЗЕРА ТАВАТУЙ.

Повесть

Алексей МУСАТОВ

Рисунки Н. Мооса

Глава 1

Столько лет дружили Федя Стрешнев с Таней Фонаревой, и вдруг не поладили.

Как же это случилось?..

С первых дней зимних каникул Федя решил походить на лыжах. Конечно, надо бы заняться мотоциклом, который они с Улькой вот уж более полугода собирали из старья, но главное все же лыжи. Они и так с прошлой зимы застоялись на чердаке.

С вечера он достал их, исправил крепления. А утром побежал к Фонаревым, которые жили неподалеку.

Новый просторный дом Фонаревых вкусно пахивал смолой и был заставлен добротными вещами: кровати с никелированными шарами, славянский шкаф с зеркалом, горка с посудой, на круглом полированном столике ламповый приемник. Выскобленный пол застлан половицами, на подоконниках густая заросль цветов в горшках, обернутых бумагой.

Таня, смуглая, с решительно вздернутым носиком, сидела за обеденным столом и, покусывая кончик толстой косы, деловито просматривала какие-то тетради. Рядом — плотный, широколицый Дима Клепиков, посапывая, что-то писал на клочке бумаги.

Прижавшись спиной к теплому боку пропеленной печки-голландки, Танина бабушка, Фекла, вязала платок.

Чистенькая, востроглазая, настороженная, как вахтер в проходной будке, она то и дело поглядывала на внучку. Так у Фонаревых было заведено: если Таня занималась — ей никто не мешал.

— Тихо ты, оглашенный, — шикнула бабушка на Федю, когда тот грохнул тяжелой дверью, и покосилась на его заснеженные валенки. — Не видишь разве — сочиняют. Татьяна уже полкосу сжевала.

Усердно шаркая валенками о половинок, Федя не очень уверенно заговорил с Таней о лыжной вылазке.

— Понимаешь, скоро соревнования с Перегудовской школой. Надо команду подбирать, тренироваться...

— Очень хорошо, — кивнула Таня, откладывая в сторону авторучку. — Вот вы с Сашей и начинайте... Это ведь вам поручено.

— А ты?

— Ну что ты, Феденька, когда мне... — Таня снисходительно пожала плечами. — После завтра еду в область. На слет ученических бригад. Алексей Маркович говорит, что мне, наверное, выступать придется. Вот срочно рапорт готовлю.

— А Димка, значит, помогает, стихата кропает, — подколот Федя. — Для украшения рапорта.

— Что ж... народное творчество, — ухмыльнулся Клепиков. — Мы, брат, такой рапорт сварганим, под аплодисменты пройдет. Еще в газете напечатают.

— Счастливым ты, Федя. Ни нагрузок у тебя, ни поручений. В дальний лес пойдете, с гор будете кататься, — как будто бы с сожалением вздохнула Таня, небрежно кивнув на кучу ребячьих отчетов и дневников о производственной практике. — А мне, видишь, сколько надо просматривать... Голова трещит.

Но по ее глазам Федя понял: Таня очень довольна, что она такая занятая, что ей придется выступать на слете.

— Кто еще на слет поедет? — спросил Федя.

— Должна Варвара Степановна, но ее на какой-то семинар вызвали. Теперь сам Алексей Маркович собирается.

— А о чем рапортовать будешь?

— Станный вопрос, — удивилась Таня. — О чем обычно рапортуют. О том, что сделано... Какие достижения. Как школа колхозу помогала.

— Сколько мы минеральных удобрений заготовили, — подсказал Димка.

— Об удобрениях в первую очередь скажу, — согласилась Таня. — Здорово тогда получилось. И вообще наша бригада немало чего сделала... Сколько ребят трактор освоили, автомашину.

— Вот именно, что «освоили», — фыркнул Федя. — А землю другие пахали, колхоз-

ные трактористы. Они и хлеб сеяли, и картошку сажали, а мы только смотрели на машины да облизывались.

— Ну ты, лично, скажем, немало на машинах поработал, — примирительно заметила Таня.

— Так все же на подхвате... Заболеет тракторист — Федька за руль. Загулял штурвальный на комбайне — опять Стрешнев на выручку. К каждой дырке затычка...

Так оно и было на самом деле.

Окончив семь классов, Федя определился в прицепщики к брату Николаю.

— А как же с учением, сынок? — встревожилась мать. — Может, повременишь?

— Я, мама, только на лето.

— А может, в подпаски пойдешь, — сказала мать. — Хватит нам в семье и одного сына на тракторе. — И она принялась вспоминать, какая беспокойная и нелегкая работа у их Николая. С ранней весны до осенних заморозков живет на колесах, водит трактор в жару, в холод, в непогоду. И за все в ответе — и за трактор, и за землю, и за хлеб насущный...

— Правильно, мать, говоришь: человек на машине за все в ответе, — подхватил отец. — Потому как он сейчас главный хозяин на земле, первый крестьянин. И ты сына на обходную дорожку не сбивай, пусть по большаку шагает...

Работа прицепщика пришлась Феде по душе. Он умел ладить с братом, и тот, видя его тягу к машине, иногда разрешал сесть за руль. Машина у Николая была колесная, старой марки, видавшая виды, но Феде казалось, что более сильного, могучего и красиво-го трактора нет ни в одной бригаде.

Счастливый и гордый, он проезжал один круг, другой, пока Николай не прогонял его на прицеп.

А Феде хотелось водить машину самостоятельно.

Как-то раз в отсутствие Николая он стал заводить трактор. Напряг все силы, провернул коленчатый вал — и мотор заработал. Потом вдруг ружьятку с бешеной силой крутануло в обратную сторону. Удар пришелся по лицу. Обливаясь кровью, Федя упал на землю.

Трактористы с соседних машин забинтовали ему голову и привели домой.

«Вот и все... Отпахался», — обомлев от страха, подумала мать, укладывая сына в постель.

А через неделю Федя уже вновь сидел на месте прицепщика.

Все лето он провел в поле. Домой приходил обветренный, пропыленный, измазанный маслом.

— Ну, как там, сынок? — спрашивала мать. — Поладил с машиной? Не брыкается больше?

— Порядок, мама... Воюем, наступаем! — задорно блестя глазами, отвечал Федя.

Осенью, когда на собрании трактористов подвели итоги летних работ, бригадир не забыл упомянуть добрым словом Стрешнева и спросил, на каком бы тракторе он хотел поработать прицепщиком в будущем году.

— Нет, я не прицепщиком... — заявил Федя. — На тракториста. Запишите на курсы.

Бригадир покосился на мальчишку.

— А вы на рост не смотрите, — рассердился Федя. — Я еще вытянусь. Вы лучше проверьте меня! — И он положил перед бригадиром испещренный карандашными пометками учебник по тракторному делу. — Все лето учил... Вот спрашивайте по любому разделу. Заинтересованный бригадир задал один вопрос, другой, третий. Федя ответил почти без запинки.

И все же бригадир отказал:

— В войну, конечно, и такие пахали, — сказал он. — А сейчас не то время. Школяр ты еще, да и по годам не положено.

Но тракторное дело начали изучать в школе, с восьмого класса, и ребята сразу словно повзрослели. Расхаживали по деревне с независимым видом, щеголяли мудренными словечками — жиклер, карбюратор, магнетто, дифференциал, прилаживали себе старенькие комбинезоны и, покопавшись в моторе, даже не очень старались отмыывать с рук следы масла: «Навечно въелась, никакой наждак не берет».

Все это не миновало и Федю. Трактор он изучал с завидным усердием и охотой, но поработать по-настоящему в поле ему, как и другим ребятам, так и не пришлось...

— Да, Федя, — оживилась Таня, — ты ведь в прошлом году больше всех трудодней выработал. Уточни, пожалуйста, сколько их у тебя на первое октября было — двести или двести десять?

— Не считал... — Федя нахмурился. — А как нашей школьной бригаде своего поля не выделили, как нас к машинам не подпускали — об этом на слете тоже скажешь?

— Надо будет, конечно, и недостатки отметить, — согласилась Таня.

— Что там отметить! Ты во весь голос скажи, чем мы недовольны. От имени всех ребят...

— Хорошо, я постараюсь.

— Да вот еще что, — не унимался Федя. — Тут наши ребята задумали отряд юных механизаторов собрать. По примеру дяди Шеремета. Чтобы картошку в поле только машинами выращивать, без ручного труда. Мы дядю Гришу просим шефство над нами взять.

Таня удивленно вскинула голову.

— Кто это «мы»?

Федя назвал первую четверку ребят, желавших работать по-шереметовски.

— Ах да, я что-то уже слышала... Только что это за секреты у вас? Какой-то тайный отряд, командиры. Удобрения собираете, машины ищите... А совет бригады ничего не знает.

— Вот подготовимся малость, тогда и доложим. — Федя искоса посмотрел на Таню. — Давай и ты присоединяйся.

— Знаешь, Федя... Я как-то не думала об этом, — помолчав, заговорила Таня, торопливо перебирая на столе бумажки. — А потом я еще и бригадир школьной бригады... Все руководство на мне... планы всякие, отчеты...

— Да, любишь ты эту канцелярию.

— Ладно, мы еще поговорим. — Таня придвинула к себе лист бумаги, давая понять, что ей надо дописывать рапорт.

— Ну-ну, сочиняй. Ни пуха, ни пера, — кивнул Федя, выходя за дверь.

Глава 2

Еще вчера Федя побывал у дяди Гриши Шеремета.

Дом Шереметов стоял в конце деревни и никогда, кажется, не закрывался на засов и не щетинился замками. К хозяину постоянно шли колхозники, как свои, родниковские, так и из других деревень.

Над крышей дома, на трубе, вместо флюгера была укреплена поделка изобретательно-го Сашки — вырезанный из белой жести силуэт колесного трактора. От ветра он вращался вокруг оси, блестел на солнце, как зеркало, и словно оповещал каждого, что в этом доме живут люди, охочие и жадные до техники.

Григория Ивановича дома не было.

За столом, заваленным бумагами, сидел его сын Сашка, плечистый светловолосый подросток с круглым лицом.

Федя огляделся. В комнате было неуютно, не прибрано. У порога навалом лежали сохшиеся кожаные сапоги, валенки, замасленные комбинезоны. В углу сложены какие-то детали машин. На лавке стояла немытая посуда. На электрической плитке в кастрюле варилась картошка.

«Без хозяйки живут», — подумал Федя. Три года назад у Саши умерла мать, и они с отцом хозяйничали теперь вдвоем.

Вода в кастрюле забулькала, зашипела, из-под крышки вырвались струйки пара.

Саша бросился к плитке.

— Отец, понимаешь, скоро придет обедать, — пояснил он.

— А ты чего пишешь? — спросил Федя.

— Письма разбираю. Из Смоленщины, из Псковской области, из Кировской, с Урала... Со всех концов. Все просят отца опытом поделиться... Между прочим, и нас касается. Вот посмотри.

Саша вытянул из конверта исписанный лист бумаги и подал товарищу.

«Дорогой Григорий Иванович, — прочел Федя, — мы очень завидуем ученикам вашей школы. Они, наверное, много полезного переняли у вас и уже научились выращивать картошку по вашему способу. Передайте ребятам наш горячий комсомольский привет. Мы тоже хотим работать по-вашему, по-шереметовски и вызываем родниковских школьников на соревнование.

Совет ученической бригады Перегудовской школы».

— Понял? — спросил Саша.

— Еще бы! — ответил Федя. — Давай сегодня же с твоим отцом поговорим. Пусть он шефство над нами возьмет...

В прошлом году Сашин отец начал одно интересное дело. Вместе с другим трактористом они взяли участок земли в сто гектаров, засадили его картошкой, все лето ухаживали за посадками и убирали урожай. И все это сделали вдвоем. Вдвоем, на ста гектарах. С помощью машин, конечно.

Ребятам захотелось поработать точно так же, как дядя Гриша с напарником. Они понимали, что для этого многое нужно. Прежде всего удобрения, машины. А где это взять? И решили на первых порах собрать что можно. На полуразрушенной колокольне об-

ружили голубиный помет — выскребли дочи-ста. Подговорили младших ребятшек, и те двинулись в поход по дворам и избам. Выпрашивали золу, ссыпали ее в корзины и мешки, таскали на школьный двор. Вскоре в укромном месте, за дровяным сараем, выросла большая куча. Федя прикрыл ее от непогоды и любопытных взглядов соломой, кусками толя.

Хуже обстояло дело с машинами. В школе имелся всего лишь один старенький учебный трактор. Рассчитывать на него, конечно, не приходилось. А, кроме трактора, отряду механизаторов нужны были и другие машины.

— Надо будет в колхозе пошукать, — предложил Федю и Саше их приятель Улька Бьюрков. — Может, чего и найдем.

Позади колхозной мастерской, в куче железного лома, они отыскали несколько ржавых зубчатых борон, облезлый культиватор с погнутыми лапами, старую сеялку без сошников и шестеренок, и все это тоже притащили к школе.

...В дверях показался Григорий Иванович, худощавый, высокий мужчина в замасленном до блеска ватнике.

— Прибыл на заправку, товарищ дежурный, — обратился он к сыну. — Давай оруду! Да скоренько, без задержки.

— Сейчас, сейчас... Я мигом! — Сашка принялся собирать на стол.

Григорий Иванович сбросил ватник, вымыл руки и кивнул Федю:

— Садись и ты за компанию. Разносо-лы, правда, невелички, но сыт будешь.

— Спасибо, я уже ел, — отказался Федя и, переглянувшись с Сашкой, наконец отважился: — Дядя Гриша, а вы знаете, что нашу школу на соревнование вызывают. Ребята из Перегудова.

— Вот и соревнуйтесь на здоровье.

— Да нет... не вообще школу, а только звено юных шереметовцев.

— Чего, чего? — не понял Григорий Иванович. — Каких это шереметовцев?

Федя толкнул в бок Сашку, и тот протянул отцу письмо.

Григорий Иванович прочел письмо и уставился на ребят.

— Видали! — поспешил пояснить Федя. — Перегудовские ребята считают, что у нас уже давно шереметовское звено работает. А вы над нами шеф и наставник. Вот они и желают соревноваться...

Григорий Иванович обернулся к сыну:

— Ты вот что... Отпиши-ка немедля этим перегудовцам. Нет у нас никаких юных шереметовцев. И я им не кум и не дядька...

— Дядя Гриша, — дипломатично заметил Федя. — А если перегудовские ребята в газете свой вызов напечатают?

— Вполне возможно, что и напечатают, — поддержал Саша. — Или вдруг за опытом к нам приедут.

Григорий Иванович почесал в затылке: — Ну и ну!..

И тогда Федя понял, что настала долгожданная минута.

— Дядя Гриша! Возьмите над нами шефство. Звено у нас уже подбирается. Мы по-вашему хотим работать. Уже удобрение собираем, машины...

— Стоп, стоп, — остановил его Григорий Иванович. — А учителя о вашем звене знают? Председатель колхоза?

Федя безнадежно махнул рукой:

— Говорили мы... Ответ один: по программе не положено. А потом, с одним школьным трактором далеко не уедешь.

— Да-а, загвоздочка. — Григорий Иванович покачал головой и, осторожно сложив письмо, вернул его ребятам:

— А письмецо приберегите. Надо будет подумать.

Глава 3

Саша был на самодельных лыжах и без палок, но с рюкзаком за плечами, в теплой мохнатой шапке и дубленом полушубке, словно собрался в многодневный поход.

Димка Клепиков нарядился в голубой костюм с белыми поперечными полосами на свитере, шапку не надел — знай, мол, наших: мы от моды не отстаем! Он притоптывал на новеньких лыжах с жестким креплением.

И только Улька Вьюрков, чернявый, как цыганенок, явился одетым наспех. Лыжи не по росту, с чужой ноги, прикручены к сапогам веревками, руки без варежек и вылезают из коротких рукавов засаленного кожушка.

— Поехали! — крикнул Федя и, резко оттолкнувшись, побежал вперед, прокладывая лыжню.

Переулком, мимо дворов и огородов, мальчишки выехали за усадьбы, но тут же остановились. Наперерез им скользили на лыжах Федин братишка, четырехклассник Ромка, и его дружок Дениска. За ними шли девушки — девятиклассницы — худенькая большеглазая Настя Соломина и рослая, с кокетливой челкой на лбу Люба Конькова.

— Вот они, вот! — оборачиваясь к девчатам, закричал Ромка. — Еще не ушли... Присоединяйтесь, кто может.

«Его работка... Это он девчат предупредил», — кивнув быстрым взглядом на братишку, подумал Федя, удивляясь умению Ромки выслеживать каждый его шаг.

— Ну вот, и команда в полном составе... Кроме Фонаревой, конечно, — сказал Димка.

В лесу ребята напали на старую лыжню, и скользить стало легче. Шли ритмично, сильно отталкиваясь палками и чувствуя, как морозный, пахнущий хвоей воздух наполняет грудь, как жаркий румянец горячит щеки.

А лес кругом хорошел все больше и больше. Тихий, просторный, задумчивый, он словно расступался перед лыжниками, радуя их необычностью своего опушения. Белые соболиные колпаки на пнях, причудливое оперение каждого кустика, фигуры снежных зайцев, белок, горностаев, длинных белых питонов, — чего только не увидишь на ветках деревьев и на развилках сучьев.

— Зима-то чего понаделала, — улыбнулся Саша, останавливаясь около старого дуба, в развилке которого приютился белый медвежонок с поднятой лапой.

— Здорово! — согласился Федя. — Вот бы здесь уроки рисования проводить...

— Тебя только поставь, ты такого натворишь, — хохотнул Димка.

— А что! И правильно, — подхватила Настя. — Здесь же прямо художественная выставка! Давайте еще посмотрим...

— Ладно вам, — махнул рукой Улька. — Тренироваться, так тренироваться!

Вскоре лыжники добрались до Епишки-

на оврага. Саша проторил лыжню, и ребята начали скатываться вниз.

Ромка и Дениска во всем повторяли старших. Потом им это надоело, и они принялись обследовать склоны оврага. В одном месте можно было прыгать с трамплина, в другом — получалось что-то вроде слалома: несешься, лавируя между снежными холмиками.

Старшеклассники совсем забыли про малышей, как неожиданно к Феде подъехал Дениска.

По его возбужденному лицу и испуганно блестящим глазам Федя сразу понял: с Ромкой что-то случилось.

— Сверзился куда-нибудь? Нogu поломал?

— Да нет... Ромка, вроде, целехонкий... — торопливо заговорил Дениска. — Он только нос расквасил... И лыжа у него напололам...

— Пацаны вы! Стрючки! — выругался Федя, зная непоседливый нрав братишки. — Показывай, где он!

Вскоре Дениска привел Федю к Ромке. С перемазанным кровью лицом тот сидел на дне оврага и, пыхтя, старался освободить от валенок намертво привязанную лыжу. Вернее, заднюю ее половинку, так как последний конец был неизвестно где. Кругом на синеватом снегу рдели алые пятна крови.

Федя бросился к братишке. Нос у Ромки стал как спелая слива, да на лбу была содрана кожа.

Отвязав с его ног лыжи, Федя окинул взглядом крутой склон оврага с площадкой посредине.

— Та-ак, все ясно, — вслух подумал Федя. — Трамплинчик выискал... Рекорд задумал поставить...

— Я бы съехал... — зажимая варежкой нос, взмолился Ромка. — За милу душу скатился бы... Только там что-то твердое попало...

— Пень?

— Нет, не пень. Вроде камень.

— Какие тебе камни в Епишкином овраге? — удивился Федя. — Отродясь не бывало.

— Нет, камень, — упорствовал Ромка.

Покачав головой, Федя поднялся до Ромкиного «трамплина», снял лыжи, разгреб ногой снег и действительно нащупал что-то твердое. Потом разгреб еще, присел на корточки, пошарил руками и, наконец, выпрямившись, пронзительно свистнул.

— Ребята! Сюда!

Вскоре к «трамплину» подъехали Саша и Улька.

Заметив пятна крови на снегу и сливовый Ромкин нос, Саша вызвался оказать Ромке первую помощь.

— Ладно, обойдется, — отмахнулся Федя. — С него — как с гуся вода. Тут другое... Наш Ромка клад нашел.

— Какой клад? Где? — встрепенулса Улька.

Ребята забрались на «трамплин» и принялись осматривать находку.

— Погоди, погоди! — первым крикнул Саша. — Так это же минеральные удобрения!..

— А я что говорю, — подхватил Федя. — Чем не клад?

И верно, под слоем снега лежала боль-

шая куча «сыпучки» — мягкого порошка сероватого цвета.

— А что это может быть? — обратился Федя к Сашке Шеремегу, которого ребята в школе звали «главным теоретиком». Летом он с увлечением работал на пришкольном участке, ставил десятки опытов и разбирался в сельскохозяйственной литературе.

Сейчас Саша отковырнул кусочек затвердевшей «сыпучки», растер на ладони и даже лизнул ее языком.

— По-моему, суперфосфат.

— Ай да Ромка! Не зря, значит, молодую кровь пролил, — обрадовался Улька и оживленно заговорил о том, какая им привалила удача. Если к этому суперфосфату прибавить те удобрения, что они уже собрали, то можно смело просить у правления землю, машины и начинать работать по-шереметовски.

— Обожди! — перебил Федя.

Ребята вспомнили, как осенью по всему району был объявлен клич: «Вывезем на поля больше удобрений». А школьники в это время обнаружили удобрения, принадлежащие колхозу, на железнодорожной станции. Они были доставлены туда еще весной, но вовремя вывезти на поля колхоз их не успел. Удобрения от дождя слежались, окаменели. Больше недели старшеклассники дробили «Казбеки», как они называли слежавшиеся груды удобрений, потом грузили «сыпучку» в машины и доставляли в колхоз.

Но как же могли минеральные удобрения очутиться в Епишкином овраге? Неужели Родниковский колхоз не успел внести суперфосфат под осеннюю вспашку и свалил их в овраг?

— Ну и порядочки у нас в колхозе, — покачал головой Саша Шеремет. — Такое добро под снегом оставили. Чистое головотяпство!

— Да нет, этого быть не может, — возразил Улька. — Наш колхоз первым удобрением внес... Об этом и в газете писали.

— Писать-то писали, а все же темно что-то, — покачал головой Федя. — Он вдруг остановился и, уставившись на Сашу и Улька, растерянно заговорил:

— А Таня Фонарева на слет в область едет. О нашей бригаде рапортовать будет. И, конечно, в первую очередь об удобрениях скажет... Как мы «Казбеки» долбили, как благодарности от колхоза получили. А удобрения вот они, в овраге лежат. Понимаете, какой конфуз?

— Это да, — согласился Саша. — Как пить дать, в лужу сядем... Да еще в какую.

— Так чего же мы стоим, — заторопился Федя. — Пошли к Тане. Надо предупредить ее. Пусть она помолчит пока об удобрениях.

— Выдумываете невесть чего, — с досадой отмахнулся Улька. — А потом у нас же тренировки. Мы еще с трамплина не прыгали.

Но было уже не до тренировок.

В Родниках Федя, Саша и Улька сразу же направились к Тане Фонаревой. Они долго шаркали веником в сенах, потом, подталкивая друг друга, осторожно открыли дверь в избу и переступили через порог.

Тани в комнате не было.

За столом обедали бабушка Фекла и Танин отец, председатель колхоза Кузьма Сте-

панович Фонарев. Был он пожилой, грузный, бровастый, с задубевшим, шершавым, словно из пемзы, лицом.

У печки на табуретке сидел шофер Семен Клепиков и что-то рассказывал председателю.

Заметив школьников у порога, бабушка Фекла замахала на них руками и потребовала, чтобы они не выстужали избу и плотнее прикрыли дверь.

— Что за ватага? По какому делу? — спросил Фонарев, с недоумением вскинув голову, и покосился на ребят: — Могли бы и обождать, пока пообедаю.

— А мы к Тане... — сказал Федя.

— Срочное дело... — добавил Саша. — Предупредить ее надо.

Фонарев сказал, что час тому назад за Таней зашел директор школы, он снарядил им подводу, и они уехали в город. Ведь завтра с утра открытие слета, и надо поспеть заранее.

— А что у вас за срочность такая к Татьяне? — спросил у ребят председатель.

Федя молча потоптался на месте.

— А мы, дядя Кузьма, клад нашли, — сказал Улька. Он подался вперед и рассказал о минеральных удобрениях.

— Какие удобрения? Откуда? — удивился Фонарев.

— Вот и мы хотели об этом спросить... — заговорил, наконец, Федя. — Если удобрения нашего колхоза, так они в землю должны быть запаханы. А они почему-то под снегом лежат.

Фонарев, отложив ложку в сторону, обернулся к Феде:

— Сочиняешь ты, парень, что-то...

— Да нет, я же помню... Удобрения еще осенью со станции возили. Ну, может, и забыли про них?

Фонарев нахмурился.

— Ты, Федька, все же думай, о чем говоришь. Мы свою норму раньше всех и полностью под пахоту внесли. У нас и в отчете записано, и люди подтвердить могут...

— А как же все-таки удобрения в овраг попали? — не унимался Федя.

— Знать ничего не знаю. — Председатель развел руками. — Значит, какие-то шалопаи свое добро туда свалили. Может, кто из соседей до своего поля удобрения не довез.

— Выходит, что удобрения-то ничейные, без хозяина, — оживился Ульяна. — А можно, мы их себе заберем?.. В школьную бригаду?

— А куда хотите, — отмахнулся Фонарев. — Хоть ложкой черпайте, хоть с хлебом ешьте... — Но, подумав, спохватился: — Да нет, пожалуй, нельзя так. Надо соседям сказать.

Ребята вышли из комнаты.

Фонарев проводил их долгим взглядом, потом посмотрел на Клепикова, который внимательно прислушивался к разговору.

— Что скажешь, Семен?

— Да что сказать, Кузьма Егорыч, — пожал плечами Клепиков. — Вот гадаю, о каких это соседях вы речь завели? Ведь это наши удобрения, наши... Помните, я еще осенью со станции их возил. Часть в поле свалил, а остальные не успел... Вам требовалось срочно сводку в район, что удобрения внесены. Вы мне и приказали: «Сыпь в овраг, потом разберемся!»

— Да, да, помню, — вздохнул Фонарев. — Торопили меня тогда с рапортом, подгоняли. Ну, а нашему колхозу отставать не пристало... Вот и пришлось сообразить. — Он с досадой поморщился. — Еще не хватало, чтобы слухи пошли по колхозу...

— От этих деточек всего дождетесь, — согласился Клепиков. — Слыхали, что в клубе на концерте было? Федька Стрешнев с Ульяной частушки пели. И все больше по вашему адресу прокатывались. Я так думаю: это старший Стрешнев ребят настраивает, бывший бригадир.

Фонарев задумался. Он ли не старается для своего колхоза, чтоб на хорошем счету был? Всегда вовремя рапортует об окончании сева, уборки, о сдаче хлеба, молока, мяса. Одним из первых в районе их колхоз запахал все клевера, уничтожил посеы овса, ячменя, зато смело засеял сотни гектаров кукурузой.

Начальство довольно им, то и дело поминает добрым словом как предприимчивого, инициативного председателя, а вот люди в колхозе почему-то не ценят его стараний, донимают вопросами, кричат на собраниях, что он ни с кем не считается, действует сам по себе. А слова взрослых и ребяташки подхватывают.

Вот хотя бы эти удобрения. Еще неизвестно, будет ли от них толк, а шуму школьники наделали много. Осенью разыскали их на станции. И теперь за них же могут ухватиться.

— Вот что, — буркнул Фонарев. — Ты с кем удобрения-то в овраг сваливал?

Клепиков ответил, что грузчиками у него работали двое парней, но в колхозе их сейчас уже нет, призвали в начале зимы в армию. А из школьников ему помогал сын, Димка.

— Это лучше, — немного успокоился Фонарев. — Значит, свидетелей раз-два — и обчелся. Так что, Семен, вся надежда на тебя с Димкой. Как скажете, так тому и поверят.

— Уж будьте спокойны, Кузьма Егорыч, мы не подведем...

— И за мной не пропадет, — пообещал Фонарев.

Глава 4

После обеда Федя отправился к отцу на ферму.

По узкому коридору между стойлами он прошел в глубь коровника. Разномастные коровы погромыхивали цепями и, звучно фыркая, жевали кисловатый силос.

В конце коридора на скользком полу лежала рыжая корова Лыска. Бока ее вздувались, как кузнечные меха, фиолетовые глаза смотрели тоскливо и жалобно. Около Лыски стояли заведующая фермой Марина Клепикова и несколько доярок.

Федин отец сидел перед коровой на корточках и бережно гладил ее судорожно вытянутую переднюю ногу.

Федя наклонился к отцу.

— Что с Лыской-то?

— Беда, Федька... Корова ногу покалечила. — Прохор показал на отверстие в гнилой половице. — Шла и провалилась.

— Слышь, Прохор, — сказала Марина. — Имею распоряжение зоотехника корову прирезать и составить акт. Все будет по закону, чин по чину. Лыска списана ввиду несчастного случая.

— Ах, по закону! — Прохор выпрямился и окинул насмешливым взглядом заведующую. Был он невысок ростом, сухощав, подвижен, в коротком заношенном пиджаке, старый трех сбился на затылок. — Совсем ты заелась, Марина! Тебе бы только бумажкой прикрыться да сактировать. Лыска же дно золотое, удойница! Ее на две коровы не променяешь...

— Да не жилец она на белом свете, не жилец. До утра не протянет, — настаивала Марина. — Кто тогда отвечать будет? Так лучше уж прирезать, мясом попользоваться. Вот и Семен пришел! — Она кивнула на стоящего в воротах мужа, моложавого, широколицего, с аккуратными усиками и завидным румянцем на щеках. Семен Клепиков работал в колхозе шофером на грузовой машине, но когда его просили, мог прирезать и корову, и свиного.

— А ты отвечать будешь! Ты! — Прохор повысил голос. — Сколько раз тебе про полговорено... Гнилье, труха — вот-вот беда грянет. Совсем ты ферму запустила!

— Так, Прохор, так, — согласно закивали доярки. — Постругай ее, сними стружечку. Может, и на пользу пойдет...

— Ну вот что, граждане! — Марина с деловым видом подняла руку. — Митингов устраивать не будем. Сейчас у нас дойка. Давайте-ка по местам. А ты, Прохор, Лыску готовь. Надо будет ее на улицу вытащить. Помогай, Семен!

Раскинув руки, Прохор загородил корову.

— Ну, ну, не самоуправничай! — нахмурилась Марина. — Сказано тебе — с зоотехником по всем статьям согласовано.

— Все равно не пушу, не дам корову губить! — заявил Прохор.

— Ну и дела!.. — покрутила головой Марина. — Безначалье какое-то... Сейчас же председателю доложу. Уж он-то распорядится!

— Иди-ка ты отсюда, не мешайся, — отмахнулся Прохор. — Лыску лечить надо.

Марина с Семеном вышли из коровника. Прохор осмотрел поломанную ногу коровы, промыл ее, смазал и заключил в твердую лубяную шину.

— Срастется нога. Лыска еще побегаёт, — успокоил он доярок. — Тут главное — покой да кормежка.

Корову перетащили в дальний угол на мягкую соломенную подстилку, напоили, задали корму, и только тогда Федя с отцом вернулись домой. Но через полчаса Прохор, прихватив ведро с теплым пойлом, снова направился на ферму, чтобы узнать, как чувствует себя Лыска.

Ужинать Стрешневы сели только в девятом часу вечера.

Семья собралась большая: отец, мать, старший брат — тракторист Николай, сестра Ольга — свиначка и младшее поколение — Федя и Ромка.

Не успели они поужинать, как в избу вошел Семен Клепиков. Он потоптался у порога и сказал, что завтра едет в город: не надо ли что-нибудь купить Стрешневым.

— Спасибо, вчера сами были, — ответил

Прохор, подозрительно косясь на соседа и не очень понимая, зачем он пожаловал.

Наконец Семен присел на лавку и с легким упреком обратился к Прохору:

— И чего ты опять с моей Мариной схватился. С фермы чуть ее не выгнал, наговорил невесть чего...

— И поделом ей, — сказал Прохор. — Ишь, моду взяла — коров изводить.

— Так ей же виднее. Начальство все-таки, заведующая фермой.

— А мы кто?.. Обсевки в поле, сорная трава у дороги. Ходи, топчи, приминай — а мы и не пикни? Или вроде как горох в погрешке — тряхни посылней, мы и загремим: «Ах, как все хорошо, отрадно»...

— Ты, Прохор, не расходишься. — Семен нахмурился. — Шумишь вот, скандалишь, а толк какой? Был бригадиром, а угодил в пастухи, в скотники...

— Зато, вижу, ты тепло устроился, — насмешливо сказала Прохор. — Начальство тебе и нарядик получше, и работку почище. А ты притулился и помалкиваешь, что кругом делается...

— Да если бы я с Мариной шумел повсюду, вроде тебя, как бы мы жить стали? — вырвалось у Семена. — А теперь погляди: и ши у нас на столе с приварком, и пристройку к дому мы заканчиваем. На колхозные трудодни не очень-то разживешься...

Отложив в сердцах ложку, Прохор кивнул на Федю, Ромку и Николая.

— Поучи ребят, сосед, поучи, как надо к жизни прилаживаться. Такого, поди, ни в одной книжке не вычитаешь.

Отложили ложки и Федя с Николаем.

— Давайте, дядя Семен, — усмехнулся Федя. — Поделитесь опытом.

— Ты, Семен, не бахвалься, что с начальством спелся, — хмуро сказал Николай. — Только не все так умеют.

— Да я к чему это, — обиделся Семен. — Думаете, сам не вижу, что непорядков в колхозе у нас полно. А только шуми не шуми — плетью обуха не перешибешь... И нам с Мариной ссориться с вами не след, лучше в мире жить. Соседи все же, пригодимся еще друг другу. — Он потер шершавый подбородок и кинул острый взгляд на Федю. — А тебя вот о чем хочу спросить. Ты чего ныне Димку насчет удобрений пытал?

— Ну и пытал, — помедлив, признался Федя. — Димка говорит, что вы удобрения вместе со станции возили... Я и хотел узнать, куда вы их свалили.

— Ну знаешь, Федька, — вспылил Семен, — ты моему парню допросы не устраивай. Соплив еще, зелен.

— Да в чем дело-то? — вмешался в разговор Прохор. — Что за секреты у вас? Быстрей выкладывайте.

Семен объяснил, что Федька обнаружил в Епишкином овраге сваленные кем-то минеральные удобрения, и ему взбрело в голову, что они принадлежат родниковскому колхозу.

— Да быть того не может! — ахнул Прохор.

— Вот о том и разговор, — кивнул Семен. — А твой с бухты-барухты полез выяснять этот вопрос к самому Кузьме Егорычу. Он вновь обратился к Федьке: — Тебе председатель объяснил насчет удобрений?

— Объяснил, — буркнул Федя.

— Так оно и было. И я подтверждаю. Все наши удобрения в землю запаханы. Заруби себе это на носу и не болтай, чего не следует. А ты, сосед, попридержи парня-то, как бы он дров не наломал.

Семен ушел.

— Ох, дела наши артельные... Тут и взрослый не разберется, не то что малый, — вздохнул Прохор и задумался.

— Слышь, батя, — осторожно спросил Федя, — а через что ты с председателем не поладил? Почему тебя с бригадиров сняли?

— Эх, сынок, — махнул рукой отец. — Давнее это дело. Фонарев мне клевера приказал перепахать, кукурузу сеять. А кукуруза, хоть и королева, но не для наших полей. То от холодов страдает, то от дождей вымокает. Ну, я тогда для вида немного перепахал клевера, что поближе к дороге, а остальные посева не тронул. Все же клеверное сено — лучший корм скоту, спасение наше. Тут начальство на меня и навалилось, расчехотили меня, как первого травопольщика. А потом Фонарев пашню стал запускать... Словом, живет человек на земле, а от земли отвернулся. Ни слушать ее, ни понимать не хочет. Ну и поехали мы с председателем разными колеями.

В сумерки обшарпанный колхозный грузовик остановился около Родниковской школы.

В девятом классе шла спевка хорového кружка. Руководитель кружка Петр Акимович Севастьянов разучивал со школьниками новые песни.

На гармошке аккомпанировал Дима Клепиков. Он то и дело путал мотив, ребята пели недружно, вразнобой, а Улья Клепиков начал так «козлетонить», что Петр Акимович попросил его замолчать.

Разобиженный Ульясел на заднюю парту и устался в окно. Оно выходило на широкую улицу, и Улья отлично видел, что на ней происходило.

Сейчас он решил, что в школу привезли дрова. Спевка затянулась, хотелось размяться, и Улья без стеснения прервал занятия:

— Петр Акимыч, дрова привезли. Разгружать надо.

Дима приглушил гармошку.

Школьники прильнули к окнам.

Из кабины грузовика вылез Семен Клепиков, с другой стороны выскочила Таня Фонарева. Она была в модном зеленом пальто, в цветастом шерстяном полушалке, в новеньких резиновых ботах, отороченных мехом.

Заметив в окнах одноклассников, Таня помахала им рукой, что-то крикнула, потом бросилась к шоферу и принялась помогать ему развязывать узлы веревки, стягивающей брезент. Затем еще раз обернулась к окнам, широко и радостно улыбнулась, вновь крикнула что-то и, когда веревки были развязаны, широким жестом сдернула брезентовое покрытие.

В классе ахнули. На грузовике стояло знойно-черное, как воронье крыло, пианино. По бокам оно было обложено соломой, и из нее торчали два настоящих бронзовых подсвечника — казалось, что сейчас загорятся свечи и зазвучит музыка.

Ребята заулыбались. Как же не хватало в школе пианино! Как надоела им одна и та же Димкина гармошка. Но от кого такой щедрый подарок?

— А может, не нам пианино? — спросил Улья. — Может, для колхозного клуба?

— Нет, нам пианино, не переживайте, — успокоил Дима. — Премия школьной бригаде. За трудовые успехи. Так правление решило.

— Чего ж мы стоим! — выкрикнул Улья. — Грузчики, вперед! Раз-два взяли!..

Через минуту класс был пуст.

Наспех одевшись, школьники выскочили на улицу и, окружив грузовик, осторожно сняли пианино на землю. Потом сделали из веревок лямки и, отобрав самых сильных и рослых мальчишек, потащили его на второй этаж.

— Только, пожалуйста, осторожно! Умоляю вас... — упрашивал ребят Петр Акимович. — Это же большая ценность.

Наконец пианино втащили в школьный зал и по совету учителя поставили к внутренней стене.

Таня Фонарева передала учителю ключ от пианино и попросила что-нибудь сыграть.

— Я даже новую песенку привезла.

«Марш школьных бригад». Мы ее на слете пели... Очень всем понравилась.

Девочки принесли учителю стул. Петр Акимович просмотрел ноты, взял несколько аккордов. Звук получился расстроенным, глуховатым.

— Придется подождать. Пусть инструмент отогреется.

— А пианино, видать, из бывших, — заметил Улька. — Углы обиты, царпины. А подсвечники-то какие... Времен Очакова и покойня Крыма.

— Да-а, агрегат, похоже, из списанных... — усмехнулся Саша Шеремет.

— Ладно вам, — остановила ребят Настя Соломина. — Дареному коню в зубы не смотрят.

Пока пианино «отогревалось», школьники забросали Таню вопросами: как прошла слет, выступала ли она, откуда все-таки появилось пианино?

Разрумяненная морозом, Таня сняла пальто, поправила толстую косу и снисходительно оглядела ребят.

— Вообще-то после каникул я отчитаюсь подробно. Соберем всю бригаду...

— А ты вкратце, о самом главном!

— Ну, если вкратце... — согласилась Таня.

Слет проходил в городском театре. Делегаты съехались со всей области. Было много гостей, корреспондентов газет, кинохроника, телевидение. Она, Таня, попала даже в президиум и сидела рядом с секретарем обкома комсомола. Доклад длился почти полтора часа, и в нем дважды упоминалась Родниковская школьная бригада. И очень одобрительно.

Потом Таня выступала с рапортом. По бумажке, конечно, не читала, как некоторые другие, а говорила наизусть. Слушали ее хорошо, и даже аплодировали. Четыре или пять раз, она уже не помнит. Затем их бригада вручили почетную грамоту, а рапорт сегодня утром напечатали в областной комсомольской газете.

Таня достала из чемоданчика грамоту и газету и передала ребятам.

— А откуда все-таки взялся этот агрегат? — спросил Саша, кивая на пианино.

— А с музыкой так получилось, — продолжала Таня. — Вчера на слете появился мой отец... Ну, его, конечно, как представителя старшего поколения, пригласили в президиум. Сидит он такой важный, целый графин воды выпил, и все мне почему-то подмаргивает. А потом слово попросил. И так начал нашу бригаду расхваливать, что опять аплодисменты без конца. И орлы-то мы, и ретивый народ, и золотые руки, и первые помощники. А под конец и говорит: мы для наших молодцов никакой премии не пожалеем, купим пианино для школы, пускай ребята в жизнь с музыкой входят. Я, признаться, думала — похвалился отец, для красного словца пообещал, а сегодня утром смотрю, заезжает он за мной в общежитие и везет покупать пианино.

— Ну, и расщедрился председатель, — фыркнул Улька. — То у него снега зимой не выпросишь, а тут — музыка... Чудеса прямо. Таня пожала плечами.

— Тебя почитать, так у нас сплошные успехи и победы, — заговорил Саша Шеремет. — Тишь, гладь, божья благодать... Ни

сучка, ни задоринки. Кто ж тебя просил соловьем заливаться? — Он протянул Тане газету с ее выступлением на слете. — Это твой рапорт или нет?

— Мой, конечно...

— А ты наши замечания высказала? — спросил Федя. — Про то, чем мы недовольны... Какие наши требования.

— Да, да, — подхватил Улька. — Ты ведь перед отъездом обо всем записала.

Таня молчала.

— Ну, что ж ты? Неужели забыла? — торопили ребята.

— Понимаете, — замялась Таня. — Как-то не до того было. Такая на слете обстановка торжественная... Все рапортуют, аплодисменты, музыка. У всех праздничное настроение. А я вдруг с критикой...

— Смолчала, значит, испугалась? — усмехнулся Федя. — Аплодисменты помешали?

Таня вспыхнула.

Взгляды их на мгновение скрестились, девушка сердито перебросила за спину толстую косу и, пожав плечами, отвернулась от Феди. Потом обратилась к ребятам:

— Если хотите знать, как все было, так я скажу... Алексей Маркович попросил показать ему наш рапорт. И, конечно, поправил его, подсократил, отредактировал... Так, говорит, нужно. Этот слет — большой праздник, и критика здесь ни к чему.

— Красивенько получилось! — присвистнул Улька.

Но у Тани неожиданно нашлись защитники.

— А что! — протолкался вперед Дима Клепиков. — Чем наша бригада плоха? Работали, не загорали. И колхоз нами доволен, трудодни начислял, на авансы не скупился. Я вот оделся, обулся за лето. — Он лихо приотпнул новыми башмаками на толстой рубчатой подошве. — На свои кровные куплены...

— Правильно, Дима, — поддержала его Зоя Стригалева, мрачноватая полная девушка. — Такую бригаду поискать, как наша! Сколько мы благодарностей от Кузьмы Егорова-Кочка имели! В экскурсию за счет колхоза ездили, приемник в подарок получили... Теперь вот пианино.

— Авансы, подарки! — насмешливо сказал Федя. — Да поймите, головы садовые! Чем мы научились за лето, чего узнали? Зачем нам чужие успехи приписали? Совесть-то у нас есть или нет?

— Какая совесть? При чем тут совесть? — заартачился Дима. — Ты об этом учителей лучше спроси, председателя...

Неожиданно зазвучало пианино, — это Петр Акимович, выждав время, протер носовым платком пожелтевшие клавиши и взял несколько аккордов.

— Что ж мы споем? — спросил он.

Окружив учителя, девочки попросили сыграть «Марш школьных бригад». Петр Акимович взял еще несколько аккордов и поморщился, словно от зубной боли.

— Не то, совсем не то... Ужасно фальшивит... — Открыв крышку, он заглянул внутрь пианино, потрогал струны, деки. — Да, старина-матушка, все ветхое... — Потом обратился к Тане: — Где покупали?

— В городе, по объявлению В какой-то частной квартире.

— Тогда все понятно.— Вздыхнув, Петр Акимович закрыл пианино.— Требуется ремонт. И нужен опытный настройщик.

— Музыка отменяется! — объявил Улька.— Премия получена, премия безмолвствует. Пошли, громадяне!

Федя выскочил на улицу одним из первых в надежде перехватить по дороге Таню.

Он быстро дошел до тропинки, что вела к дому Фонаревых, и прислонился к дереву — иного пути домой у Тани не было.

И действительно вскоре показалась Таня.
— Ты сердисься? — Федя подался к девушке и загородил тропинку.— Но ведь ребята не могли иначе...

— Что тебе надо? — отчужденно спросила Таня.— Я трусиха... Я потеряла совесть?

— Да нет, ты пойми... Ты просто не разобралась с этим рапортом. Ты вот на слете насчет удобрений говорила. Как мы колхозу помогли, как он на первое место вышел. А ведь удобрения-то в овраге лежат, под снегом. Я сам видел...

— Ты... ты хочешь сказать, что мой отец обманул и колхозников, и район, и школу?..

— Я еще не знаю точно. Надо разобраться, проверить. Но понимаешь, нехорошо получается.

— Ну, знаешь, Стрешнев!.. — возмутилась Таня.— Как ты смеешь про отца так говорить?! Кто тебе позволил?

— А ты все же подумай... — начал было Федя.

— Пустяки. Не о чем нам больше разговаривать! — И девушка, не слушая, обошла его стороной.

Задыхнувшись от обиды, Федя бросился было за Таней, но потом, махнув рукой, направился к своему дому.

А наутро он встал с головной болью и долго вспоминал разговор с Таней. Что же произошло, в конце концов?

С малых лет Таня ходила вместе с ним в лес по грибы и по ягоды, пасла в ночном коней, часами просиживала у тихой речной заводи над удочками, а когда Федя увлекался машинами, трактором, девочка тоже записалась в тракторный кружок.

В школе они сидели за одной партой, вместе готовили уроки, учебники покупали на двоих и всегда оказывались в одном пионерском звене. Ребята нередко подшучивали над их дружбой. Особенно изводил Федю Димка Клепиков. На партах и скамейках он выцарапывал ножом: «Федя плюс Таня», при встрече

чах с хохотом выкрикивал: «Жених и невеста — из одного теста», выслеживал, когда они встречались, и даже устраивал около своего дома сторожевую заставу. Вставал с кнутом в руках на тропинке у палисадника и не пропускать Федю и Таню друг к другу.

Феде приходилось вступать с Димкой в драку, а Тане — обходить дом Клепиковых далеко стороной.

Годы шли, мальчишки выросли, а привязанность их к девчонке все крепла. Таня росла избалованной, своенравной, ей нравилось распоряжаться своими друзьями, командовать ими, повелевать. И они без конца соперничали перед ней в ловкости, силе, озорстве и ухарстве. Победа чаще всего доставалась Феде. Он часами мог поджидать Таню на улице, по первому ее требованию забирался в чужие сады за яблоками, чтобы позабавить свою подружку, очертя голову прыгал с обрыва в омут, дразнил быка в стаде, устраивал скачки на необъезженном жеребце.

«Тебе бы только тореадором быть да ковбоем, — насмешничал Димка. — Нет, я в такие игры не играю, себе дороже».

А в старших классах все стало серьезнее, и в колхозе начали поговаривать, что Федя Стрешнев не на шутку втюрился в председателя телеву дочку.

И теперь все вдруг полетело вверх тор-машками.

Федя зябко поежился и решил, что просто обязан переговорить с Таней, объяснить все спокойно, без запальчивости. И она, конечно, поймет.

Долго стучал Федя в калитку. В боковом окне мелькнуло лицо Тани, но тут же скрылось. Федя еще раз погремел щеколдой. Наконец из сеней выглянул Кузьма Егорович.

— Ты чей, милоч, будешь-то? — спросил он, глядя поверх Фединой головы.

— Как чей? — опешил Федя. — Вы что, не узнали меня? Стрешнев я... Мне Таню нужно.

— Ах, Стрешнев, — деланно удивился Фонарев. — Так вот, милоч. Ты Таню не замай больше... То вы с ней голубки, дружки сердечные, а то вдруг помои девчонке на голову. До слез ее вчера довели...

— Так я ж все объясню ей! — вскрикнул Федя, просовывая ногу в калитку.

— И вот еще что. Всякие там занятия на пару с Татьяной, прогулки по морозцу, билеты в кино — все это придется забыть. Раню еще ухажерством заниматься...

— Каким ухажерством?! — Феде показалось, что он закричал на всю улицу.

— Ну все, все, — поспешил закончить разговор Кузьма Егорович. — Прими-ка ногу, как бы не защемить. — И, закрыв калитку, запер ее изнутри.

Тяжело дыша, Федя рванулся с крыльца

и налетел у палисадника на Сашу с Ульяной.

— Что, брат, от ворот поворот? — почувствовал ему Саша. — Разошлись ваши стежки-дорожки с Таней. Вот оно как получается.

— Так не мог же я молчать, подлаживаться к ней, — вспыхнул Федя. — Что думал, то и говорил...

— А ты ладно, забудь про все, — посоветовал Улья. — От этого не умирают. Пойдем лучше на лыжах прокатимся.

Но Федя не слушал Улья. Втянув голову в плечи, он исподлобья поглядывал на дом Фонаревых. Что ж такое наговорил ему Кузьма Егорович? «Все забыть!..» И неужели Таня знает об этом и согласна с отцом? Нет, надо что-то делать! Может быть, попросить Улья с Сашей, чтобы они вызвали Таню из дома. Или поговорить с кем-нибудь из взрослых.

— Пойдем! — тормошил Улья.

— погоди, мне поговорить надо, — перебил его Федя, заметив подхопившего к дому Фонаревых директора школы.

— О чем? — обомлел Саша, пытаясь удержать приятеля. — Как тебя к Фонаревым не пустили?..

Но Федя уже шагнул навстречу директору.

Алексей Маркович, высокий, в длинном сером пальто, начищенных сапогах невольно остановился, ответил на приветствие ребят и сам начал разговор:

— Вы что ж, девятый класс, Таню Фонареву обидели? Она, можно сказать, за всю школу старалась, вашу бригаду прославляла, а вы ее рапорт охаяли...

— Так, Алексей Маркович, — вырвалось у Феде, — неправда все это с рапортом! Выдумки одни, прибавки... Прикрашено больше чем надо...

— Вот ты как думаешь? — Директор пристально посмотрел на школьника.

— Зачем Тане такой рапорт подсунали, — торопливо и сбивчиво продолжал Федя, боясь, что его недослушают. — Она сейчас вроде как обманщицей заделалась, бахвалкой. От нее шарахаются все, верить не желают. А Таня ведь не такая... Помогите ей, Алексей Маркович. Подскажите, совет дайте... Пусть она по-честному ребятам объяснит, как все с рапортом было.

Покачав головой, директор с сожалением вздохнул:

— Ну, Стрешнев, и мешанина же у тебя в голове. Путаница, неразбериха... И твое настроение мне не нравится. Придется, видно, тебя провентилировать. Зайди-ка ко мне завтра утречком, поговорим на досуге.

Переглянувшись, мальчишки сошли с тропинки в снег, и Алексей Маркович направился к дому Фонаревых.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

НА ПЛОТУ ПО БЕЛОЙ

Галимуллин — капитан.

Путешествия бывают разные: пешеходные, автомобильные, железнодорожные, воздушные, водные — в каждом есть своя прелесть. Семь свердловских инженеров — Ильгизар Галимуллин, Юрий Чжан, Юрий Козлов, Адислав Злоказов, Владимир Землянский, Владимир Проломов и Михаил Морозов решили провести свой отпуск на плоту по Белой, одной из красивейших горных рек. Восьмым участником этого плавания был 14-летний школьник Эдик Галимуллин, который, кроме основных обязанностей юнги, еще и рисовал, проявив недюжинные способности и наблюдательность.

После завершения путешествия его участники выпустили рукописный журнал-дневник, обильно иллюстрированный рисунками и фотографиями. Ниже публикуются некоторые страницы этого своеобразного дневника.

Да, это было чудесное, незабываемое лето. Мы плыли по реке Белой, причем на плоту.

...Но это было потом. Сама идея схватиться с водной стихией возникла значительно раньше, когда еще реки были скрыты под слоем льда и снега.

Как-то мы нарвались на рьяного почитателя «бельского» отдыха. Беседа длилась два часа. В основном — описание прелестей с показом фото и наконец — деловые советы: что брать, где и как лучше плыть, на что надеяться, где можно, где нельзя стрелять, на какие «хитрушки» ловить рыбу, как ее солить и вялить (тогда еще никто не знал, что солить и вялить не придется, т. к. все уловы, независимо от их объема и веса, сразу пополняли скромное меню обеда нашего).

После началось фундаментальное изучение водной части нашего маршрута.

Описание и слухи — самые разнообразные, в зависимости от природы путешеству-

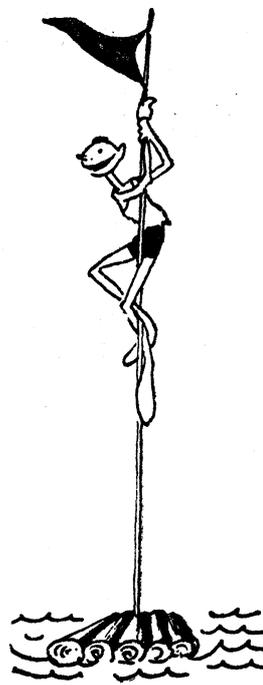
щих. Но когда мы взялись за печатные материалы, все прояснилось.

Река Белая берет свое начало в горах Южного Урала между хребтами Аволяк и Урал-Тау, сначала течет на юг по межгорной котловине, затем прорывается через ряд лесистых хребтов и, выйдя на равнину, резко поворачивает на север, затем на северо-запад. Длина реки превышает 1400 км, а площадь ее бассейна составляет 141 900 кв. км. Ширина русла в верхнем течении — 20—50 м, а в среднем и нижнем увеличивается до 300 м около г. Уфы и до 400 м — у г. Бирска.

Во время половодья Белая заливают широкую пойму, образуя обширное водное пространство. Наименьший уровень приходится на июль и август, но в связи с дождями случаются небольшие паводки. Средняя скорость течения на равнине — менее 1 м/сек.; там же, где река прорезает горные хребты, скорость течения нередко достигает 3—4 м/сек.

Водное путешествие мы начнем там, где скорость течения довольно большая — в районе Старо-Субхангулово. Это бывший районный центр, затерянный среди гор и лесов. Село раньше считалось одним из самых глухих «медвежьих» уголков республики.

Ниже Старо-Субхангулово река постепенно отклоняется к западу, приобретая, в общем, почти широтное направление течения, которое она со-

Эдик — юнга-самоучка.

хранят до села Бугульчан. Этот отрезок, пожалуй, самый красивый и привлекательный на всем пути по Белой. Начиная от Старо-Субхангулово, берега реки украшают высокие обрывистые скалы с причудливо прилепившимися к ним редкими березками и соснами. Река изобилует крупными излучинами, и с каждым поворотом видны все новые и новые очертания скал.

Тихие и глубокие плесы чередуются с быстрыми перекатами, обрывистые скалистые берега, придающие величественную суровость ландшафту, сменяются ласкающей глаз зеленью лугов и рощ, раскинувшихся на террасах.

В 12,5 км ниже устья реки Каны, у южного изгиба излучины Белой, слева в нее впадает речка Таравал. Она интересна тем, что в устьевой ее части русло обычно бывает сухим, так как воды реки целиком поглощаются рыхлыми наносами и выходят на поверхность лишь у самого берега Белой. Примерно в полукилометре выше и ниже от устья реки

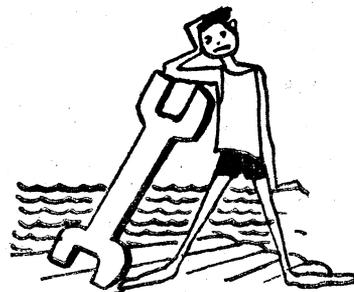
Проломов — матрос по особым поручениям.

Таравал, на левом берегу, выходят мощные карстовые источники с холодной и вкусной водой, шум которых слышен хорошо с реки.

В двух километрах ниже устья Таравала, на правом берегу, расположена серая скала Кабан-Таш (Каменный стог). Капова пещера находится в 3,5 км ниже хутора Кулават, на правом берегу. Вход в пещеру расположен у подножия высокой известняковой скалы. Ниже Каповой пещеры открыты еще две пещеры. Одна из них — пещера Космонавтов — имеет сложное ветвление ходов, большие залы

Злоказов — матрос-охотник.

Землянский — матрос-механик

и двадцатиметровый вертикальный колодец. Другая — Жемчужная — имеет красивые натечные образования.

Здесь изучение по записям заканчивается, так как обычно водники закругляются возле пещеры. У нас же есть желание плыть дальше, хотя нас и пытаются отговорить, — описаний нет, БСЭ тоже не помогает. И тогда решаем: поплывем и сами опишем.

Сборы заняли почти месяц. Тщательно разработали маршрут, составили перечень необходимого оборудования и вспомогательных материалов, постепенно заготавливали продукты, закупали и изготавливали необходимое. Состав экспедиции утвержден на общем собрании и распределены обязанности. Есть капитан, казначей, завхоз, матрос-охотник, матрос-механик, матрос по особым поручениям и просто палубный матрос. Сын капитана Эдик — юнга-самоучка.

Наконец изготовлена сковорода размером 500×400, утрясены последние формальности с отпусками, очередными и неочередными, назначен день отлета — и вот мы уже в воздухе.

Сначала Свердловск — Уфа, потом Уфа — Белорецк. А там — земной этап на попутных грузовиках до Бурзяна, начальной точки водной части пути.

29.VII. С утра, закусив чаем с колбасой, направились на постройку плота. Получили на складе бревна, благо он оказался у самой реки. Постройку совершали под руководством и при участии двух местных самоучек-умельцев. Сделали они плот

Морозов — палубный матрос.

Чжан — казначей.

Козлов — завхоз.

очень быстро. Мы посмотрели, как это делается, и теперь, если придется, с успехом сделаем сами. Ничего сложного.

К обеду плот был готов. Капитан назначает отплытие на 17 час. 00 мин. Плот выглядит, как на картинке. Мачта с флагом изогнута назад, вокруг нее на невысоком настиле рюкзаки, как напалубная надстройка. На мачте, чуть повыше рюкзаков, висит круг.

Торжественно подняли флаг. Долго фотографировались и отчалили точно в назначенный срок. Плот наш (14 бревен) мгновенно погрузился на 20 см в воду. Все заметались, чтобы добиться равновесия, гвалт подняли. Провожающие на берегу схватились за животы и катались по земле от смеха. А нас понесло на скалу, за которой виден резкий поворот налево. Вода поднялась уже к самому настилу, все мокнет.

Как-то миновали скалу, выправились и поплыли. Километра через два вылетели из-за поворота, а впереди пережат — волны порядочные, вода бурлит. Отваливать куда-либо было поздно: понеслись прямо в пучину. Камни не задели, но нас покидало, вода прошлась по настилу. Минут через 30 причалили к правому берегу — очухиваться. Козлов сварил здесь свой первый в жизни (как утверждает сам) и первый в нашем походе суп.

Походили по берегу, нашли пару бревен, которые на следующий день решили присобачить к плоту для увеличения плавучести. Подняли помост на плоту на большую высоту.

Вечером попели песни, побазарили и утихомирились.

Взгромодили с вь вновь на уже починенный плот. Никто не мог понять, держат нас эти довески или наоборот.

Но на плоту стало гораздо меньше суетни. Все относится спокойнее к факту приближения к скале. Немного отгребем — и проносит запросто.

Прошли слева большой остров. Место для остановки еще не нашли. Вообще-то места для этой цели здесь неважные.

Наконец остановились. Место покатоое, каменистое. Да, перед самой остановкой сели на мель.

Плывем прилично уже, а рыба еще не является одной третью нашего рациона, как было намечено ранее.

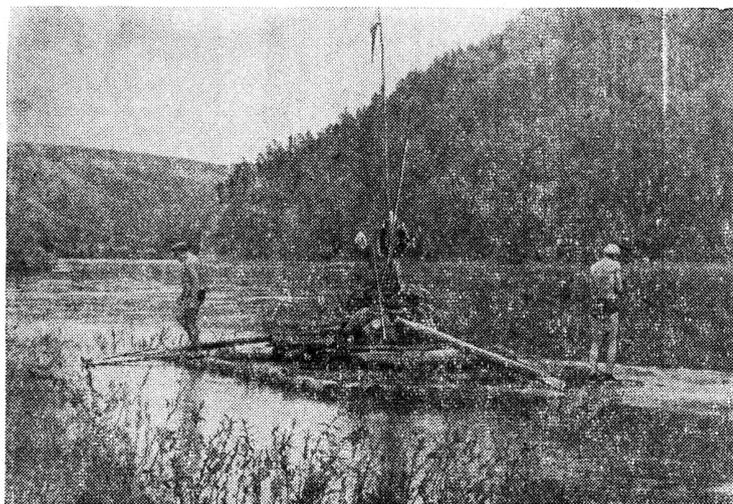
Колбаса уже приняла бледный вид. Палубный матрос вносит одно из самых ценных своих предложений — выбросить за борт всю колбасу. Предложение не прошло.

1.VIII. Переспали у Каповой пещеры в домике на берегу Белой, выстроенном специально для посещающих пещеру научных сотрудников. С вечера рано завалились спать, вероятно, устали после большого перехода, даже не поспали.

Подъем сыграли в 7 часов 30 минут. После зарядки, обязательной для всех, умылись в целебном Шульгане, вытекающем из пещеры. У самого входа в этот подземный дворец небольшое озерцо, но очень глубокое, говорят, больше 30 метров. Называют его Голубым, из него и течет речка. Вода необычайного цвета — слегка зеленоватая с молочным оттенком, а в четырех километрах от Каповой — она обычная, земная. Протекает мимо деревни и, естественно, в ней и стирают, и купаются все, вплоть до собак. А потом она уходит под землю и появляется здесь. Но в ней уже отсутствуют бактерии (брались пробы и проводились анализы). Все в один голос утверждают, что вода целебная.

Побывали в пещере. Вылезли из нее через два часа, грязные, чумазы и отправились. На плоту у нас форма одежды номер один — в плавках.

3.VIII. Встали раньше обычного. На 9 часов назначено отплытие, надо успеть позавтракать и уложиться. Одновременно с завтраком готовится обед, чтобы остановка для пополнения калорий отняла меньше времени. С ран-

Флаг поднят, к отплытию готовы.

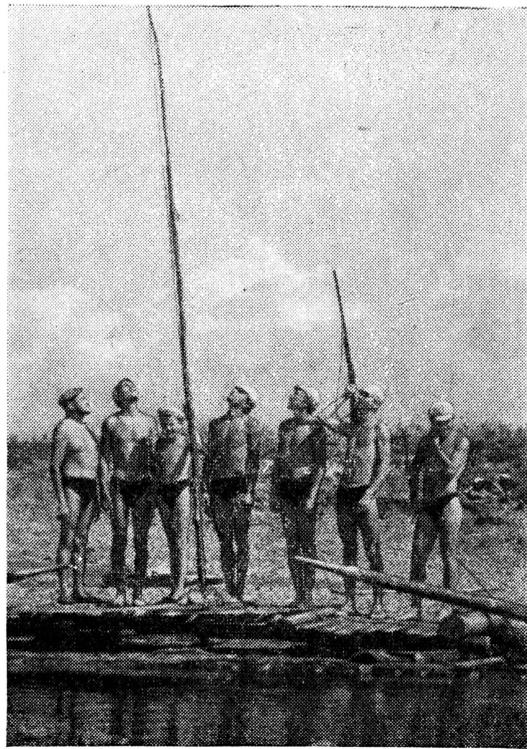
него утра, когда еще не рассеялся туман, наш лагерь обступило целое стадо телят, вероятно, где-то близко ферма. Дежурный храбро отразил нападение, любопытные после второй атаки разбежались.

Вообще туманы на этой реке знатные. Иной день часов до одиннадцати не рассеиваются. Виды открываются красивые. Природа — Советская Швейцария. Вся братия в восторге. Скалы, самых любопытных очертаний, сменяются как в калейдоскопе. Плыдем на плоту по восемь часов, но никакой усталости не чувствуется. Парни успевают только разворачиваться то влево, то вправо. Чаше стали встречаться берега, поросшие липой. Вот откуда берется знаменитый башкирский мед. Нынче, правда, его мало, потому что три цветастых месяца лил дождь, а у пчел — нерабочее настроение. На многих самых высоких и труднодоступных скалах видны флажки — вероятно, когда-то прошли альпинисты и порезвились.

В полдень спугнули с реки пару уток. Адик, наш штатный охотник, загорелся, а ружье-то не заряжено. Утки развернулись над нами и приводнились выше по течению. Пришвартовались для интереса. Адик долго ходил, лазал по кустам, наконец выстрелил. Смотрим в воздух: ни одна утка не поднялась. Уж раздалась возгласы любителей поесть, предвкушая жареную утятину на обед, но вдруг еще выстрел — и невредимая пара умчалась над лесом. Полнейшее разочарование.

Погода стоит положительно хорошая, не взглянуть бы. Последние дни страшно загорели, запоем купаемся, почти через каждый час. Кто-нибудь один начинает, и вдруг смотришь: плот плывет без экипажа.

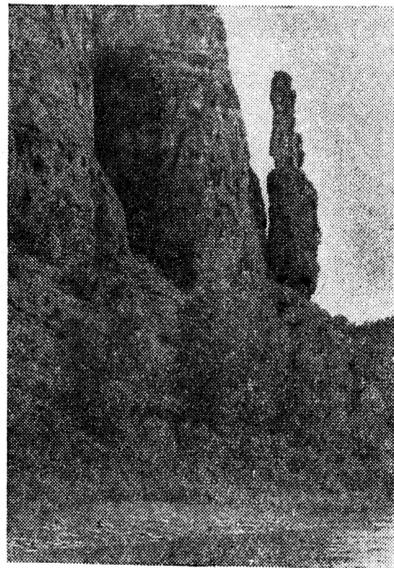
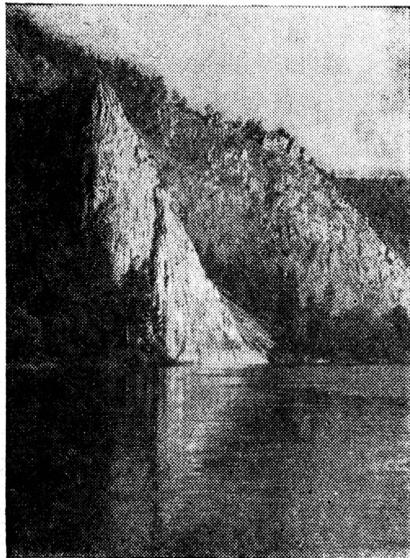
4.VIII. Не доходя одного-полтора километров до деревни Верхнее Биккузино, наблюдаем интересную картину: резкий переход от гористой лесной местности к лесостепи. Берега вдруг стали пологими, лес больше лист-

Торжественный спуск флага.

венный и его мало: холмы, что виднеются вдали, лысые. Чувствуется, что дело идет к концу.

Но русло здесь ужасное: река опять разделилась на две протоки. Пошли левой. Очень мелко. Несколько раз приходилось всем соста-

Красивы берега реки Белой.

вом сталкиваться с мели. Очень много топляков — бревен, зацепившихся за дно и торчащих из воды. По берегам целые сооружения для задержки леса — толстенный трос, обвязанный бревнами по всей длине. На берегу он крепится к деревянному срубу, заваленному доверху камнями.

Часов в пять проходим Юмагузино. Большой поселок, райцентр. Отсюда начинаются наши мытарства — дальше идет зачистка леса, все берега завалены бревнами, на самой реке часты завалы, по реке — сплошной поток бревен. Завалы разбирают рабочие с бульдозерами на берегах и катерами на реке. Водометный катер подобен трактору — лезет на кучу бревен, как на стену, и расталкивает. Бревна здесь задерживаются тросом, который опускается и поднимается лебедкой, стоящей на берегу. Машинист лебедки нас любезно пропустил. Смотрим дальше — паром, трос через реку. Срочным порядком сняли мачту, прошли. Дальше совсем интересно: река перегорожена завалом. Куда идти — влево или вправо? Пока рядились, подошли совсем близко, и вдруг капитан решительно объявляет: «Влево». Рулевые проявили максимум умения и перешли реку почти перпендикулярно. Прошли и это узкое место молодцом! Так держат!

Люди, что шли по Белой перед нами, бросают плоты и пересаживаются на сухопутный транспорт. Дальше, верно, мало интересного. Москвичи даже предложили нам свой плот: жалко, говорят, бросать. Возьмите. А нам куда? Мы сами на берег смотрим.

Плыли до заката. Прошли 40 км. Пристали к правому берегу сразу после поворота реки, чтобы за ночь не образовался затор у нашего плота.

5.VIII. Ночевали у интересной горки. Она отвесно обрывается к реке. Вечером Морозов встал лицом к ней и крикнул: «Кто лентяй — я или Козлов?» Гора совершенно явственно ответила: «Козлов!».

Вокруг страшно голо. Дрова — на берегу бревен полно всяких, но вот стойки для палатки нигде не вырубить. Хорошо, что мы, в целях экономии времени на разбивку лагеря, везем их с собой с прошлой стоянки. Днем Миша выбрал себе бревно, идущее вровень с нами, и оседлал его. Он давно точит зуб на персональный плот. Собственник! Решил на бревне обогнать нас. Расходится с нами другой протокой, но все же отстает безнадежно. Пустился впласть догонять, потом бегом по воде — мелко было. Пришлось бросать ему спасательный круг и подтаскивать к плоту, — опять же пятно на свою репутацию.

Где-то около часу подходим к деревне Сапашево. Решили здесь пристать. Стащили на берег вещи, выстроились на палубе к спуску флага. Капитан отдает команду, гремит салют, — водная часть похода закончена! Пройдено около 200 километров. Тут же, на берегу, состряпали обед, искупались в последний раз, наелись до отвала, несмотря на палящее солнце, и трогаемся на тракт ловить машину в Мелеуз.

Поход закончен. Все загорели, физиономии выросли до размеров 60×60 см. Впечатлений уйма. Надо успеть переварить их до следующего похода.

ВЕЛИКИЙ СЛЕДОПЫТ

*К 35-летию со дня смерти
В. К. Арсеньева*

Поздно вечером в августе 1902 года небольшой отряд военных топографов расположился на ночевку у истоков реки Лфу в горах Приморья. Кроме начальника отряда и одного казака, все уже спали. Неожиданно из таежного мрака раздался спокойный голос: «Стреляй не надо, моя люди!», и к костру неторопливо подошел неизвестный человек. По обычаю тайги ему без расспросов предложили поужинать. Он поел, сказал: «Спасибо, капитан», а на вопрос о себе коротко ответил: «Моя гольд... Постоянно охота ходи... Сопка живи». Началась беседа. И чем больше гость говорил, тем он казался симпатичнее. Потом он задумался и с грустью закончил: «У меня жена была, сын и девчонка... Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...»

Так произошла первая встреча верхнеуссурийского нанайца (гольда) Дерсу Узала с путешественником и писателем В. К. Арсеньевым. Дерсу стал проводником и верным спутником своего нового русского друга. Сын тайги и беспримерный следопыт, он раскрывал Арсеньеву лесные тайны, знакомил с обычаями людей тайги и не один раз спасал его от неминуемой смерти.

В конце третьей экспедиции — в 1907 году — Арсеньев с трудом уговорил Дерсу поехать с ним в Хабаровск. Но здесь старый охотник затосковал. Указывая на потолок и стены комнаты, он говорил: «Моя здесь сиди, все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть?.. Люди надо постоянно сопка ходи...» Он не мог понять, почему надо платить деньги за дрова, за амурскую воду. Не выдержав городского плена, Дерсу опять ушел в тайгу. Вскоре его нашли убитым у лесного костра. Сейчас там поставлен памятник.

Дерсу Узала пришел в русскую литературу именно в тот теплый августовский вечер, став героем замечательных книг, написанных Арсеньевым. Созданный Арсеньевым образ Дерсу — мужественного, мудрого и доверчиво простого человека — незабываем. «Какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну», — писал М. Горький Арсеньеву о книге «В джунглях Уссурийского края».

Блестящие отзывы Горького, знаменитого путешественника Ф. Нансена, академика В. Л. Комарова, писателя М. М. Пришвина и многих других показали, что книги Арсеньева не толь-

В. К. Арсеньев.

ко — «местное явление» и что сам он — крупный исследователь и талантливый писатель. Таким его знает и любит наш народ.

Свыше тридцати лет посвятил Арсеньев изучению Дальнего Востока. Он совершил двенадцать экспедиций, не считая многочисленных поездок и походов в различные пункты края. За эти годы ему пришлось, в общей сложности, двадцать пять раз пересечь Сихотэ-Алиньский хребет.

Многие книги Арсеньева одинаково принадлежат и науке, и художественной литературе. Они вышли миллионами экземпляров, переведены на 12 языков. Недавно повесть «Дерсу Узала» вышла новым изданием в Свердловске в «Уральской библиотеке фантастики и приключений».

Но литературное наследие писателя пока еще полностью не собрано. Недостаточно изучена и биография Арсеньева, особенно период его жизни в Петербурге.

Поиски материалов об Арсеньеве в последние годы принесли много нового. У родственников, друзей и корреспондентов писателя найдены его забытые и затерянные произведения, письма, книги с автографами, редчайшие фотографии.

Весьма успешно ведет эти поиски ленинградская исследовательница Анна Ивановна Васина, научный сотрудник Архива Академии наук СССР. Ей удалось обнаружить десятки еще не известных писем Арсеньева, ряд его научных отчетов и публикаций и, что особенно интересно, собрать массу биографических сведений о многочисленной семье Арсеньевых, о родственных и дружеских связях писателя.

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 29 августа 1872 года в Петербурге в семье железнодорожного служащего. Учился он в четырехклассном городском училище, которое закончил экстерном, и поступил в пехотное училище. Здесь он с огромным интересом читал Дарвина и другую научную литературу, посещал лекции в университете. Книги Пржевальского, Певцова и других путешественников были у него всегда на столе. В 1896 году Арсеньев добился назначения на Дальний Восток, где и прошла затем в путешествиях вся его жизнь. Таким образом, до 24 лет Арсеньев жил в Петербурге, но сведения о его занятиях и встречах в эти годы были счень скудны. А. И. Васина в течение ряда лет настойчиво, по крупице, искала эти материалы и теперь располагает ими.

Впервые публикуемая «Уральским следопытом» фотография Арсеньева относится к 1890 году и была найдена А. И. Васиной у племянницы писателя З. П. Рятыко. Это один из самых ранних снимков Арсеньева, еще не известный его биографам.

А. И. Васина сильно расширила круг для новых поисков — в этом огромное значение ее самоотверженной работы.

Еще недавно, в 1949 году, было известно всего около десятка корреспондентов Арсеньева. Теперь только А. И. Васина зарегистрировала их около семидесяти.

Есть сведения о том, что в конце 20-х годов Арсеньев собирался переехать на Урал. К сожалению, никаких подробностей о его научных, литературных и личных контактах с уральцами пока найти не удалось.

Летом 1930 года, руководя изысканиями трасс для новых железных дорог, Арсеньев выехал в низовья Амура. Простудившись в тайге, он возвратился во Владивосток уже тяжело больным, а 4 сентября 1930 года, на 58-м году жизни, скончался.

Прошло уже 35 лет со дня смерти, но книги его продолжают волновать читателя, заражать духом научного поиска, любви к благородному делу познания нашей Родины.

На памятке его выбиты строки из старого путевого дневника:

Ты — мой учитель, мой утешитель и друг,
Ты — мой храм и моя Родина,
Шумящий, шелестящий и тихий лес.

Тут невольно вспоминаются строки, которые Арсеньев посвятил своему погибшему другу: *«...Могила Дерсу, тающий снег и порхающая бабочка, которая с закатом солнца должна будет погибнуть, шумящий ручей и величавый лес,— все это говорило о том, что абсолютной смерти нет, а есть только смерть относительная, и что закон смерти на земле есть в то же время и закон жизни».*

Память об Арсеньеве живет. Готовится «Большой Арсеньев» — полное собрание его сочинений. Но предстоят еще трудные поиски, в том числе и на Урале. Эти поиски ждут своих следопытов.

Евг. ПЕТРЯЕВ

В. САПАРИН

„ДРАКОН“

идет на выручку

Научно-фантастическая повесть

Я последовал за начальником спасательной службы. Мы миновали тамбур. Дорохов распахнул дверь и вышел первым.

— Осторожнее! — крикнул он.

Я замер и увидел прямо перед собой глубокую щель. Проектор, выдвинувшийся из углубления в кормовой части «дракона», выявил любопытную картину.

Мы находились почти в самом центре подземного зала, где успели произвести беспорядок. Сломанные сталагмитовые колонны валялись вокруг. В потолке зияла внушительная брешь.

Я направил в нее узкий пучок света. Он провалился в темноту, и только метрах в ста что-то засияло в луче.

— Оттуда мы и свалились, — мрачно сказал Дорохов.

Теперь я окончательно понял, что с нами случилось. Нас подстерег коварный подземный зверь, имя которому пустота. Савостьянов хотел сэкономить время и не сделал остановки, необходимой для предварительной разведки «местности». Когда нос корабля уже вошел в пустоту, Савостьянов попытался дать задний ход, но водители не смогли вогнать «дракон» обратно. Поболтавшись, он упал. Конечно, падение было мягче. Скорее, оно напоминало приземление ракеты. Но избежать толчка не удалось.

Стоя у порога корабля, я попытался на глаз определить размер ловушки, в которой мы очутились. Получилось метров сто двадцать в длину и с полсотни в высоту. Дорохов проворно лазил среди сталагмитов, обстукивая их молотком с длинной ручкой. Щель, что разверзлась у порога «дракона», он перепрыгнул, как будто это была канавка. Я помедлил и прыгнул тоже.

¹ Начало см. в № 8.

Но я, видимо, слишком боялся и прыгнул неудачно. Одна нога сорвалась, и пришлось подтягиваться на руках, уперев другую ногу в какой-то выступ. Дорохов, на счастье, ничего не заметил. А я подумал, что мог разбить колено и оказаться первым человеком, которому потребовалась бы медицинская помощь. Хорошенькое начало для дежурного врача, выехавшего в первый раз на место происшествия.

Теперь я мог оглядеться уже по-настоящему. Попробуйте представить себе колонный зал, построенный для сказочных концертов. В одном конце сросшиеся сталактиты и сталагмиты образовали нечто похожее на большой орган. Колонны, расширяющиеся кверху и книзу, разбросаны в беспорядке, а в центре свисает огромная люстра. Она сверкает отраженным светом от нашего прожектора. Преобладающие тона в расцветке зала — желтые, розоватые, лиловые.

Я споткнулся о какой-то обломок сиреневого цвета. Что-то хрустнуло под каблуком. По спине у меня пробежал холодок восторга: ведь я первый человек, оставивший след в запертном на двадцать пять замков царстве природы! Один из первооткрывателей, прикасающихся к кладам, укрытым целым материком.

Не знаю, холодно или тепло было в пещере, сыро или сухо, — комбинезоны подземников снабжены устройством искусственного климата, как у всех, кто работает в Антарктиде. Мы вышли из дракона с пристегнутыми герметическими шлемами.

Может быть, здесь сохранились кости былых обитателей пещеры? Вдруг она имела когда-нибудь выход на поверхность? Ведь не всегда же Антарктида была покрыта ледяной шапкой.

Я подошел к Дорохову (он все еще не обращал на меня никакого внимания). Он смотрел

на тройной циферблат крошечного прибора, который установил, как на столике, на срезе сталагмита. Лицо его выражало крайнюю степень озабоченности.

Наконец он оторвал взгляд от стрелок и увидел меня.

— Принесите бур,— сказал он. А сам пошел дальше, окидывая колонны взглядом лесника, выбирающего дерево нужной ему породы.

Я направился к «дракону». На этот раз совершенно свободно преодолел щель, которая и на самом деле оказалась совсем неширокой.

Люки «дракона», прикрывающие сложные машины, были распахнуты. Савостьянов шурувал в одном из люков, высовываясь по пояс. Лансере подавал ему инструменты. Савостьянов решил использовать остановку для осмотра и отлаживания «дракона».

На вопрос о буре он только двинул подбородком в сторону ярко-красного футляра с ручкой. Бур лежал, уже приготовленный, на полу.

Лансере бросил на меня вопросительный взгляд. Я пожал плечами и потащил бур к Дорохову.

Начальник спасательной службы вынул из футляра треногу и привинтил что-то вроде миниатюрной кинокамеры. Затем достал кассету с уложенным внутри тонким блестящим кабелем. Зарядив аппарат, он взялся за рукоятку, напоминающую румпель лодочного мотора, повернул камеру стволом к стене пещеры и нажал гашетку.

Из ствола вылетел маленький снаряд и вы-

тянул за собой длинный сверкающий хвост. Снаряд легко пробил колонну, встретившуюся на пути, и вонзился в стену. Тонкий трос тянулся за ним, сверкая даже в полумраке и, как мне показалось, вибрируя.

Дорохов стоял, положив пальцы на маленький пульт. В окошке аппарата двигались светящиеся стрелки, а в центре, в кружке, выскакивали цифры, как на счетчике. Видимо, происходило что-то более сложное, чем простое механическое зондирование.

Минут пять напряженной тишины. Я поймал себя на том, что осторожно дышу. Вдруг цифры стали выскакивать еще быстрее. На лице Дорохова появилось выражение мрачного удовлетворения.

Он переключил аппарат, и трос потянул игрушку назад. На ладонь Дорохова легла гладко отполированная крупнокалиберная пуля с очень острым концом. Он вставил «пулю» снова в ствол.

Еще два «выстрела» в стены пещеры, затем Дорохов повернул камеру и запустил снаряд вниз. Я с особым интересом следил за этой частью операции. В конце концов главное — что нас ждет впереди, а не с флангов.

Минут через семь трос стал быстро сматываться. Пустота! Но Дорохов не останавливал аппарат. Пройдя полость, «пуля» вонзилась в пол нижнего этажа подземелья. Скоро цифры снова точно взбесились. Картина повторилась еще несколько раз. Словом, через час выяснилось, что мы находимся в каком-то лабиринте подземных пустот.

К этому времени я облазил всю пещеру и обнаружил, что из нее выходит несколько совсем узких ходов и щелей. Никаких костей пещерной гиены или пещерного медведя я не нашел.

Мы вернулись к «дракону». Лансере сидел на пороге, как на крыльечке.

— Подышать воздухом,— сказал он. Шлем он отстегнул.

Я последовал его примеру.

В пещеру действительно поступал хороший воздух через тоннель, проложенный драконом. Вероятно, воздух гнали к нам сверху сотрудники службы Дорохова. Я почувствовал, что наш корабль тоже как бы огромная пуля, запущенная в земные недра; ее держат за противоположный конец троса там, на «поверхности». Но пуля застряла.

Мы провели совещание здесь же, у порога «дракона». Собственно, совещались Дорохов с Савостьяновым, а мы с Лансере главным образом слушали.

— Карст,— сказал Дорохов.— Надо было обходить. Теперь мы потеряем гораздо больше времени.

Савостьянов задумался, потом попросил у Дорохова все данные. Дорохов показал диаграмму, вычерченную аппаратом бура.

Чем больше Савостьянов смотрел на ленту и чем красочнее комментировал ее Дорохов, тем заметнее прояснялось лицо начальника экспедиции.

— А ниже? — спросил он.

— Снова карст,— ответил Дорохов.— Еще метров триста с прослойками.

— Отлично! — воскликнул Савостьянов.— Через пять минут отправляемся.

— Будем обходить? — спросил я.

— Нет. Сейчас это просто глупо. Пойдем прямо вниз.

— В карст?

Я выразался уже почти профессионально.

— Именно. Лучшего и не придумаешь. Мы наверстаем опоздание и даже выиграем время. Лошадка выдержит,— уверенно сказал он в ответ на вопросительный взгляд Дорохова.— Она крепче, чем мы думали. Теперь мы не свалимся нечаянно в какую-нибудь пещеру. У нас точнейшая карта. Редкий случай, когда под землей имеешь доскональную картину пути на несколько сот метров вперед. Не использовать такую благодатную обстановку — верх легкомыслия.

И мы отправились в «благодатный» путь. Правда, нам с Лансере предоставили еще одну возможность.

— Я должен задать вопрос,— сказал Савостьянов извиняющимся тоном.— Словом, вы можете быть доставлены на поверхность.

— Покинуть корабль? Чем мы это заслужили? — прозвучал дуэт возмущенных голосов.

— Инструкция,— сказал Савостьянов, пожав плечами, и покосился на Дорохова.

— Больше такой возможности может не оказаться,— любезно сообщил тот. Я постарался улыбнуться в ответ.

Мы сидели в раскачивающихся креслах, а «дракон» то сравнительно медленно опускался, прогрызая пол-потолок очередной полости, то устремлялся вниз, словно его пришпоривали. Но он падал более мягко, чем первый раз, и не терял вертикального положения. Во время такого воздушного спуска корпус отчаянно вибрировал. Наши кресла не успевали успокоиться, как «дракон» уже вонзался в очередную преграду, разделяющую подземные пустоты. В общем, мы путешествовали как бы внутри головки сыра,— да простится мне столь непрофессиональное сравнение. При всей экзотичности подобного путешествия я почувствовал себя легче, когда дырки в сыре кончились и наш «дракон» привычно стал пробивать путь в нормальных твердых пластах.

Но я рано обрадовался. Не знаю, что за просчет получился у командира корабля и штурмана, но мы каким-то образом влезли в новую ловушку — непредвиденную вертикальную карстовую воронку, которая проглотила нас, словно лягушка муху. Очевидно, Дорохов запустил свою «пулю» не совсем по оси движения дракона. Мы неслись вниз, стукаясь о стенки воронки то одним, то другим железным боком. Кресла раскачивались невпопад, и мы тряслись, как листья на дереве в сильный ветер. Казалось, воронке не будет конца: мы летели в дикую проласть. Только самообладание Савостьянова и уже накопленный им опыт управления кораблем в сложной и меняющейся обстановке карста позволили ему удерживать «дракона» в более или менее ровном положении.

Наконец нас заклинило в сужении. Савостьянов осторожно выключил мотор. Мы сидели крепко.

Савостьянов вытер пот со лба. Я заметил, что у него чуть дрожат руки.

— Остановка,— сказал он.— Пять минут.

Он посидел еще с минуту, отдыхая или приходя в себя. Дорохов тем временем откидывал одну за другой крышки люков и, запустив руку по плечо, шарил внутри. Один раз он тихо выругался и попросил подать ему ящик с инстру-

ментом. Я подтащил коробку с набором блестящих шуток с черными ручками, напомнившую мне готовальню, которую я видел один раз в музее, только больших размеров. Савостьянов слез с кресла и тоже приступил к исследованию внутренних частей нашего «дракона». Что-то пришлось подкручивать, а какую-то «планетку» — октаэдр с выростами разной длины, в мелких дырках, совсем непохожий на планету,— даже сменить. Мы с Лансере помогали как могли.

Провозились целых десять минут, а когда снова уселись в креслах, обнаружили, что Богачев исчез с экрана и вообще не фиксировался никаким прибором.

Эта новость ошеломила нас.

— Связь. Или с лодкой Богачева что-нибудь,— высказал предположение Дорохов.

Я уже знал, что связь поддерживается с помощью тончайшего волосного кабеля неимоверной прочности. Раздавить его невозможно — волосок упрется в мельчайшей складке и «отсидится» там от сил давления. Случас обрыва, как утверждал Савостьянов, до сих пор не наблюдалось. Значит... раздавило лодку?

— Это я во всем виноват,— сказал вдруг громко Лансере. Он сидел, уткнув лицо в ладони. Сейчас он разнял руки и смотрел прямо перед собой.

Дорохов взглянул на Савостьянова.

— Ни в чем вы не виноваты,— произнес тот твердо.— Не выдумывайте.

— Если бы не я,— торопливо заговорил Лансере,— вы давно вытащили бы его на поверхность. Мое вмешательство тем более несурезно, что он все равно не выдержал.

— О том, выдержит он или не выдержит,— возразил Савостьянов,— никто не мог знать заранее. Нельзя знать счет очков, прежде чем закончится матч. И раньше, чем истечет контрольный срок, хватать человека вообще не к чему. За ручку водить взрослого — не лучший способ помогать ему. Успокойтесь. Никто не знал, что Богачев нарочно вывел из строя связь. Кому такая глупость могла прийти на ум? Выкиньте из головы ваши самообвинения.

— Многовато психологии,— мрачно пробормотал Дорохов.— Если бы рассуждениями можно было вытащить Богачева, мы давно сидели бы на поверхности и пили кофе.

— А мы найдем его именно рассуждениями,— весело сказал Савостьянов.— Знаете, я верю в вашу лошадку.

— Отпустить поводья — и она сама найдет Богачева? — довольно неуклюже пошутил я.

Но Савостьянов, видимо, оценил само мое желание шутить.

— Вешать голову нечего, вы правы. Богачева мы найдем.

— Слепую? — прошептал Лансере.

— По координатам.

Дорохов уже вытягивал из щели ленту с записями нашего пути и маршрута Богачева.

— По координатам последней точки его местонахождения.

— А если он уйдет за то время, пока мы будем пробиваться? Если лодка еще движется?

— Неважно. Мы выйдем на его след. Нам только найти ход, который он оставляет после себя.

Рассуждения — великое дело, если они построены по строгой системе. Вся геометрия состоит из логических умозаключений, Савостьянов

и Дорохов довольно долго настраивали приборы, нацеливая корабль на теоретическую точку встречи. Полдюжине автоматов они поручили следить за курсом и компенсировать малейшие отклонения от него специальными маневрами: под землей выдерживать курс труднее, чем в воздухе или в море. Одна из машин только тем и занималась, что непрерывно считала ошибки и делала назидательные выводы. Когда всю механику запустили, Савостьянов взялся за рычаг управления.

«Какое еще приключение ждет нас?» — невольно подумал я.

Мы находились примерно в километре от Богачева — по расчетам машин, которые вели к цели, когда на нас навалилась новая и неведомая опасность.

Сначала я услышал снаружи «дракона» какой-то шум. Казалось, порода пришла в движение и глыбы разной плотности скребились друг о друга. Затем послышалось взвизгивание. Я взглянул на товарищей, чтобы убедиться, что не страдаю слуховыми галлюцинациями. Савостьянов и Дорохов слушали с напряженными лицами. Лансере вертел головой, пытаясь установить источник звука.

Савостьянов выключил двигатели. В наступившей тишине явственно послышались шмыгающие звуки. Как будто бронтозавр бродил под землей, как хозяин по своим владениям. Сейчас он обнаружит «дракона» и схватит его мощными челюстями. Мои нервы напряглись до предела.

Вдруг прямо за своей спиной я услышал скрежещущий звук. Не боюсь сознаться, мурашки пробежали у меня по телу. Так и есть! Зубы бронтозавра соскользнули со стальной оболочки «дракона». Но в следующее мгновение неведомое чудовище снова сделало попытку вцепиться в наш корабль.

Дорохов схватил молоток на длинной рукоятке и принялся стучать изо всей силы по корпусу в том месте, откуда совершилось нападение. Грохот поднялся в кабине ужасающий.

Потом он перестал стучать. Ему удалось отпугнуть чудовище. Снаружи наступила тишина.

В тишине отчетливо прозвучали ровные удары.

— Богачев, — сказал Дорохов, откидываясь в кресле.

Мы переглянулись с Лансере. Не знаю, что почудилось ему, но вид у нас обоих был довольно дурацкий.

Прослушав внимательно сигналы Богачева, Дорохов застучал молотком в ответ. Переговоры по азбуке Морзе продолжались довольно долго. Чем больше выстукивал свои сообщения богачев, тем озабоченнее становились лица Савостьянова и Дорохова.

Богачев еще продолжал стучать, и Савостьянов внимательно слушал его, а Дорохов, сунув молоток соседу, схватил трубку глубинного телефона.

То, что он стал выкрикивать в трубку, удивило меня.

— Забетонировать все подходы к камере № 4, откуда мы вышли. Наглухо.

Савостьянов замотал головой; Дорохов мешал ему слушать. Тот закрыл раструбом трубки и стал говорить тихо. По тому, как энергично двигались у него брови, я понял, что он отдает распоряжение за распоряжением.

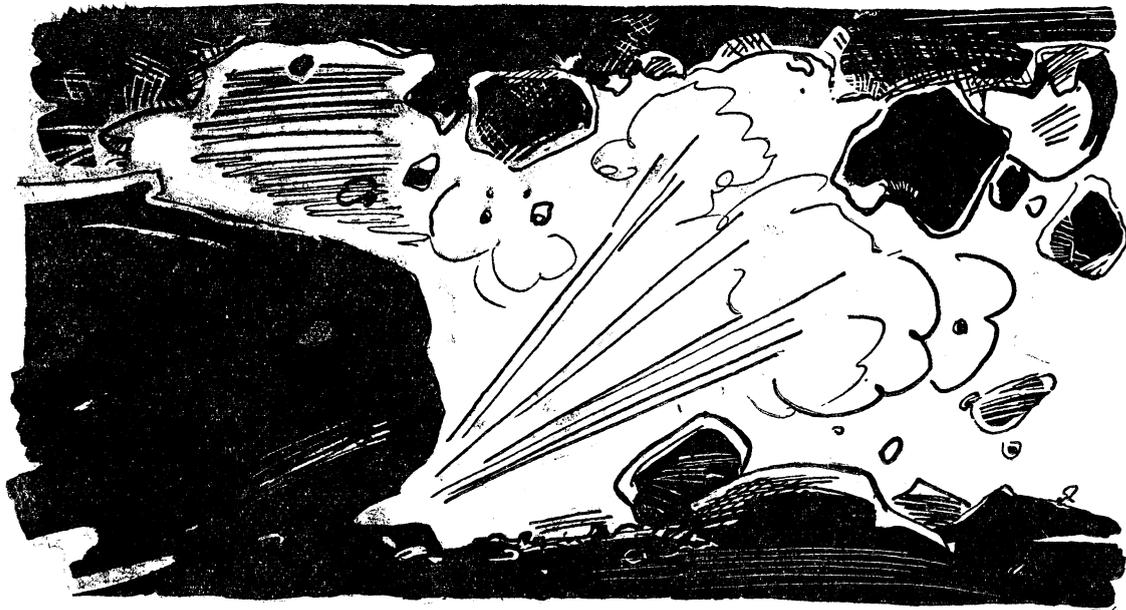
— Все, — сказал он наконец, отдуваясь и кладя трубку на место.

— Следуйте за мной, — произнес вслух Савостьянов, выстукивая сигнал.

Он взялся за рычаг. Двигатели взвыли — видно, Савостьянов включил форсаж. Наш корабль сдвинулся, в иллюминаторе поползла полосатая порода; нос «дракона» стал задираться, и довольно скоро кабина приняла горизонтальное положение.

На нас командиры не обращали никакого внимания. Я спросил Лансере, что, по его мнению, означают эти действия. Он пожал плечами.

Савостьянов и Дорохов продолжали хлопотать у приборов управления.

— Метров двадцать — и делаем остановку, — громко сказал Савостьянов.

— Я займусь сварочным агрегатом, — откликнулся Дорохов.

Он отстегнул одну из дверей рядом с экраном и стал вытягивать что-то вроде пожарного шланга с брандспойтом.

Он передал брандспойт мне, и я, не дожидаясь указаний, стал подтягивать кишку к тамбуру. Между нами уже образовалось своего рода распределение обязанностей. Я выполнял функции второго номера при Дорохове, а Лансере помогал Савостьянову. Операции, которыми занимался Дорохов, были обычно связаны с выходом наружу. Я не ошибся и на этот раз.

— Проверьте очки в шлеме, — сказал Дорохов.

— Что случилось? — спросил я.

Тут только руководители операции сообразили, что мы ничего не знаем. До сих пор они имели дело с людьми, которым не надо ничего разъяснять.

— Богачев наткнулся на термальные воды, — сказал Савостьянов. — Ну, подземное озеро или море. Кипяток под давлением. Чуть было не ухнул в кастрюлю.

Я подумал, как мы могли бы «ухнуть» в гигантскую подземную кастрюлю и очутиться там на положении рака, которого готовят к обеду. Системы охлаждения вдруг показались ненадежными.

— Богачев пошел наверх, чтобы предупредить, — пояснил Дорохов. — Поэтому он и очутился тут. Мы считали, что идем вдогон, а на самом деле двигались навстречу... Прослойка породы, которая отделяла его от моря, очень ненадежна. Прорыв может совершиться в любую минуту. Представляете?

Я попробовал представить. Горячая вода под напором устремляется вверх — сначала по ходу, проложенному лодкой Богачева, когда он шел нам навстречу, а потом по великолепному тоннелю, который оставался позади «дракона». Но

почему мы сами не воспользовались этим вертикальным стволом, чтобы быстро подняться наверх?

— Почему же мы уходили вбок? — спросил я.

— По стволу быстро не подняться, — сказал Дорохов. Пещеры задержат нас. Бетонированный ствол там прерывается. «Дракону» придется прыгать, чтобы попасть в отверстие. Или въедаться в породу, что отнимет еще больше времени. Нельзя держать верхний конец ствола открытым. Его нужно замуровать немедленно.

— Мы не знаем, сколько тут воды, — добавил Савостьянов. — Может быть, Богачеву встретился язык большого моря. Такого зверя выпустить на поверхность очень опасно. Недаром же зона считалась запретной.

Значит, для спасения рудника и людей там, на поверхности, мы уходим в сторону, — сообразил я. — Вода промчится мимо нас со скоростью курьерского поезда, упрется в бетонную преграду, которую сооружают сейчас помощники Дорохова, а затем устремится в боковой ход — за нами! Куда же ей еще деваться.

Мы должны соорудить свою преграду. Там, наверху, — моментально схватывающийся бетон, здесь — сварка: вырвавшегося на свободу зверя требуется быстро заковать в кандалы. Да, этот зверь поопаснее того чудовища, которое померещилось мне, когда Богачев встретился с нами.

Я не представлял, под каким напором находится вода в подземных морях, но знал, что горняки струей воды режут даже гранит.

— Откуда тут, — пробормотал я, — горячая вода? В Антарктиде...

— Лед — отличный тепловой изолятор, — пояснил Дорохов. — Под ледяными шапками земное тепло сохраняется лучше. А если источник тепла вулканического происхождения, тогда можно ждать чего угодно — перегретый пар, температуру воды выше ста градусов, давление как в настоящем котле...

— А здесь есть и вулканы?

— Тут зарегистрированы не были. В Антарктиде вулканы встречаются по окраинам материка.

— Но о море должны были знать.

— Не все еще изучено так досконально,— сказал Савостьянов,— я же вам говорил. Язык мог протянуться издалека, мог затаиться и ждать своего часа. Зона подлежала спокойному методическому изучению. Богачев полез туда дуриком.

— А может быть, и не дуриком,— сказал Лансере.— Он ведь геотермик.

— Не по правилам,— буркнул Дорохов.— Что сейчас об этом разговаривать!

Наступила пауза.

— Выходит, он выдержал испытание? — Я даже подпрыгнул. Простая мысль только сейчас пришла мне в голову.

— Неизвестно,— пожал плечами Савостьянов.— Он повернул, увидев перед собой опасность.

— И желая предупредить о ней,— вставил Лансере.

— Психологией займемся потом,— взмолился Дорохов.

— Эта психология спасает сейчас рудник, а может быть, спасла и нас,— заметил Лансере.

На лице Дорохова появилось выражение, которое можно было понять только так: если мы сами не будем действовать как надо, ничто нас не спасет.

А я подумал, как перевернулись представления о том, кто кого спасает, за время, что мы находимся под землей. Мы отправились вызволять из беды Богачева, а пока что он выручил нас.

Впрочем, выручил ли? Вода может ворваться в наш короткий боковой ход в любую минуту и, приперев к стенке, не спеша доводить пятерых обитателей подземходов до состояния в меру приготовленного заячьего рагу. Как это лишится в заметках по кулинарии, «в собственном соку». Тепловая изоляция «дракона» — великое дело, но...

— Стоп,— сказал Дорохов. Мне показались, что мы метра два «не доехали» до намеченной точки. Неужели у Дорохова тоже есть червы? Я кинулся к тамбуру и принялся откручивать затворные маховики.

6.

Едва я двинулся в тамбур, как услышал за спиной дыхание Дорохова.

— Шлем,— сказал он.

Второпях я позабыл застегнуть шлем.

Разошлись сегменты выходной двери, и я первый вышел наружу.

Горизонтальный тоннель с полом, усыпанным щебенкой, напомнил мне обстановку нашего старта. Но там была крепкая порода, чуть ли не гранит, и вообще то были первые метры. А здесь тоннель обвалился в двух местах, в потолке зияли рваные вмятины, а внизу лежали крупные глыбы, вдавившиеся в щебенку. Из боковой стенки торчало что-то толстое и короткое. Я сообразил, что это Богачев в своей подке уходит в сторону, выполняя, очевидно, заранее согласованный маневр.

Держа в руках ствол, я шагал по осыпавшейся под ногами щебенке навстречу глыбам, которые, возможно, собирались свалиться мне

на голову и лишь поджидали, когда я подойду.

Дорохов выдергивал из внутренностей «дракона» ребристый шланг.

Подойдя к глыбам, лежащим на щебенке, я остановился.

— Дальше! — махнул мне рукой Дорохов.

Я полез через препятствие, не выпуская брандспойта. Он представлял собой короткий ствол, широкий в середине и сужающийся к наружному концу. Тыльная часть, соединенная со шлангом, имела форму полушара. К средней части были приделаны две ручки наподобие чешуеобразных.

Я тащил ствол, а Дорохов тянул шланг прибора, устройства которого я еще не понимал.

Когда приблизился ко второй преграде, Дорохов скомандовал:

— Ложись!

Я залег, как лежат обычно солдаты на иллюстрациях в старинных книгах или трудах по военной истории, и даже попытался выставить из-за каменного вала свой брандспойт на манер пулемета. Оказалось, орудие следовало тоже убрать. Дорохов плюхнулся рядом со мной. Я на секунду оглянулся. Прожектор на корме дракона освещал поле действия. Ближе к нам зияло большое отверстие в стенке тоннеля. Богачев успел заползти в нору.

В следующее мгновение я почувствовал себя участником фильма, изображающего боевые действия в прошлом веке. Дорохов отстегнул от пояса что-то вроде консервных банок на коротких палках и швырнул их одну за другой в дальний конец тоннеля. Одна граната разорвалась почти в том месте, где наш горизонтальный ход отходил от вертикального ствола, другая легла поближе. Я хотел посмотреть, куда уходит третья, но Дорохов прижал мою голову к груди щебня, на которой мы лежали.

Я услышал три взрыва, затем грохот явно нового происхождения — огромная глыба упала рядом с моей головой. Щебенка брызнула фонтаном и забарабанила по ногам. Что-то падало еще, подземелье рушилось. Глыба, за которой я спрятался, раскачивалась, скрипя щебенкой. До моего сознания отчетливо дошло, что я не снимаюсь в историческом фильме, а мы на самом деле ведем бой. Отчаянная схватка с водой и землей — сразу!

Дорохов теребил меня за плечо. Я встал на колени, потом поднялся на ноги. Все, что хотело свалиться, свалилось. Одна глыба впереди, острая, похожая на кинжал, нависала с потолка, как знаменитый дамклов меч. Возможно, она раздумывала.

Пыль затягивала картину, как туманом. Тоннель укоротился.

— Связь? — крикнул Дорохов, поворачиваясь к «дракону».

— Действует,— сообщил Лансере, появляясь во входном отверстии.

Действительно, кабель связи обладает феноменальными свойствами! А может быть, Дорохов как-то особенно ловко кидал свои гранаты.

Он взял брандспойт у меня из рук.

— Шланг, — произнес он.

Я подтащил несколько метров шланга и, держа его в руках, стал около Дорохова чуть позади.

Я почувствовал, что шланг в моих руках оживает, приобретает упругость и пытается вырваться.

— Крепче держи! — крикнул Дорохов. — Очки!

Я опустил темные очки.

Дорохов направил ствол вперед, нажал пластину на его корпусе. Тонкий яркий луч вырвался из ствола. Дорохов, как бы пробуя, повел им по куче породы перед нами. Всюду, куда падал луч, порода плавилась и стекала, как размягченное стекло.

Дорохов отрегулировал луч, сделал его толще и поливал огнем завал в тоннеле. Он засаживал пламя в каждую щель и углубление. Порода оседала, сжималась, а Дорохов все палил из своего огнемета. Через полчаса тоннель оказался запаянным так плотно, что ни одна молекула воды не просочилась бы сквозь стенку.

— Здорово! — воскликнул я.

— Не очень здорово, — вздохнул Дорохов. — Надо бы, по крайней мере, три таких баррикады. Связь? — крикнул он, оборачиваясь к «дракону».

— Порядок, — ответил Лансере, дежуривший у входа.

Дорохов впаял кабель в породу так тонко, словно монтировал электронную аппаратуру.

Теперь я, кажется, понял, почему отказала связь с Богачевым. Он так петлял в глубинах, так запутал тонкий кабель, что сам и порвал его, уже нечаянно.

Мы потянули шланг обратно. Лансере помог мне втащить его в корабль.

Дорохов задержался у норы, в которой спрятался Богачев со своей лодкой. Подняв с пола кремнистый камень, он принялся выстукивать Богачеву отчет о проделанной работе и инструкции на дальнейшее. Временами он переставал стучать и выслушивал ответы Богачева. Потом вдруг бросил камень и пустился бегом, скользя по щебенке, к «дракону». Едва он вскочил в тамбур и сегменты входной двери сошлись, как снаружи раздался страшный грохот, а «дракон» как-то коротко запрыгал.

— Ну и отлично, — сказал Дорохов, сбрасывая шлем. — Прочнее будет. Только бы Богачев не потерялся!

— И только бы не сломало вашу стенку, — добавил Савостьянов.

Очевидно, произошел новый обвал в тоннеле.

Мы заняли места в кабине. Но Савостьянов не двинул корабль с места. Мы сидели довольно долго, и я начал уже беспокоиться, не потерялся ли снова Богачев, как толчок с левой стороны известил нас, что он тут. А мог бы и заблудиться. Пройти, как лодка в тумане, в пяти метрах от нас. Он лишился связи с поверхностью, значит, не видел нас на своем экране и не знал точного местоположения «дракона».

Оставалось непонятным, как он разыскал нас, когда шел из глубины навстречу.

Я задал этот вопрос Дорохову.

— Он не шел нам навстречу, — сообщил тот. — Он вообще не знал, что мы под землей и ищем его.

— Почему же он не пошел по своим следам?

— Ход засыпало. Это было последнее, что приборы доложили ему об остановке. Идти по наклонному ходу обратно не имело смысла. Он решил подниматься вертикально.

— Какая удача, что мы столкнулись. Две иголки в стоге сена.

По обыкновению, мое сравнение не встретило большого энтузиазма.

— Удача?! Мы взяли прицел на лодку Богачева в тот момент, когда находились прямо над ней, а она шла вертикально вниз. Богачев, развернув лодку, естественно, воспользовался старым ходом на этом участке пути и поручил автоматам продолжать линию дальше по вертикали. После этого не столкнуться мы уже не могли. Маркшейдерски точная сбойка стволов. Могли бы налететь друг на друга носами. Расчет и отличная конструкция «дракона».

Вот так под землей. Можно разойтись в пяти метрах и разыскать другого в километре, а наоборот, и в десятках километров. Если, конечно, путешествовать в «драконе» и держать в порядке связь.

Во время разговора мы двигались вперед, а Богачев следовал за нами. Скорость «дракона» превышала максимальный ход лодки-одиночки раза в два. Но Богачев шел в кильватере, фактически по готовому тоннелю, отбрасывая уже размельченную породу, и на горизонтальном участке отстать не мог. Плохо, что, находясь вплотную друг возле друга, мы не могли поддерживать телефонную связь.

То Савостьянов, то Дорохов вдруг прекращали разговор и начинали прислушиваться. Тогда замолкали и остальные. В тишине слышался только слабый шелест размалываемой породы.

— А за счет чего мы идем? — шепнул я Лансере после одной такой паузы. — Ведь воздух с поверхности не поступает.

— Реактивные двигатели отбрасывают пыль, — сообщил Лансере. — Из перемалываемой породы.

— Бедняга Богачев!

— Это вы про пыль? — удивился Лансере. — Не все ли равно лодке — идти сплошь в земле или в облаке пыли. Сквозь пыль легче.

Мы болтали о чем угодно, лишь бы заполнить минуты ожидания.

— А что, если вода пойдет в обход той стенки, что мы соорудили в тоннеле? Ведь там все обрушилось и, возможно, для воды открылись новые проходы? — спросил я и прикусил язык. Касаться этой темы, вероятно, не следовало. До этого мы с Лансере нарочно уведили свой разговор подальше от того пунктика, вокруг которого все время вертелись наши мысли.

Но Савостьянов с Дороховым находили естественным вести разговор о главном предмете. Они мыслили как специалисты, ищущие решение задачи.

— Вполне возможный вариант, — кивнул Савостьянов, словно я был студент, давший хороший ответ. — Все зависит от давления, под которым находится вода.

— Оно ослабнет, пока она заполнит пещеры и доберется доверху, — высказал я предположение. Мои познания в этой области не выходили за пределы представлений о кровяном давлении внутри человеческого организма.

— Все зависит от того, сколько там воды. Бочка или океан, — откликнулся Дорохов.

— Многовато неизвестных, — вздохнул Лансере. — Я думал, только ветер ставит так много загадок.

Савостьянов сдвинул брови. Все замолкло.

— Я думаю делать разворот.

Дорохов кивнул.

Кресла стали смещаться. Но теперь перед-

ний экран уходил не под ноги, а принялся за-
бираться ввысь. Когда кабина приняла наклон-
ное положение, Савостьянов остановил «дракон».

Дорохов только кивнул мне. Я соскочил с
кресла и направился к выходу.

— Самый рискованный момент,— сказал мне
Дорохов в тамбуре.— Выходим внутрь планеты,
а можем очутиться в кипятке.

Я понял это как предупреждение, что зевать
нельзя.

7.

Дорохов включил прожектор. Свет уперся
в поворот тоннеля. Гладкие сверкающие стены
создавали впечатление надежного сооружения,
только что покинутого строителями. На самом
деле они могут оказаться не прочнее раскра-
шенных холстин—простая декорация, которую
ничего не стоит сдернуть стихийной силе при-
роды. Дорохов вытащил из нижней части «дра-
кона» толстую, гибкую, хитро переплетенную и,
видно, тяжелую цепь; он согнулся под ее тя-
жестью. Я кинулся помогать.

Мы протащили цепь по коридору, сначала
под гору, потом вошли в горизонтальную часть.
Тут мы уперлись в лодку Богачева.

Ее тупой, округлый нос рассекали спираль-
ные борозды и гребни. Из последних сил мы
подтянули цепь к крюку, который высунулся нам
навстречу. Дорохов накинуд замок, которым
оканчивалась цепь, на крюк и защелкнул. Крюк
втянулся внутрь лодки, и цепь вошла во что-то
вроде клюза.

Не тратя ни слова, Дорохов повернулся и
толкнул меня к «дракону». Мы побежали. Сзади
слышался свист. Струи пара пробивались между
металлом лодки Богачева и стенками тоннеля.
Опять эти гладкие стены играют с нами дурную
шутку. Уж лучше бы стены плотно обжимали
корпус лодки и та выполнила бы хоть ненадолго
роль пробки.

Я раза два оглянулся. Сначала вокруг носа
лодки образовалось кольцо из пара. Потом пар
хлынул на нас, как из толстой трубы. Очки за-
потели, я ничего не видел и с размаху шлепнул-
ся на полуоплавленную щебенку. Я даже не по-
нимал, куда ползти. Крепкая рука схватила ме-
ня за шиворот (я понял, почему в комбинезо-
нах подземников устраивают стеганные ворот-
ники и широкие пояса с петлями), и, подчиня-
ясь ее нажиму, я как в кошмаре двигался на
коленях, все время ожидая, что стукнусь голо-
вой о «дракона».

Туман стал светлеть, хотя оставался не-
проницаемым. Дорохов продолжал подталкивать
меня вперед, а сам двигался рядом, так что я
все время чувствовал его бок.

Мы не задохнулись в густом пару только по-
тому, что в шлемах дышали кислородом из па-
кетов. Как Дорохов нашел в слепящем тумане
заднюю дверь «дракона», для меня до сих пор
загадка.

Уже в кабине, отдышавшись, я спросил, за
каким лешим мы проделывали цирковые трюки.
Не проще было бы пригласить Богачева к нам
в кабину? Уж как-нибудь потеснились бы. Не-
ужели лодка Богачева так ценна, а подземники

столь бережливы, что готовы рисковать ради нее «драконом» и его экипажем!..

Савостьянов никак не реагировал на мою взволнованную речь. Дорохов спокойно произнес:

— Лодка Богачева старой конструкции. Чтобы открыть выходное отверстие, требуется два часа. Если бы сделали такую остановку, Богачева уже не было бы. И кого-то из нас. Потому что она открывается снаружи. Она не может опираться о стенки нашего тоннеля на вертикальном ходу, поэтому «дракон» потащит ее на буксире. Вот и все.

— А «дракон»?..

— «Дракон» выдержит!

— «Дракон» все выдержит,— весело заметил Савостьянов.

Савостьянов включил двигатели. Кабина начала принимать вертикальное положение. Потом остановилась. Очевидно, натянулась цепь. Савостьянов плавно потянул лодку.

«Еще плаванее!»— чуть не крикнул я. Мне очень не хотелось вылезать наружу и чинить оборванную цепь. Савостьянов стронул лодку Богачева с места так, словно она была стеклянная. Затем стал постепенно прибавлять ход. Ему, видимо, тоже не улыбалось повторять номер с цепью.

И вот мы уже сидим как на качелях, «дракон» идет вертикально вверх.

8.

— Обстановка?— спросил Савостьянов.

Дорохов взялся за трубку.

— Задержалась в пещерах... Понятно! А сейчас? Пошла вверх. Забетонировать успели? Отлично!

Мне хотелось зажмурить глаза. Вот-вот вода ударится с разбегу в бетонную преграду, гидравлическая волна пойдет обратно и со всей силой обрушится на нас.

— Будь что будет,— произнес я по возможности спокойным тоном.— Автоматы и двигатели тянут нас вверх. От нас уже ничего не зависит... Не отказался бы от чашечки кофе.

Мне показалось, что мои слова прозвучали достаточно мужественно.

— Насчет кофе— это идея,— усмехнулся Савостьянов.

Дорохов посмотрел на меня свирепо. Может быть, тычит ляссы, говорил его вид, читать книжки или распивать кофе,— ваше дело, а он, Дорохов, сидеть сложа руки не собирается и подставлять голову судьбе— тоже.

— Но что же можно сделать?— воскликнул я, настолько красноречив был взгляд Дорохова.

— Снизить давление,— ответил Савостьянов.— Вода под напором— разрушительный смерч. Без напора— это просто вода. Значит, сначала надо убрать ее механическую силу. Хватит хлопот с обыкновенной горячей водой.

— Распоряжение отдано,— лаконично доложил Дорохов. Увидя мое недоумевающее лицо, добавил:— Ее выпускают наружу. Через вентиляционную шахту. Бетонные стены защитят рудник.

Значит, гидравлического удара не будет. Вода пойдет вверх через трехкилометровую толщу льда и забьет горячим фонтаном в морозном воздухе Антарктиды.

А к нам она будет просачиваться по тем порам в земле, что мы оставляем позади.

— Дошла!— воскликнул Дорохов, продолжавший держать трубку.— Самое время поговорить с Богачевым,— сказал Савостьянов.

— Когда разбивают аппаратуру,— проворчал Дорохов,— на связь рассчитывать трудно.

Он повесил трубку и вдруг поехал в кресле вверх. Очутившись под самым экраном, принялся вертеть рукоятки настройки. По темному экрану проносились голубые искры. Не знаю почему, мне всегда становится грустно, когда телеэкран начинает капризничать, а потом с треском гаснет. Как будто обрывается какая-то нить жизни— из тех, что связывают тебя с другими людьми. Под землей же мертвый экран производит просто удручающее впечатление. Дорохов продолжал настройку, кряхтя на всю кабину. Экран засветился, когда мы уже не ждали.

Дорохов отъехал в кресле вниз, а мы, подняв головы, увидели Богачева, вернее две половинки его лица. Губы и подбородок находились в верхней части экрана, а лоб и глаза— в нижней.

— Больше мудрить не буду,— махнул рукой Дорохов.— А то пропадет и это.

Рот Богачева, отделенный от глаз, шевелился, но мы ничего не слышали.

Савостьянов взглянул на Дорохова. Тот пожал плечами.

— Будем объясняться знаками?

Я было уже подумал, что подземников обучают на всякий случай и азбуке глухонемых, но по тому, как неуклюже Савостьянов тыкал себя в ухо, а затем поднимал четыре пальца, понял, что никакой специальной системы в его сигналах не было.

Савостьянов повторил свой маневр трижды. Рот Богачева перестал шевелиться, а в глазах у нижней кромки экрана возник вопрос. Тогда к Савостьянову присоединился Дорохов. Они начали немое кино сызнава: пока Савостьянов жестикулировал на свой лад, Дорохов, вытянув руку вперед, делал вид, что крутит что-то.

Тут на экране появилась рука Богачева и хлопнула ее владельца по лбу. Обе половинки лица Богачева исчезли. Зато с пустого экрана донеслось:

— Вот, окаянная, как ее заело!

Вслед затем рассеченный на половинки Богачев вновь появился на экране.

— Четвертая ручка справа,— сказал он.— А я крутил левую. У вас на экране перепутаны руки.

— Хорошо, если только руки,— возразил Дорохов.— И если только на экране. Вы там что-нибудь оставили в целости из аппаратуры?

— Я ничего не трогал. Только два раза ударил по ящику с надписью «поверхность». После этого зажглось с полдюжины красных лампочек, и это меня удовлетворило.

Я вглядывался в Богачева, стараясь уловить выражение его лица. В глазах— серьезность, рот кривится в саркастической, как мне показалось, усмешке. Соединить половинки вместе, чтобы получить лицо и прочесть, что на нем написано, я не смог.

Дорохова психологическое состояние обитателя подземной лодки сейчас интересовало мало.

— Ставьте мину,— потребовал он.— Упреждение— двадцать минут.

— Готово,— ответил Богачев.

Смысл действий стал мне понятен без комментариев. Савостьянов и Дорохов решили подорвать мину позади нашего поезда, чтобы обрушить стенки подземного хода. Мина с присосами. Она не полетит на дно колодца, а будет торчать в том месте, где ее выпустили. Это я понял по реплике Савостьянова. Я смотрел в его спину: скорее же, скорее! Но он не торопился. Если форсировать моторы, они скорее выйдут из строя. Мы отползали от заложенного Богачевым фугаса так медленно, что мне казалось «дракон» стоит на месте.

— Неужели нельзя было взять упреждение побольше? — вырвалось у меня.

Лансере сидел съежившись, словно ожидал удара.

Савостьянов не спускал глаз с приборной доски, но не прикасался к рычагам управления. Он не хотел менять режим работы двигателей в течение этих двадцати минут.

Я уже думал, вдруг попадет порода неожиданно твердая и задержит нас? Или, наоборот, мы влезем в трещину, которая посыплется от толчка, увлекая «дракон».

— Вода, — сказал Дорохов, — не будет ждать, пока мы отъедем на километр.

Я оценил его невозмутимость. Его мощная спина, округлые плечи, крепкая шея, держащая голову на чугунное ядро голову, действовали успокаивающе. Что-то очень надежное чувствовалось в облике начальника спасательной службы. Дорохов на борту представлялся мне чем-то вроде огнетушителя в своем гнезде. Недаром он отправился в поездку «не по правилам», когда увидел, что запретить ее не может.

— Девятнадцать, — сказал Лансере.

Нас тряхнуло основательно. Мать-сыра земля подержала нас в своих объятиях, чуть сжала, потом выпустила. Взрывная волна пошла и по воздуху, но ее приняла на себя лодка Богачева. Она поднялась вверх, как поршень в цилиндре, и нагнала нас метров на пять. Цепь, к моему великому удовольствию, уцелела.

— В следующий раз можно дать выдержку и побольше, — заметил Савостьянов. Он наводил порядок в приборах, стрелки которых заметались слишком нервно.

— Мина ничего себе, — сказал Лансере. — Хорошо, что Богачев не выпустил ее раньше. Когда бродил около подземного моря.

Порода обрушилась в колодец, вероятно, до того места, где мы делали поворот. Сейчас мы будем подсыпать щебенку, которую изготавливает «дракон» и передает дальше своими вращающимися спиралями подземход Богачева. А потом взорвем новую мину. Мы придавим рыхлую массу тяжелыми глыбами, закроем ход пластинами породы. Маленькое локальное землетрясение. Безопасное для «поверхности».

— На «драконе» таких игрушек нет, — сказал Дорохов. — Раньше взрывы применялись, если лодка попадала в ловушку.

— Не помню, чтобы мины применяли хоть раз, — рассмеялся Савостьянов. — Просто старались обезопасить подземных пешеходов.

— Как бы нам не пришлось стать мореплавателями, — заметил я.

— Похоже на это, — согласился Дорохов. — Если взрывы не помогут, будем плыть в воде.

Я заметил, что кресла сдвинулись и висели теперь не вертикально.

— Меняем курс? — осведомился я.

— Вы хотите попасть в пещеры с водой? — спросил Дорохов.

— Нет уж. Убегать от воды, которая гонится за нами по пятам, чтобы влезть головой в ту же воду.

— Тогда надо обходить карст.

— Залезли под землю и очутились в окружении воды, — с легким удивлением произнес Лансере. — Никогда не думал, что под землей так меняется обстановка.

— Это вам не ветры, — рассмеялся Савостьянов. — Дуют и дуют.

— И никакой психологии, — добавил с мрачным юмором Дорохов.

Все вспомнили о Богачеве.

— Богачев, — сказал Савостьянов. — Приготовьте вторую.

— Выдержка тридцать, — добавил Дорохов. — Что будем делать эти тридцать минут? — спросил Лансере. — Просто ждать или...

— Выясним один мелкий вопрос, — ответил Савостьянов.

— Это я и хотел предложить, — сказал Лансере.

Все поняли друг друга, но никто не знал, как приступить к делу.

— Если вы обо мне, — вмешался Богачев (его губы шевелились у верхней кромки экрана), — то я облегчу вашу задачу. Я сделал глупость. Глупейшее из того, что можно придумать. Половинки его лица заметались на экране.

— Это мы знаем, — мягко сказал Савостьянов.

Дорохов буркнул что-то под нос. «Еще бы», — говорил его вид.

— Дело в том...

— Мы знаем. Ваш друг рассказал нам. — Савостьянов кивнул в сторону Лансере, и Богачев вдруг расплылся обеими половинками лица. Видимо, он только сейчас узнал своего товарища — экран в его лодке, вероятно, пошаливал, а может быть, он тоже видел нас по частям. — Как вы обнаружили море?

— Наружные приборы показали повышенную влажность. У меня, естественно, возникло предположение о подземных водах, и я решил проверить его. И приближался к району Икс до того момента, когда подозрение превратилось в уверенность.

— И вы повернули обратно?

— Да, в первый момент. Потом передумал. Решил, что нужно попытаться хотя бы грубо оконтурить водный язык или, во всяком случае, определить его мощность. Измерить толщину и ширину хотя бы в одном месте. Для чего же я избрал свою профессию? Я спускался в шахтах и на большие глубины, но так вот, один, сам по себе, путешествовал под землей впервые. Я пошел вдоль поверхности соприкосновения с водным языком, так сказать с наружной стороны. Напор изнутри был так силен, что породы вокруг дрожали. Я как бы прощупывал стенки котла. Дрожь передавалась лодке так, что я ощущал ее без приборов.

— Это и были ваши метания под землей за отметкой два с лишним! — воскликнул я.

— По-вашему — метания, по-нашему — исследование. — Богачев пошарил глазами с экрана, разыскивая человека, подавшего реплику. — Когда мне стало ясно, что язык мощный и подобрался слишком близко к руднику, я повернул круто вверх и пошел прямо по вертикали. Ведь

я не знал обстановки на руднике: может быть, в этот момент бурят скважину или исследователи целым флотом идут в глубину. Уж коли я оказался разведчиком, я должен был доложить имеющиеся у меня сведения. Вот и все.

Снова наступила пауза.

— Скажите, — не удержался я, — а на какой глубине вы заметили первые признаки подземной реки или озера?

— 2150 метров. Но там было какое-то вертикальное ответвление. Настоящий залив расположен ниже — 2300—2400 метров.

— И вам не хотелось, — я даже покраснел от волнения; мне очень важным казалось, поскорее выяснить правду в чересчур запутанной истории, — вам не хотелось идти к центру Земли?

— К центру Земли? — Брови Богачева полезли на лоб. — Я вас не понимаю. Я хотел установить размеры языка.

— И больше ни о чем вы не думали?

— Ругал себя за то, что повредил связь. Тут она бы очень пригодилась.

— Значит, испытания не было, — заключил я. — Вопрос остается открытым, — повернулся я к Лансеру. — Он просто не заметил знаменитой роковой ступени, — теперь я обращался к Савостьянову. — Вода захватила его внимание.

Я был рад, что Савостьянов ошибся.

Все сошлось отлично. Богачеву не требуется колоссального мужества, чтобы вынести страшную правду.

Я даже вытер лоб.

— Испытание произошло, — сказал Савостьянов. — Богачев приблизился к подземному морю до черты, которую даже подземные волки считают рискованной, более того — угрожающей. Вы что, не знали, что это опасно?

— Я не думал в тот момент об опасности, — честно признался Богачев. — Мне не терпелось поскорее обмерить хвост водяного чудовища. Это непростительно, но я увлекся.

— И вызвали то самое бедствие, против которого хотели предупредить!

— Я не знал про вас. Вода не могла пойти по старому моему ходу. Его задавило. Это приборы показали мне. Я порвал связь и поэтому не мог иначе предупредить поверхность, как поднимаясь к ней. Тут я встретился с вами.

— И говорите спасибо, — не выдержал Дорохов. — А то варились бы сейчас в кипяточке. В вашей лодке надежное охлаждение действует трое суток.

— Вы сами себе судья, — сказал после молчания Савостьянов. — Но на мой взгляд, если он вас интересует, ваша основная ошибка в том, что свой недостаток вы прятали от всех. Ведь о случаях, которые с вами происходили, знал только ваш друг, но и он считал своим товарищеским долгом помогать вам втайне. Зачем же такие сверхпредосторожности? Мальчишки, которые над вами смеялись, — еще не все человечество. Вы сами вбили себе в голову, что вы неполноценны. Для преодоления боязни высоты существуют простые, но специальные процедуры. Тут дилетантские номера могут только повредить. Правильно я говорю, врач?

— Гипсофобия, или боязнь высоты, — промямлил я, захваченный врасплох, — действительно, поддается излечению. За исключением особых случаев. Бывает и так, что человека тянет в глубину. Наблюдается на глубинных океанских станциях. — Я вспомнил лекции, которые слушал,

когда готовился к работе на дне Марианской впадины. — Встречается у подводников. Вернее, недопустимо для них.

— Вот так, — вздохнул Дорохов. — Начали с психологии, а пришли к медицине.

— И то и другое — науки о человеке, — заметил Лансере. — Я сам только сейчас по-настоящему почувствовал их связь.

— Удивительнее всего, что в психологии и медицине разобрался не врач, а инженер, — сокрушено сказал я.

— Я просто думал о человеке, — сказал Савостьянов. — А мысль о медицине пришла мне в голову потом.

Спрашивается, о ком же думали мы? Но Савостьянов думал как-то иначе, чем мы. Он не колебался ни минуты, решив пойти на необкатанном «драконе». Конечно, современная надежность изготовления машин делает пусковые испытания часто формальными. Он это знал. Но он рискнул уже по-настоящему, беспощадно форсируя моторы, когда счел, что иначе не спасти Богачева!

9.

Неудача произошла с последней миной. Только мы ее заложили, как вдруг «дракон» остановился.

— Наконец-таки что-то произошло с моторами, — произнес Савостьянов.

— Самый подходящий момент, — заметил Дорохов.

— Через полчаса Богачев взлетит на воздух, — сказал я.

Лансере зябко передернул плечами.

— Интересно, кто взлетит на воздух? — глобокомысленно сказал Савостьянов. — Богачев, во всяком случае, не взлетит. Богачев! — повысил он голос. — Слушайте мое приказание. Отцепляйтесь и уходите вбок. Сделайте крутой поворот. Чем круче, тем лучше. А потом — второй поворот. Если что случится с нами, поднимаетесь на поверхность самостоятельно. Действуйте!

Половинки лица Богачева усиленно гримасничали.

Савостьянов махнул рукой.

— Отключаю вас.

Экран померк.

Прошло полминуты.

— Отцепился, — сказал Дорохов, глядевший на приборы.

— За дело! — распорядился Савостьянов. — Мы займемся моторами. Вы...

Дорохов кивнул.

Я стал отстегивать захваты. Дорохов, даже не взглянув на меня, полез к тамбуру. Я привычно занял позицию второго номера. Кажется, нам предстоит разминировать богачевский фугас. Простая штука, в сущности, как это мне не пришло сразу в голову. Совсем простая, конечно. Интересно, как и отчего взрываются эти мины? Что они любят, а чего, к примеру, не выносят?

— Мины дотопной конструкции, — словно угадал мою мысль Дорохов. Мы находились у двери тамбура; он не спешил открывать ее. — Однажды включенная, она должна взорваться. Единственный выход — вывинтить взрыватель. Вывинчивание взрывателя конструктивно не предусмотрено. Никаких головок, шлицев и тому подобное. Действовать придется так.

Дорохов вытащил планшетку и принялся рисовать схему мины. Чертил он очень старательно, как будто это имело какое-то значение. Минуты текли...

— Все равно раньше чем через двадцать минут мы не начнем, — заметил Дорохов, увидев, как я ерзаю. — Надо же дать Богачеву уйти. Смотрите внимательно. Вот тут надо зацепить щипцами. Твердой и точной рукой. Это как хирургическая операция. Вам приходилось?

Я кивнул. На особенно большую практику я, конечно, не мог сослаться. В клиниках операции делают машины. Студенты упражняются на муляжах со сложной и чуткой системой сигнализации. Одно неосторожное движение — и на экране во всю стену тебе показывают твою ошибку. Посмотришь, и кажется, что ты промахнулся на целый метр. На практике врач скорой помощи стремится поскорее доставить пострадавшего в операционную, оборудованную по последнему слову техники, или же вызывает передвижную операционную к больному. Под землю операционную не вызовешь. В моей сумке на экстраординарный случай хранился комплект походных инструментов. Конечно, я не думал, что придется пустить его в ход при подобных обстоятельствах. Я вспомнил свои первые неуклюжие операции на муляже. Все-таки раза два я пятерки отхватил! Притом одну — на трепанации черепа.

— Отлично, — сказал я. — По крайней мере, не напрасно в состав экспедиции включили врача.

— Пойду я, — неожиданно возразил Дорохов. — Вы — запасной игрок. Если у меня не получится, вы докончите дело.

Я подумал, что если у него получится неудачно, то не останется и мины. Но, наученный опытом, удержался от того, чтобы сказать это вслух.

— Мои пальцы, — возразил я, — более пригодны для такой работы.

Дорохов посмотрел на свои лапищи, пошевелил пальцами, щелчком которых, наверное, можно убить кролика, и произнес в раздумье:

— Речь идет все-таки не о хирургической операции. Вы знаете расположение тканей человека, а я, как-никак, механик... Но щипчики я у вас все-таки возьму, — добавил он, осматривая мою сумку. Он выбрал раздвижной пинцет с концами, острыми, как у циркуля, и сунул в наружный карман комбинезона, откуда торчала уже масленка.

В тамбуре сказал:

— По сигналу выходите следом за мной. Наушники не отключайте. Моторы нас не спасут, даже если Савостьянов с Лансере их сейчас запустят. Не успеем уйти.

Он достал из бокового шкафчика складную лесенку — тонкие спицы, скрепленные двумя нитями, — и, открыв выходное отверстие, швырнул ее вниз.

— Вам находиться в тамбуре, — сказал он, уже спускаясь. — Наружную дверь закройте. На всякий случай.

Голова его исчезла в люке. Перед тем, как закрыть сегменты затвора, я успел бросить взгляд на колодец и заметил метрах в двенадцати на гладкой стенке прилепившийся сверкающий предмет. «Хорошо хоть, что ее покрасили в заметный цвет», — подумал я. Выше мины в стенке тоннеля темнело большое отверстие. Нора, в которую ушел Богачев, делая повороты, как

червь-древоточец в деревянной балке.

— Спускаюсь, — услышал я в наушниках голос Дорохова. — Слышите меня?

— Слышу, — откликнулся я.

— Одолею полпути... Приблизился к мине... Она на уровне моих глаз... Черт возьми, взрыватель сидит плотно. Словно прирос... Так. Переставляю завод на максимальное — часовое — упреждение. Теперь можно действовать не спеша... Сейчас бы в самую пору завестись моторам.

— Моторы не запустить, — вошел голос Савостьянова. — Мы разобрали пусковое устройство. В лучшем случае нам нужно минут пятнадцать.

— Причину-то нашли?

— Не срабатывает регулировка подачи.

— Подлил масла... Выжидаю... Пробую пальцами. Не за что ухватиться. Скользят... Пускаю в ход щипцы доктора.

Я слышу сопение и тут только соображаю, какой я дурак! Не ознакомил Дорохова с принципом действия раздвижного пинцета. Осел этой!

— Поставьте ножку в шов, в любом месте, где хоть маленькое углубление, — начинаю я запоздалый инструктаж.

— Поставил.

— Поверните верхнее колесико на четверть оборота влево.

— Повернул.

— Ждите, когда вторая ножка займет свое положение.

— Заняла.

— Теперь чуть троньте нижнее колесико.

— И что будет?

— Возникнет легкая вибрация, и захваты пинцета войдут в глубь шва.

— И Дорохов взлетит на воздух, — сообщает Савостьянов. — Взрыватель на вибрацию не рассчитан.

— Действительно вибрирует, — подтверждает Дорохов. — Умная штука. Жаль, что не годится.

— Вы все-таки заключили?! — ужасаюсь я.

— Не на мине, конечно, — гудит Дорохов. — Сначала попробовал так. На стенке тоннеля.

«В остротности Дорохова — спасение, — мелькает мысль. — Я бы уже двадцать раз взлетел на воздух».

— У вас нет чего-нибудь менее опасного? — спрашивает Савостьянов.

— Конечно, найдется! — кричу я.

Дорохов схватил первые попавшиеся «щипцы», — они соблазнили его своими острыми концами. Я не помог ему даже выбрать подходящий инструмент!.. Зато теперь я чувствую себя во всеоружии. Уж, надо думать, вывинтить взрыватель, какой он там ни будь, не труднее, чем произвести трепанацию черепа.

— Ждите! — говорю я в телефон. — Спускаюсь. Есть план!

Я раскрываю сегментный затвор и становлюсь на первую ступеньку лестницы. Проектор бросает свет в колодезь; что-то темнеет внизу. Я вижу на каких-то ниточках, а спица, которую здесь называют ступенькой, прогибается под подошвой, превращаясь в стремя. Я делаю несколько шагов по ступенькам вниз, преодолевая желание закрыть глаза.

— Смелее, — подбадривает меня Дорохов. — Лестница выдержит пятерых.

Я приближаюсь к Дорохову, придерживая сумку. Если она оторвется, с нею улетит наш последний шанс на спасение.

Располагаюсь на ступеньку выше Дорохова. Наши головы оказываются почти на одном уровне.

— Ну, что там у вас? — басит Дорохов, с нетерпением мальчика заглядывая ко мне в сумку. Мы разговариваем по телефону, чтобы нас слышал и Савостьянов.

— А если мы просто сковырнем эту штуку и сбросим вниз? Пусть взрывается через полчаса где-нибудь там, в глубине! — соображаю вдруг я. — И шут с ним, со взрывателем.

— Просто, — вздыхает Дорохов. — Если бы это было так просто. Ее теперь не отлепишь никакой силой.

— Обколоть стенку тоннеля и сбросить вместе с глыбой, — настаиваю я. Мне все еще кажется, что я нашел гениальное решение.

— Риска в два раза больше, чем если вывинтить взрыватель, — просто говорит Дорохов. — Я уже прикидывал эту комбинацию, — добавляет он, чтобы убедить меня. — Так что же вы посоветуете?

Наконец-то я могу дать совет! Настоящий. Деловой. Почти профессиональный. В серьезной обстановке. Более того, а опасной. Может быть, от моей рекомендации сейчас зависит наша жизнь. Я ощущаю ответственность момента.

Стараюсь держаться как Дорохов, как Савостьянов.

— Вот набор из трех инструментов, — говорю я так спокойно, как только могу. — Первым делаем легкий надрез. Царапину. Второй выжигает канавку на месте царапины. Ну, а третий сыграет роль отвертки...

— Неужели все это применяется, когда нашего брата... — Дорохов с почтительным ужасом смотрит в сумку.

— Современная хирургия, даже походная, очень сложна, — говорю я. — Нам дают инструменты в избытке. Некоторые, может быть, никогда и не придется пустить в дело.

— А это что за штукovina? — Дорохов вытирает нечто похожее на ручную печать.

— Обыкновенный присос, — говорю я. — Нажмите кнопку сверху ручки — и присосет подошвой любую кость.

Я вспомнил, как профессор Вороницын шутил по поводу силы присоса. Механики так постарались, говорил он, как будто мы собираемся делать операции мамонтам. Этой ручкой можно поднимать чугунные люки дрезных уличных колдцев.

— Там регулятор, — говорю я. — Сила большая. Даже чересчур.

— Ну, чересчур нам не опасно, — бурчит Дорохов и берет присос. Он прикладывает его к мине, и тот оказывается как раз в пору: донышко закрывает головку взрывателя, оставляя узкий ободок.

Ему явно нравится присос. Он ставит регулятор на максимальное деление и, поднеся присос к стене, подальше от мины, нажимает кнопку. Он тянет ручку. Лесенка, на которой мы висим, подходит к стене.

— Гранит, — буркает Дорохов. — Не оторвешь.

Он отжимает кнопку и освобождает присос. Я продолжаю висеть на лестнице, держа рукой за спицу-ступеньку. Не очень-то удобно

Дорохов придумывает очень хитрую комбинацию. Я пропускаю левую руку сквозь лестницу и кладу ему на плечо. Он продерывает нечто аналогичное со своей рукой. Теперь мы образуем как бы одно целое: странное существо с четырьмя ногами и двумя руками. Головы тоже две, что несколько затрудняет работу.

Дорохов подносит присос к моим глазам, и я удостоверяюсь, что регулятор силы стоит правильно. Правой рукой я закрепляю его в этом положении с помощью стабилизатора. Теперь Дорохов ставит присос доньшком прямо на головку взрывателя.

Нажимает пальцем кнопку и пытается повернуть ручку. Ничего не получается. Взрыватель так заело, что он не двигается с места. Можно подумать, что он прирос.

Дорохов напрягает мускулатуру, упираясь в мое плечо. Я изо всей силы отталкиваю от Дорохова. Другой рукой я упираюсь в стену. Лицо Дорохова, видное сквозь пластик шлема, багровеет. Взрыватель может сломаться. Тогда сверкающая бомбочка, накрепко приставшая к стене, откроет пасть и жажнет на весь тоннель. Мне ясно одно: моих сил не хватило бы, чтобы выполнить операцию, над которой мы сейчас бьемся.

Дорохов стискивает зубы. На правом его плече вздувается подушка мускулов! «Хватит!» — хочется мне крикнуть, но тут лицо Дорохова вдруг изменяется.

— Сдвинулся, — сообщает он по телефону.

— Полегче, — не выдерживает Савостьянов. Я угадываю волнение и неслышимого Лансера.

Осторожно, словно оробев, Дорохов крутит ручку. С каждым миллиметром она идет все легче.

Взрыватель выдвинулся уже сантиметра на полтора.

Дорохов вдруг выпускает ручку присоса.

— Не могу, — хрипит он. Я вижу сквозь пластик шлема, что лицо его покрывается потом.

Сейчас, когда все идет хорошо, он вдруг сдает. Слишком сильная натура. Он с таким напряжением удерживал шлюзы, ведающие чувствами. Когда нервный «вольтаж» ослаб, произошла реакция.

Он подносит к своему лицу руку с растопыренными пальцами: пальцы дрожат.

Ему надо дать время, чтобы успокоиться.

Ждать некогда. Я отпускаю его плечо и, доставив ему держать меня и мою сумку, берусь одной рукой за ручку присоса, а другую держу наготове, чтобы подхватить чертов взрыватель, когда он выскользнет из гнезда.

Ручка легко крутится, в упоре даже нет необходимости. Я не знаю, какой длины взрыватель и когда наступит момент, требующий от меня особой осторожности. Может быть, не перехватывать его, а так и оставить висящим на ручке присоса? Чисто психологически мне хочется взять его именно рукой, держать пальцами, а не присосом, который вдруг да откажет, хотя разумом я понимаю, что это произойти не может.

В самый разгар сомнений я вдруг обнаруживаю, что взрыватель вышел из гнезда. Не хватало еще, чтобы именно сейчас я стукнул им о корпус мины. Медленно поднимаю резной конус, похожий на кукурузный початок, и отвожу руку в сторону. Теперь остается отжать кнопку, и злой дух адской машины полетит в глубь ко-

лодца, чтобы разорваться где-то там, в бездне, с безвредным треском.

Я отжимаю кнопку. Проходит секунда, и я слышу всплеск. Мы с Дороховым смотрим вниз.

Круглое темное зеркало отсвечивает близко под нами и отражает наши фигуры. Вода подкралась незаметно и тихо, пока наше внимание было отвлечено борьбой со взрывателем.

Она шла по нашим следам. Просачивалась сквозь преграды, которые мы воздвигали на ее пути. И вот теперь приблизилась вплотную. Вот она уже подошла к нижней ступеньке лесенки у нас под ногами, молча слизнула ее и тянется к следующей. Съела и ее, и разевает круглую пасть у наших подошв...

— Тревога! — кричит Дорохов. — Водал!

— Быстро в «дракон»! — командует Савостьянов. Створки двери над нашими головами распахиваются. Мы бросаемся по гнущимся ступенькам вверх.

Вода, словно почуя, что мы удираем, ускоряет подъем и гонится за нами, хватая за пятки.

— В дверях не задерживаться, — говорит Дорохов. Он уже вполне пришел в себя. Новая опасность помогла ему обрести привычную форму. Только я, может быть, знаю, чего стоит обычное спокойствие Дорохова, на какой огромной нервной силе оно держится.

Я первый проскальзываю в дверь. Дорохов, как белка, прыгает вслед. Створки сходятся. Мы сбрасываем шлемы. Вода журчит снаружи, атакует «дракон».

10.

— Ну, — говорю я, — бывает под землей когда-нибудь конец аттракционам природы?

— Когда будете сидеть в кресле у камина, можете считать, что путешествие закончено, — отзывается Савостьянов. — Двигатели мы запустим, но не раньше чем через полчаса.

— Температура не такая уж высокая, — замечает Дорохов, глядя на приборную доску. — Окружающая порода здесь не горячее 20 градусов. Вода, в той ее части, что дошла до нас, — около пятидесяти. Пока она просачивалась, состоялся теплообмен. Если из глубины не подойдет еще чего-нибудь пожарче, то не сваримся.

— Мы вообще не можем подняться на поверхность, — говорит Лансере.

— Почему? — удивляюсь я.

— Мы приведем за собой воду. Пока будем ползти дальше, вода окончательно размочит наши заграждения и ворвется вслед за нами на рудник.

Действительно, получалась какая-то логическая ловушка. Стоять на месте нельзя. Двигаться тоже.

Я с надеждой смотрю на Дорохова. Он столько раз находил выход из самых отчаянных положений, а главное, так предусмотрителен, что просто не может быть, чтобы он не придумал и тут какую-нибудь остроумную комбинацию.

На лицах Савостьянова и Дорохова никаких следов паники или сматения.

— Собственно, мы уже прибыли, — говорит Савостьянов. — Больше мины не потребуются.

— Почти, — уточняет Дорохов.

— И если моторы не заработают, нас возьмут на ладошку и поднимут на поверхность, — добавляет Савостьянов.

Я ничего не понимаю. Как ни мало я разби-

раюсь в подземной обстановке, но по моим, пусть самым грубым, расчетам до так называемой поверхности еще не меньше полкилометра. А может быть, и больше.

— До поверхности еще далеко, — говорит и Лансере.

— Неужели вы думаете, что люди там, наверху, сидели сложа руки? — удивляется Дорохов. — Как, по-вашему, существует служба спасания?

— Существует, — говорю я, с удовольствием глядя на округлые плечи Дорохова.

Дорохов спускается в открытый люк и принимается помогать Савостьянову и Лансере.

— Ну, так вот, — ворчит Дорохов, — нам давно идут навстречу. До сбойки осталась какая-нибудь сотня метров.

Только теперь я гляжу на экран. Красная точка — наш «дракон» — замерла на месте. И зеленая — медленно, очень медленно надо смотреть несколько минут, чтобы заметить движение, — спускается сверху. После того как Богачев исчез, я больше на экран не смотрел.

— А Богачев? — бормочу я.

— Богачев вернется в основной ход и пойдет за нами. На буксир мы его не возьмем. Будет плюхаться сам. Вода ему поможет.

— Но водал! — восклицает Лансере. — Водал!

— В месте сбойки оборудуют шлюзовую камеру. Материалы ведь теперь можно подавать сверху. Пройдем шлюз, и воду запрут. А потом можно будет закрыть кран и в том водоводе. И пусть себе бесится в глубине, сколько хочет.

— Все, — сказал Савостьянов, вылезая из люка. Вслед за ним выбрался Лансере. Дорохов легко выпрыгивает последним и захлопывает крышку.

Все вскарабкиваются на сиденья.

«Дракон» начинает дрожать. В иллюминаторе я вижу породу, зеленоватую с темными прожилками, покрытую тонким слоем воды: похоже на картину, которая создается, если прижать нос вплотную к аквариуму. Прожилки напоминают водоросли. Вдруг водоросли сдвигаются, и вслед за тем картина становится мутной. Огненные ножи режут скалу и кипятят воду.

В общем, мы движемся. Только мокрая порода дробится с каким-то особым шелестом, и к общему звуковому фону примешивается журчание и бульканье. Струи наших двигателей создают позади водоворот.

Но, кажется, все водовороты вообще позади.

11.

— Ну, ты герой, — говорит Юра. В прищуренных его глазах искреннее восхищение. — Тебе можно позавидовать.

Мы сидим за столиком в кафе.

— А что я, по-твоему, сделал?

— Ну как же! — Он глядит на меня сияющими, как у ребенка, глазами. — Участие в такой экспедиции. С первого раза — полноправным членом. Савостьянов говорит, что они с Дороховым от новичка подобного даже не ожидали. Потом, ведь ты обезвредил мину в самый последний и рискованный момент.

Что там Савостьянов и Дорохов наговорили про меня?

Юра продолжает перечислять мои подвиги, и я чувствую, что еще одна фраза — и древний мифический Геракл окончательно побледнеет по сравнению со мной.

— Чепуха, — говорю я. — Было обыкновен-

ное каботажное плавание, каких-нибудь два с чем-то километра.

Я чувствую, что получается еще хуже. Звучит как самое настоящее хвастовство. Вспоминаю первое знакомство с Юрой и как я старался произвести впечатление на него. Мое тогдашнее кривлянье кажется мне сейчас, сквозь призму времени, удивительно глупым.

— А как Богачев? — решаю переменить разговор. Я не был в Антарктиде два дня, летал к матери, чтобы доказать, что я цел и невредим (журналисты все-таки сделали из открытия подземного моря сенсацию) и только час назад вернулся на рудник. — Что с Богачевым?

— Назначен начальником экспедиции. Пять «драконов» готовят. Он пойдет на флагмане. На разведку — чего там открыли.

— Значит, никакой боязни высоты у него нет?

— Не проверяли. — Юрий берет чашку с холодным кофе и отпивает глоток. — Савостьянов сказал: нет смысла проверять.

— Странная логика, — удивился я.

— Типично савостьяновская логика, — рассмеялся Юра. — Ты его просто плохо знаешь. Он убедился, что для Богачева его наука — настоящее призвание. Дорохов рассуждает просто: раз человеку противопоказано находиться под землей, его не надо туда пускать. Савостьянов думает наоборот: раз человеку надо быть под землей, следует обеспечить ему эту возможность.

— Но ведь есть еще и медицинская сторона!

— Савостьянов и тут рассуждает по-своему. Он считает, что доверие к Богачеву вылечит его от всех болезней. А если ему понадобится помощь врачей, он сам к ним обратится.

— Как только Дорохов согласился!

— Дорохов больше не начальник.

Ошеломленный, я смотрю на Юру.

— Подал в отставку. Сказал, что не в состоянии обеспечивать безопасность.

Мне кажется, что я ослышался.

— Говорит, что запутался в психологических тонкостях.

Служба безопасности — без Дорохова с его могучей хваткой бульдога? Как бы угадав мои мысли, Юра говорит:

— Он подготовил таких ребят, что не растеются и вытащат из любого пекла. А размышляют они потоньше. Старик был слишком прямолинеен. Как бы это выразиться? — чересчур боксер.

Я рассмеялся. «Старик» Дорохов, который одной рукой вытащит откуда угодно нас обоих!

— Нельзя просто так, силой хватать человека. Надо думать о человеке, — серьезно сказал Юрий. — Если бы Богачева схватили за руки раньше времени, он мог сломаться. Савостьянов провел операцию умно. Богачева-то действительно спасли.

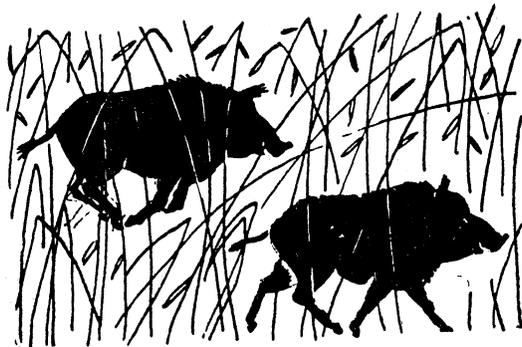
Мы оба взглянули в окно. За стеклянной стеной, окаймленной пальмовыми листьями, простиралась ледяная равнина. Стояла редкая для Антарктиды безветренная погода при ясном небе.

У горизонта висело низкое облако. Я думал, что горячая вода, выбившаяся на поверхность, образует озеро в расплавленном льду. На самом деле получилась гигантская наледь, видом и размером напоминающая вулкан.

Белый конус на горизонте и облако над ним.

Рисунки Ю. Ефимова

КОНЕЦ

В русских джунглях

Плавни — так называют тростниковые джунгли низовий наших южных рек. Это царство воды, тростников в три человеческих роста и диких кабанов.

Мои высокие сапоги вязнут в торфянистой жиже. Каждый шаг — через сплетение корневищ и заломы старых, крепких, как бамбук, стеблей. Трудно идти, а надо. Я все иду, иду и иду.

Глаза заливаает пот. Болотный гнус — различная мошка, комары, москиты — мешает дышать.

Вот островок с кустами ивы. Здесь можно посидеть, передохнуть...

Эти редкие островки среди необъятных затопленных зарослей часто спасают четвероногих жителей плавней. Настоящие острова жизни!

Усевшись на высокой кочке, я рассматриваю этот клочок суши. Интересного на этом клочке очень много.

Вдоль берега вся почва изрыта. В черной грязи отпечатались грузная туша огромного кабана. Дальше — ямки поменьше. Тут отдыхало целое семейство. Много зверя. Это хорошо.

А вот отпечатки круглых лапок выдры. Рядом маленькие следы вроде собачьих. Это дорожка, по которой ходит енотовидная собака, зверек, переселенный сюда для разведения с Дальнего Востока. В новых местах он чувствует себя, пожалуй, даже лучше, чем у себя на родине.

Десятки тысяч густых, теплых шкурок енотки заготавливают охотники для спецовок полярников и летчиков...

Надо, однако, идти дальше. Создал же черт такие трупобы, что теперь сам их пройти не может, нам, охотоведам, приходится... Ничего! Эти заросли, которые считаются ничемными, бросовыми землями, могут приносить огромную пользу, если разумно использовать их колоссальную кормовую производительность для разведения ценных пушных зверей на воле.

Вот это неотложное дело и привело меня сюда.

Через год плавни станут неузнаваемыми. По следам человека придут мощные болотные экскаваторы, затрещат камышекосилки, в дилом хаосе зарослей появится стройная система

СУДЬБА ЧЕРНОЙ ОНДАТРЫ

каналов и земляных валов. Просека в камышах, свежая вода и земляные валы станут полосами жизни в бесконечном массиве плавней...

После двух суток битвы с тростниками, треска ломаемых стеблей и гудения болотного гнуса я выбрался, наконец, на сухой берег.

Бабка Карпушиха

Широко раскинулось село — сады и белые хатки.

Вот и лодочная пристань. Здесь я должен ждать моторку из промыслово-охотничьего хозяйства.

Сняв рюкзак, я устроился на опрокинутой лодке, закурил. Рядом, по колени в воде, полоскала бельишко дородная бабка. Ей помогал долговязый, рукастый паренек, он отжимал и укладывал белье в корзину.

Не то разговаривая сама с собой, не то обращаясь к внуку, бабка ворчала:

— Охотоведы, рассказывают, какие-то появились на нашу голову. Вот они этого зверя страшного и напустили в речки да озера. — Вдруг бабка преобразилась, закричала гневно: — Вон, вон она, чума окаянная!

И я, и паренек проворно повернулись. На кромке берега, у самой воды, сидела, похрустывая стебельком и тараша глазенки, большая пушистая ондатра.

— Бей ты ее! — надрывно крикнула бабка, и сама же с проворством непостижимым схватила камень и запустила в ондатру. Та мгновенно шмыгнула в воду и поплыла, оставляя за собой косо расходящийся след, словно усы.

— Видел? — обернулась бабка к внуку. — Степка! Чего ж ты сидишь, пахорокий? Гони телка домой, покусают она его, уток всех сожрет, гони домой! — И, подхватив валявшуюся вицу, она принялась яростно понужать теленка, который пасся на лужайке.

Эта баталия рассмешила меня. Я подошел к бабке.

— Здравствуйте. Что это вы развоевались, мамаша?

— Скотину спасаю, милоч. Крысу водяную, чуму трехклятую, выпустили в наших местах. Агротная, вредноющая, уток жрет. Я расхохотался.

— Чего гогочешь-то, непутевый?

— Ну, милая, уморила... Так ведь это же ондатра. Вроде мыши-полевки, только крупная, и питается корешками да водорослями.

— «Водорослями»!.. А ты кто такой будешь?

— Охотовед.

Бабка аж присела:

— Охотове-ед?! Напуститель этих... ондатров?

Пришлось еще раз объяснить, что ондатра — зверек совершенно безвредный, безобидный, что мы ведем большую работу по обогащению охотничьих угодий ценными видами пушных зверей, занимаемся акклиматизацией, вот и ондатру в кубанские плавни приспособили. Бабка подозрительно смотрела на мою небритую физиономию, но все-таки, похуже, успокоилась и, подхватив корзину с бельем, направилась к хате. Однако, уже отойдя изрядно, она обернулась и сердито крикнула Степке:

— Уток-то гони домой!..

Разговор со Степкой

А Степка в это время, забыв обо всем, с любопытством разглядывал мои высокие сапоги, полевую сумку и фотоаппарат.

— Дядь, вот вы сказали... акклиматизация. Да? Это что будет?

Его внимательные глаза и явный интерес к моей персоне располагали к разговору. В ожидании своих товарищей я рад был собеседнику. Мы уселись на лодке. Я в свою очередь спросил:

— Ты знаешь, откуда в нашей стране картошка появилась?

— Ну, это каждый знает. Из Америки.

— Правильно. А капуста? А морковь, пшеница, подсолнух?

— Неужто тоже привозные?

— Вот именно. Родина капусты и моркови — средиземноморские страны. Пшеница к нам пришла из Малой Азии. А родина подсолнечника — американские прерии. Куры вон — из Индии... Это, Степа, все результат акклиматизации.

Есть у нас и свои, отечественные очень ценные виды — соболь, бобр, белка, олени, зубр... Мы стараемся расширить область их обитания.

Но вот плавни, болотные водоемы не имели у нас своих пушных зверей. А на свете есть такой зверек, и довольно ценный, который любит как раз подобные места. Это американская мускусная крыса, или, по-иному, ондатра.

— Так я же знаю ондатру! — воскликнул паренек. — Мы раньше на Урале жили, я их там видел, ондатр этих. Но только они рыжие, а эта — черная, большая.

— О, да ты землячок, оказывается! Чудесно... Что большая, так это тебе, Степа, показалось. А вот что там рыжая — это верно. И не только на Урале, считай, по всей стране, да и в Америке, почти везде рыжая, или, как говорят, бронзовая. Но есть и другие ондатры, а самая ценная из них — черная.

Когда мы закупили ондатру в Америке, капиталисты не дали нам черной, и мы развели обыкновенную. Первые партии как раз и были привезены на Урал и в Сибирь. В 1929 году зверьков выпустили на реке Демьянке в Зауралье, на следующий год — в протоки реки Тавды, а потом уж развели повсюду.

— Но черную-то нам американцы не дали, откуда же эта?

— То, брат, особое дело... Видишь ли, американцы давно еще продали партию черной ондатры в другую капиталистическую страну — в Финляндию, там она разводилась...

И вспомнились мне тут далекие, почти тридцатилетней давности события.

Бой на озере

Было это на Карельском перешейке. Местность там лесистая и каменистая. И масса озер.

Однажды Николай получил приказ пройти со своим взводом в тыл противника. Ночью

в незнакомом лесу проскользнуть незаметно для противника, да еще целым взводом, трудно. Однако ребята наши, выбравшись на одно из озер, бесшумно двигались вдоль редких зарослей камыша по льду. Они прошли уже немало, когда напоролись на засаду.

При вспышке ракеты Николай увидел неподалеку темную кучу высотой не меньше метра. Охотовед, он сразу же сообразил, что это зимняя ондатровая хатка — смерзшиеся в одну глыбу комки ила и остатков водных растений. Он знал, что хатки обычно располагаются большими группами. И верно, при вспышке следующей ракеты он ясно увидел впереди и сбоку россыпь заснеженных хаток над гладью льда. Тут же по цепи полетела команда: бойцам по два укрыться за обледеневшими кучами, что торчали метрах в сорок-пятидесяти от взвода.

Утром враг был выбит с берега озера.

Осматривая место ночной стычки, Николай возле раскиданной миной хатки заметил на снегу двух крупных ондатр с великолепной черной шкуркой. Зверьки были мертвы.

— Да, пострадали бедняги за нашу победу, — сказал один из солдат.

— Превосходные зверьки, — обернулся к нему взводный. — Большую пользу могут они принести нашей стране. Вот кончим войну — такое здесь хозяйство организуем!.. Разведем этих зверушек повсюду...

Новый адрес черного зверька

А после войны пришлось спасать уже черных ондатр.

Дело в том, что вместе с ними, на тех же озерах, оказались и рыжие. А когда они скрещиваются между собой, то в потомстве ценные качества черных теряются, черные как бы растворяются в рыжих.

Несколько десятков хороших черных зверьков отловили и перевезли в другое место, где еще никакой ондатры не было, и начали разводить их в чистом виде. Это было озеро Вялье в Ленинградской области.

Однако рыжая ондатра, размножившаяся в соседних районах, вскоре заняла и это озеро.

Надо было снова что-то предпринимать. Вот здесь на юге мы отыскали хорошие, большие водоемы, где не было пока никакой ондатры. Ленинградские охотники отловили для нас черных зверьков.

Как видишь, Степан, теперь на этих южных водоемах решается судьба черной ондатры в нашей стране. Придется еще много поработать, чтобы ей жилось тут хорошо...

Степу явно интересовала эта проблема. Он прямо-таки загорелся.

— А что для этого нужно делать?

«Что ж, — подумал я, — со временем из парня вырастет хороший помощник нам». Я решил познакомить его с черной ондатрой поближе.

— Вон видишь там, в камыше, темнеет над водой высокая конусовидная кучка? Это и есть хатка ондатры, ее самодельный дом. Натаскали зверьки всяких корневищ, стеблей тростника, рогоза, скрепили все это илом со дна. Внутри устроили гнездышко, сделали помещение под «столовую» и живут.

А вон в стороне, метрах в пятнадцати, вторая хатка, поменьше. То — кормовая. Здесь, в камыше, ондатре удобно устроить себе жилье, а там корма хорошие... Ну, ясно, кормится она не только там. Вот у этого кустика на кочке что лежит? Видишь? Тащи-ка сюда...

Степа проворно добрался до кочки вброд, забрал в пригоршню то, что было надо, принес. Тут были раковины моллюска-беззубки, ростки тростника, объедки подводных растений.

— Она, видишь ли, не имеет привычки убирать после еды со «стола», и мы всегда можем точно знать меню ее обеда.

— Так значит она, и верно, птицу не ест?

— Наоборот! — улыбнулся я. — Дикие утки на ее хатке часто гнезда устраивают и птенцов выводят.

— А кто... ее ест?

— Врагов у ондатры, Степан, много. Ловят ее и пернатые хищники, и лисица, и хорек, и бродячие собаки.

— Да еще еноты развелись, — в тон мне добавил Степка.

— А вот тут ты не прав. Енотовидные собаки нам не враги. Они ловят лишь мелких грызунов. Если поймают какую-нибудь большую, полудохлую ондатру, так от этого только польза. Если бы хищники не уничтожали больных зверьков, худо стало бы — болезни распространялись бы очень быстро.

И еще у ондатры есть враги — щука и сом. Эти ловят в воде молодняк. А в норе или хатке ему угрожают ужи. И еще — крыса-паясок. Эта шныряет по всем плавням, уничтожает все живое, что ей под силу... В общем, больше половины молодняка у ондатр за лето погибает от хищников. Каждая ондатра за лето дает три приплода, в общей сложности — около двадцати ондатрят, а к осени остается в живых штук шесть — восемь.

— Так надо их как-то спасать! — нахмурился Степа.

— Надо. Мы этим делом и занимаемся. Вот взгляни: видишь, берега здесь низкие, вода чуть прибует — берег затопляется. А хатку легко раскопать любому хищнику. Даже сильный ветер разбивает хатки волной. Так что это ненадежное убежище, оно спасает ондатру только от непогоды да от птиц.

Другое дело там, где берега повыше. Там ондатра устраивает свое жилье в норах, от-

рытых по берегам. Нора — сложный подземный лабиринт, вход в который скрыт под водой, а гнездо расположено под землей на сухом месте.

Если есть удобный берег, ондатра всегда селится в норах, а не в хатках. Если в хатках за лето гибнет больше половины молодняка, то в норах он сохраняется почти полностью... Беда только, что таких берегов здесь очень мало.

— Что же делать? — В его вопросе звучала искренняя растерянность.

— Искусственные берега.

— Это как же?

— Хочешь — я тебе покажу.

— Еще бы!

— Вот подойдет моторка — я поеду на тот участок, где мы создаем берега наново. Отпустят тебя со мной?

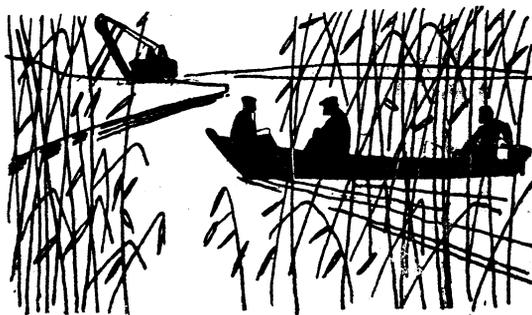
— Я счас, мигом слетаю, спрошусь.

— Валяй...

Вскоре в протоке среди камышей показалась наша моторка. За рулем сидел бригадир охотников Василь Васильич, коренастый светловолосый мужчина. Фыркнув, мотор замолк, Василь Васильич вышел на берег, разминая ноги, выжидательно поглядывая на меня.

— Сейчас поедем, Василь Васильич, вот мой дружок подойдет, возьмем его с собой. Парнишка любопытный. Через годик его к тебе в бригаду можно взять на обучение.

К берегу уже мчался, на ходу натягивая на себя видавшую виды курташку, Степан...

Новые берега

Мотор работал хорошо. Мы плыли то по протоке в зарослях, подымавшихся сплошной стеной, то пересекали небольшие озеринки.

Приметив живоловушку — небольшую клетку с приманкой, Василь Васильич направился к ней. В ловушке копошилась ондатра. Ловко схватив ее за хвост, покрытый, как у бобра, роговыми чешуйками, бригадир вытащил зверюшку и осторожно посадил себе на локоть, по-прежнему придерживая ее за хвост. Степа потянул руку — хотел погладить ондатру, та мгновенно обнажила острые зубы.

— Ты поосторожнее, паря, цапнет, она

Окончание см. на стр. 71.

ФРОНТОВОЙ

ДЖАЗ

«Дорогой «Следопыт»! — пишет ученица свердловской школы № 75 Таня Степанова. — Недавно я слышала по радио «Песню о черных ножах». Диктор говорил, что она была создана в годы Великой Отечественной войны добровольцами Уральского танкового корпуса. Хотелось бы узнать историю создания песни, кто ее автор...».

Редакция познакомила с Таниным письмом бывшего солдата-добровольца Уральского танкового корпуса Наума Львовича Комма, ныне заведующего музыкальной частью Свердловского драматического театра. И вот что он рассказал.

— В нашем корпусе был джаз. Играли в нем и профессиональные, и самодеятельные музыканты. Но артистами они становились только во время перерывов между боями. Когда начинался бой, саксофонисты, тромбонисты, скрипачи и певцы брались за автоматы и карабины.

Наш джаз пользовался в корпусе большой популярностью. На его выступления давались рецензии в газете «Доброволец». А выступать приходилось и на переднем крае, и в землянках,

и в лесу, и на открытых полянах. Солисты пели популярные фронтовые песни тех лет: «Бабуся», «Галочка», «Андрюша-партизан», «Черноморские матросы». Концерт обычно открывался литературно-музыкальным монтажом «Боевой путь корпуса». Но больше всего танкисты-добровольцы любили слушать «Песню о черных ножах». Музыку к ней написал комсомолец Ваня Овчинин, с которым я вместе учился в Свердловской консерватории. Он уже был студентом пятого курса факультета народных инструментов, и на него распространялось постановление правительства «о бронировании студентов последнего курса». Но Ваня решил закончить образование после войны и добровольно пошел на фронт.

По ночам, когда все, кроме часовых, спали, Ваня сочинял музыку к программам нашего джаза. В одну из таких бессонных ночей и родилась «Песня о черных ножах». Стихотворный текст Ваня взял из корпусной газеты «Доброволец». Темой для стихов послужил следующий факт. Танкисты-добровольцы нашли листовки противника, в которых сообщалось:

«Ахтунг! Ахтунг! (Внимание! Внимание!). На нашем участке фронта появилась дикая дивизия с черными ножами!...»

Действительно, каждый доброволец имел у нас финский нож с черной рукояткой. Нам подарили их рабочие Златоуста, когда мы отправлялись с Урала на запад. Правда, ножи эти скорее предназначались для различных бытовых нужд, но во время рукопашных боев им пришлось сыграть более серьезную роль.

С фронта «Песня о черных ножах» долетела и до Урала. Когда в начале 1944 года наш джаз приехал в Златоуст и дал там несколько концертов, то оказалось, что песня в городе уже хорошо известна.

Ваня Овчинин погиб в боях за освобождение Венгрии, но память о нем живет в сердцах товарищей и в доброй песне.

На фото: Джаз Уральского добровольческого танкового корпуса.

В верхнем ряду крайний слева — Ваня Овчинин (с банджо), у пианино — Наум Комм.

В темпе марша.

Начало см. на стр. 69

кусая, — усмехнулся Василь Васильич. — Гляньте-ка, — повернулся он ко мне, — прошлогодней высадки. Эвон куда перекочевала.

— Откуда вы знаете, что прошлогодней? — удивленно поднял на него глаза Степан.

Мы с охотником улыбнулись. На хвосте ондатры явственно были видны выжженные цифры, — это мы с Василем Васильичем клеймили опытную партию зверюшек, когда выпускали их прошлым летом в соседнем водоеме. Клейма ставятся для учета — так же, как кольца у птиц.

Снова весело тарахтел мотор. Мы пересекли открытую воду, и лодка вошла в узкий канал в густых зарослях тростника. По одну сторону канала возвышался земляной вал.

— Смотри, Степа, — сказал я, — это уже искусственный берег. В земляном валу ондатры гнездятся, а по другую сторону канала — их пастбище.

Через каждые пятьдесят метров канал пересекался такими же поперечными каналами. Это и был наш опытный участок.

Чуть в стороне урчал мотором и скрежетал, черпая грунт, экскаватор. На болотной почве тяжелую машину прочно удерживали широкие гусеницы. Мерно кланялся ковш, и все вперед уползал новый канал с земляным валом по одному из берегов. То была моя дав-

няя мечта: экскаватор в плавнях. Впервые в нашей стране мы применили его, чтобы перекроить по-своему ондатровые угодья.

Василь Васильич правил лодку к экскаватору. Машинист, завидя нас, приглушил мотор. Мы со Степой поднялись к нему.

С высоты машины участок был виден лучше. Очень приятно выглядел он: разлив тростниковых зарослей, а в нем — четкая сеть поблескивающих на солнце каналов.

— Вот они какие, новые берега... — задумчиво сказал Степан.

— Славные берега, — откликнулся из лодки Василь Васильич. — С такими-то берегами, паря, промысловики смогут с каждого гектара брать шкурку почти во сто крат больше, чем до этого. Чуешь?

Совсем недалеко от нас высочила из зарослей крупная черная ондатра. Мельком глянув на нас, она спокойно вошла в воду, подплыла к высокой кочке и, взобравшись на нее, устроилась словно на троне — этакая владицица окрестных мест.

Солнце уже катилось на закат. Звонкая тишь повисла над плавнями.

— А что, — сказал Степан, — хорошая начинается жизнь у черной ондатры. Верно?

— Только начинается, — кивнул я. — Впереди у этой зверюшки большая судьба.

Борис КОРЯКОВ,
биолог-охотовед.

РАЗВЕДЧИК ИЗ БРЯНСКА

Владимир БЕЛЯЕВ

Среди многих рассказов, которых я услышал от жителей Львова в июле 1944 года, сразу же после освобождения города, наиболее распространенным был рассказ о дерзком уничтожении «вице-губернатора провинции Галиция» Бауэра и полевого судебного советника Генриха Шнайдера. Они были застрелены утром 9 февраля 1944 года у ворот своей виллы, напротив нынешнего музея Ивана Франко.

В городе распространялись самые противоречивые слухи о смелом поступке неизвестного героя. Ожидая ответных репрессий, жители боялись показываться на улицах. Только четырнадцатого февраля националистическая газета «Львівські Вісти» опубликовала краткое сообщение:

«Львов. 12 февраля. Отто Бауэр — вице-губернатор дистрикта Галиция, пал жертвой большевистского покушения. С ним вместе — ландгерихстрат, доктор Шнайдер...».

Что представлял собою заместитель губернатора «дистрикта Галиция» Бауэр, львовяне отлично знали. Один из видных немецких фашистов, «специалист по делам Востока», соратник и коллега будущего боннского министра Теодора Оберлендера, он появился во Львове сразу же после его захвата, чтобы утверждать здесь жестокий режим оккупации и проводить традиционную политику старых завоевателей этого края, основанную на принципе «дивиде эт импера» — «разделяй и властвуй».

О смельчаке, уничтожившем этого свирепого фашиста, строились всевозможные догадки. Один из пленников Яновского лагеря смерти, бежавший к партизанам, Манасевич подробно рассказывал мне о встрече с неизвестным мстителем в Ганачевском лесу после того, как им были убиты Бауэр и Шнайдер. По словам собеседника, выходило, что мститель — немецкий коммунист-подпольщик. Свои предположения Манасевич основывал на отличном прусском произношении «неизвестного», на его туманных на-

Дмитрий Николаевич Медведев
в своем рабочем кабинете.

меках, что он «из Восточной Пруссии», и на других, как оказалось позже, конспиративных уловках, которые тот применял, опасаясь провокации.

Признаться, мы поверили этой легенде о «немецком коммунисте» и считали ее достоверной до тех пор, пока летом следующего года мне не посчастливилось встретиться с Героем Советского Союза Дмитрием Медведевым.

...Открывается дверь номера львовской гостиницы «Интурист». Меня встречает худощавый, смуглый, подтянутый человек; он в мундире пожевника Советской Армии, на кителе — Золотая Звезда Героя, четыре ордена Ленина и другие награды.

От всего облика Медведева веет собранностью и подкупающей скромностью. И в то же время угадывается большая сила воли, которая помогла ему в августе 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Москве, перейти линию фронта, чтобы вести в тылу у них разведывательную работу.

Сын потомственного сталевара из Брянска, юношей ушедший в революцию, красногвардеец и чекист в двадцать лет, коммунист с 1920 года, Дмитрий Медведев внимательно разглядывает собеседников серыми пытливыми глазами, умеющими определять людей с первого взгляда.

Глуховатым, негромким голосом удивительно просто рассказывает он о делах своего отряда.

Постепенно из рассказов Медведева вставала фигура замечательного уральского комсомольца, подлинного героя советской разведки Николая Кузнецова.

Уже после войны мне довелось присутствовать на допросе выловленного в лагере для немецких военнопленных начальника четвертого отдела зихергайтполиции «провинции Галиция», ляйтера Питера Христиана Крауза. Говоря об уничтожении Паулем Зибертом-Кузнецовым вице-губернатора Отто Бауэра, Крауз признался с кислой улыбкой:

— Много нам бед наделал этот Пауль Зи-

берт! Кроме Бауэра, он убил начальника его личной канцелярии Шнайдера. Я в эти дни бежал по Львову, стараясь напасть на его след, как гончая собака, и все понапрасну...

Как-то один из партизан-медведевцев заметил:

— Если бы мы оперировали восточнее Збруча, скажем, в районе Шепетовки, все выглядело бы совсем иначе. Легче было бы!

За этими словами скрыта немалая правда. Вспомним историю края, на территории которого совершали подвиги партизаны.

Разве мыслимо было бы, скажем, появление бандеровцев, о которых пишет Дмитрий Медведев, в лесах Черниговщины, возле Харькова, Днепропетровска или Запорожья? Враг действовал на плацдарме, который подготавливался для антисоветской работы в течение двадцати с лишним лет предшественниками гитлеровских оккупантов — генералами Пилсудского. Не одной только колючей проволокой оплели они советскую границу. От самого северного угла белорусского Полесья до впадения Збруча в Днестр раскинулась целая сеть «экспозитур», откуда засылались на территорию Советского Союза шпионы и диверсанты. Они обслуживали не только «второй отдел» тогдашнего генерального штаба Пилсудского, но и его фактических хозяев — разведки крупнейших империалистических держав.

Начиная с двадцатых годов, вместе с другими советскими чекистами вылавливал и обезвреживал капиталистических лазутчиков Дмитрий Медведев. В напряженной и многолетней борьбе с врагами Советской власти закалялся его характер. Воспитанник славного поколения первых чекистов революции, Дмитрий Медведев мог бы сказать и о себе словами Феликса Дзержинского:

«Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пес, растерзать врага».

За это время Дмитрий Медведев научился искусству отличать закоренелых, непримиримых врагов советского строя от обманутых, заблудившихся людей.

В жизни Медведева многое было связано с Харьковом, где он находился на оперативной чекистской работе. Здесь довелось ему пережить и тяжелую пору, когда на многих чекистов, продолжавших следовать традициям Феликса Дзержинского, обрушились репрессии. Тогдашнему наркому НКВД Ежову очень не понравился самостоятельный характер Дмитрия Николаевича с его доверием к людям.

Однажды, рассказывал Медведев, его вызвал к себе в Харьков старший начальник и сказал: «Дела плохи, Митя: не сегодня-завтра нас арестуют за то, что мы не хотим выполнять глупые планы массовых арестов неповинных людей. Езжай в Москву — добивайся правды!» — «А как же ты?» — спросил Медведев. — «Я найду выход! — грустно ответил начальник и посоветовал: — Только знаешь, отправляйся не с Харьковского вокзала, а, скажем, с Основы. Иначе тебя перехватят». Через несколько часов после отъезда Дмитрия Николаевича его товарищ покончил с собой.

Добиться правды в Москве оказалось делом чрезвычайно трудным. Мерзкие людишки, карьеристы, окружавшие Ежова, не хотели слушать Медведева и удивлялись, почему он на свободе.

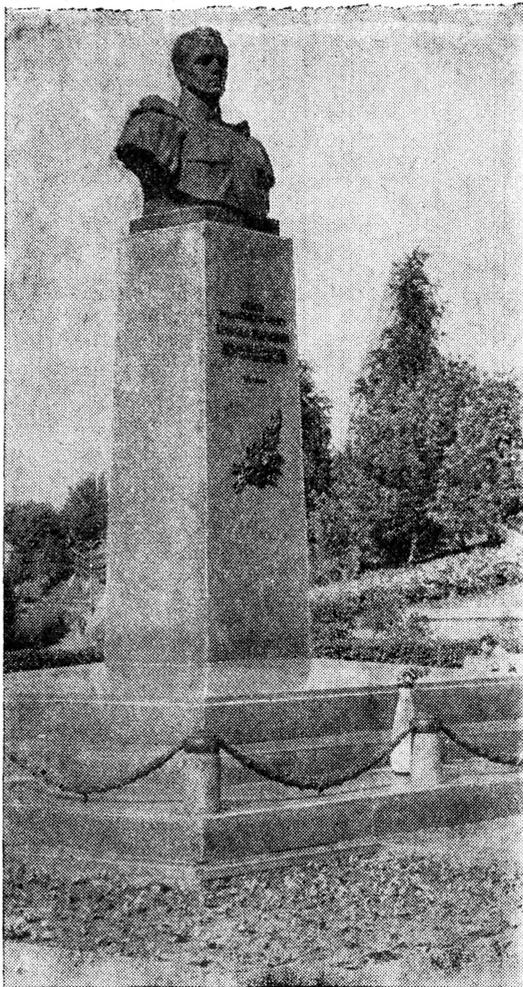
Тогда Медведев послал телеграмму Сталину. «Мне, старому чекисту, — писал он, — объявлено политическое недоверие. Прошу поручить проверить всю мою деятельность и, если я окажусь в чем-либо повинен, приговорить меня к высшей мере наказания. С момента отправки этой телеграммы объявляю смертельную голодовку. Ваши доверенные люди могут найти меня под бюстом товарища Сталина на Курском вокзале».

Вскоре его разыскали ответственные работники ЦК ВКП(б) и предложили поехать в здание ЦК на старую площадь. К Дмитрию Николаевичу отнеслись внимательно. Почти целые сутки рассказывал он все, что знал о преступной деятельности Ежова и его сообщников.

Стенограммы прочитал Сталин, и, хотя Медведева не арестовали, из органов он все же был отчислен. И только в дни войны Дмитрий Николаевич снова вернулся к любимой чекистской

Памятник Николаю Кузнецову
в поселке Колесово Ровенской области.

Памятник Николаю Кузнецову
в городе Ровно.

работе. В августе 1941 года с небольшим отрядом специального назначения он направился в брянские леса, в тыл к немцам, рвавшимся к Москве.

Началась напряженная, полная опасностей деятельность.

В Медведеве удачно сочетались качества боевого командира и тонкого психолога. К нему на свет партизанских «маяков» шли не только испытанные революционеры, узники буржуазных тюрем, закаленные в боях за Советскую власть на Западной Украине, вроде Михаила Шевчука, Ольги Солимчук, Николая Гнидюка, Ивана Луця, но и люди, которых еще следовало обучать искусству борьбы, видению главной цели в жизни, бесстрашию, пролетарскому интернационализму; шли военнопленные, а также и те, кто временно попался на удочку украинских националистов.

В этой сложной работе Дмитрий Медведев и его заместитель по разведке Александр Лукин опирались на партийную организацию, состоявшую из пятидесяти коммунистов во главе с комиссаром отряда Сергеем Стеховым. Даже в самых трудных условиях боевой обстановки со-

зывались партийные собрания, заслушивались доклады. Направляющая воля партии помогала командиру отряда и его штабу действовать смело и решительно.

Партизаны отряда Медведева помнили мудрые слова железного рыцаря резолюции Феликса Эдмундовича Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК».

Чекистская хватка, необходимая осторожность, железная, сознательная дисциплина сочтались в отряде Медведева с большим доверием к людям, и в первую очередь к молодым советским гражданам — местному украинскому и польскому населению.

На земле, где десятилетиями севались семена украинского и польского национализма, где агенты империалистических государств разобщали братские славянские народы, натравливая их друг на друга, действовал на редкость сплоченный коллектив, созданный из представителей свыше тридцати национальностей. Русские и украинцы, белорусы и евреи, казахи и грузины, поляки и испанцы выполняли свой интернациональный долг, громя фашизм.

Дмитрий Медведев и его заместитель по разведке Александр Лукин вспоминали, кто из знакомых им честных чекистов осужден по оговору, томится в лагерях, добивались их реабилитации. И случалось, что человек, возвращенный из ссылки, появлялся в партизанском крае, чтобы принять участие в борьбе с фашизмом.

Все, кто сражался под командованием Медведева, помнят о частых недомоганиях командира. Неудачный прыжок с самолета, трудности фронтовой жизни сказывались на его расшатанном здоровье. Но Дмитрий Медведев оставался на посту до завершения поставленных его отрядом задач, а потом сразу же принялся за перо. Одна за другой появлялись книги: «Это было под Ровно», «Отряд спешит на Запад», «Сильные духом». Кроме того, Дмитрий Николаевич написал несколько пьес, еще ждущих своего сценического воплощения. Опубликована интересная повесть о винницком подполье — «На берегах Южного Буга». Остался недописанный роман «Астроном».

Все созданное Медведевым дышит неподдельной любовью к бойцам партизанского отряда, соратникам по борьбе.

Однажды я получил письмо от одного из видных деятелей прогрессивного движения украинцев Канады, журналиста Петра Кравчука. В нем большое место занимал отзыв о книге Медведева «Сильные духом».

«Эта книга, — писал Кравчук, — представляет для меня особый интерес. События, описанные в этой книге, происходили почти в моей родной стороне (ведь Стоянов, откуда я родом, почти примыкает к Волынской области). Больше того, в 1928 и в начале 1929 года мне довелось работать на Волыни — в Луцке, Гороховце, Дубно, Ровно. Там я организовал отделы Сель-Роб-Единство. Кто знает, быть может, уже тогда мне приходилось встречаться и работать с героями этого народного движения... Читаешь эту правдивую книгу — и видишь силу, которая не могла не побороть врага, не прогнать его с украинской земли. Иногда даже трудно поверить в подвиги

разведчиков Медведева. Думаешь, читаешь легенду. Но ведь это же действительность!.. Я прочел, как говорят, одним духом эту прекрасную, правдивую, искреннюю книгу. Как жаль, что автор преждевременно сгорел, сошел в могилу!

Пока что мы получили всего пять экземпляров этой книги. Но они уже лутешествуют из рук в руки среди украинских рабочих города Торенто. Книга вызывает большой интерес у читателей. Несомненно, что эти пять экземпляров побывают в десятках, если не сотнях, рук читателей... Прочитав это произведение о великой борьбе, лучше понимаешь, почему советский народ так упорно, последовательно и решительно борется за мир. Он имеет право на мир и на радостную творческую жизнь....».

Книги Медведева, разошедшиеся в сотнях тысяч экземпляров, были безоговорочно приняты читателем, зачитывались до дыр. Выступления Медведева перед многочисленными аудиториями пользовались огромным успехом. В письме от 8 декабря 1948 года к автору этих строк Дмитрий Николаевич писал:

«...Да и вообще заставить меня здесь теперь почти невозможно: я только прописан в Москве на постоянное жительство, имею здесь квартиру и семью, а сам бесперывно разъезжаю по матушке России. Объездил я уже всю Волгу, весь Кавказ, неоднократно бывал в Ленинграде, в

Таллине, в Киеве и по другим городам. Слушают меня с большим вниманием, и я, пользуясь этим неослабным вниманием, выступаю и выступаю со своими личными воспоминаниями. Мне доставляет огромное удовлетворение сознание, что выступления мои не проходят бесследно: они наталкивают наших людей на мысль заниматься серьезной подготовкой, чтобы заменить, если это потребуется, и Кузнецова, и Валу Довгер, и других моих героев».

* * *

...Мы приехали в Москву с Украины на долгожданный Второй съезд писателей, надеясь встретить Дмитрия Николаевича среди почетных гостей в Колонном зале Дома Союзов. В гостинице «Москва», той самой, где жил Медведев однажды в дни войны, вручили мне небольшой листок бумаги. Я развернул его и вздрогнул, пораженный. «Дмитрий Николаевич Медведев, — сообщалось в записке, — сегодня, т. е. 14 декабря 1954 года, умер...».

Спустя два дня группа делегатов съезда пришла в клуб Комитета госбезопасности СССР отдать свой последний долг бесстрашному чекисту-дзержинцу, воспитавшему целую плеяду смелых, отважных, преданных делу партии и народа людей.

Дмитрий Николаевич Медведев (крайний справа) в кругу командиров партизанских отрядов и соединений.

У гроба Дмитрия Медведева в скорбном молчании стояли его друзья и боевые соратники-чекисты, партизаны, литераторы. Трудно было примириться с мыслью, что не стало такого замечательного человека, неустрашимого, вдохновенного борца за счастье людей на земле. Боль утраты смягчало сознание — дело, которому Дмитрий Медведев отдал всю свою жизнь, находится в надежных, крепких руках.

Через четыре года на польской земле мне довелось услышать оценку деятельности Дмитрия Медведева и его соратников.

Над Варшавой вставало хмурое октябрьское утро. Низкие облака окутали шпиль Дворца культуры; сеял мелкий, унылый дождь-«мжичка».

К большому серому зданию на аллее Сверчевского подкатила закрытая тюремная машина. В кабине ее рядом с шофером сидела медицинская сестра в белом халате. Распахнулись задние дверцы, и два рослых милиционера вывели из машины сморщенного усатого человека, похожего на облыялого, дряхлого кота. На нем были зеленая тирольская шляпа с кокетливым перышком, светлый пиджак, обвисшие коричневые брюки, а на ногах — комнатные туфли. Сперва он показался мне жалким и совершенно беспомощным. Но стоило ему приблизиться к лестнице, ведущей к зданию, как лицо его перекосилось от ярости. Он попытался вырваться из рук милиционеров, но те заставили его подняться по ступенькам в небольшую комнату рядом с семнадцатым залом заседаний.

Перед нами находился сам бывший гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар оккупированной немцами Украины Эрих Кох, за которым долго и упорно охотились в Ровно и его окрестностях партизаны Медведева.

Сидя в мягком, удобном кресле с подлокотниками, Эрих Кох то дремал, то внезапно огрызался. Он полностью отрицал свою вину и пытался переложить всю ответственность на части СС и их шефа Гиммлера. Симулируя болезнь, Кох старался затянуть процесс.

Но вот в зале появился свидетель Юзеф Курьята, партизан из отряда Медведева. Советский разведчик, поляк по национальности, он с любовью и гордостью произносил имя своего командира. Все, что рассказывал Курьята, — история похищения партизанами гитлеровского генерала Ильгена, личного шофера Коха Пауля Грануа и многое другое — показалось присутствующим в зале судебного заседания просто невероятным, особенно корреспондентам буржуазных газет, которые до этого ничего не слышали об отряде Медведева. Некоторые из них иронически улыбались.

Один из американских корреспондентов в перерыве подошел к Юзефу Курьяте и язвительно спросил:

— Скажите, пан Курьята, а не вычитали ли вы все это в книге Мартенса «Где обер-лейтенант Зиберт?»

Следует сказать, что незадолго перед процессом такая книжка была выпущена издательством Министерства обороны Польши в массовой серии «Желтый Тигр». В ней рассказывалось о делах партизанского отряда Медведева и подвигах Николая Кузнецова. Ее прочел в камере и сам Эрих Кох, ссылаясь на нее и просил приобрести ее к делу как вещественное доказательство о «его гуманном отношении к советскому разведчику».

На ядовитый вопрос американского скептика Юзеф Курьята спокойно ответил:

— Я слышал об этой книге, но, к сожалению, даже не держал ее в руках. Она быстро разошлась. Да и разве можно в одной книге рассказать обо всем, что мы сделали и какую пользу принесли народу, держа в страхе таких вот Кохов?

Когда Курьята сообщил суду, что самыми крупными акциями непосредственно руководил один и тот же партизан, председательствующий судья Эдвард Бинкевич спросил:

— Кузнецов?

— Да, это был Кузнецов! — с гордостью произнес Курьята. Потом повторил еще раз. — Кузнецов, Николай Кузнецов.

На следующий день я видел в руках у многих слушателей процесса книжку в желтой обложке — «Где обер-лейтенант Зиберт?». Она стала сенсацией и заканчивалась словами:

«Вспоминаем сегодня снова, что совершили. Перед нами снова возникают фигуры людей, которые вели борьбу в тяжелейших условиях, постоянно находясь на краю пропасти. Николай Кузнецов был одним из тех, кого можно назвать самым отважным из отважных...»

В перерывах Юзеф Курьята вдохновенно рассказывал многочисленным слушателям о своих друзьях и командирах — Дмитрии Медведеве, Александре Лукине, Николае Гнидюке, Яне Каминском, Вале Довгер, Николае Струтинском и переодетом в немецкий мундир легендарном народном мстителе Николае Кузнецове.

— То невозможно! Цось такэго! — то и дело слышались восхищенные возгласы.

Десятого октября 1964 года посол Польской Народной Республики Эдмунд Пшулковский в торжественной обстановке в Москве вручил высшую награду — Золотой Крест ордена «Виртути Милитари» заместителю Медведева по разведке Александру Лукину. Бывший командир диверсионной группы отряда Владимир Григорьевич Фролов и разведчик Владимир Иванович Ступин, ныне главный редактор издательства «Искусство», были награждены орденами «Партизанский Крест».

Эти награды еще раз подтверждали нерушимое единство сынов советского и польского народов в их борьбе против общего врага — немецкого фашизма.

Фото Ал. ЛЕССА и Г. БУХАЛО

Многие географические названия на карте нашего края отражают кочевой образ жизни башкир, казахов, татар. Основным занятием здешнего населения в давние времена было скотоводство, оно давало пищу и одежду. Поэтому и большинство географических наименований говорит о состоянии пастбищ, качестве земли, растительности, типе водопоя, кочевой стоянки, а также о других чертах и особенностях природы рек, озер, гор и урочищ.

Особые почести оказывались коню, и не удивительно, что слово «ат» — лошадь, а также слова, определяющие масть и приметы животного, стали составной частью многих географических названий на Урале.

Аткуль, Атлыкуль — озера в Челябинской области. В переводе с башкирского — «лошадиное озеро».

Аткуб — левый приток реки Миасс. Означает — «лошадей много» (куп — много).

Атач — гора в системе Магнитной — «голодная лошадь». Если два первых названия указывают на места водопоя, то Атач говорит о скудном пастбище на склоне горы.

Кулат, Кулаткуль — озера в Челябинской области — «озеро буланой лошади».

Алаат — тоже озеро — «озеро пегой лошади» (ала-пегий).

Кула-Айгыр — возвышенная гряда. Означает в переводе — «буланный жеребец» (айгыр — жеребец 3 лет, вожак табуна).

Бия — приток реки Ая. По-русски значит — «кобылица». Стремительное течение реки башкиры-коноводы сравнивали с быстроногой кобылицей.

Узюн-Дзял — гора близ Магнитогорска. В переводе с казахского — «длинная грива». Гора в действительности напоминает гриву коня.

Овцы и собаки в жизни кочевника имели такое же важное значение, как лошадь, поэтому названия овцы — «сарык», «кой», «куй» тоже часто встречаются на географических картах.

Куйбас — гора в окрестностях Магнитогорска, по-русски — «овечья гора».

Куйсак — приток Зингейки (Челябинская область), с казахского — «овечье пастбище».

Почему так называется?

Коелга — приток Увельки, с башкирского — «овечья река».

Еткуль, Едкуль — озера в Челябинской области, по-русски — «собачье озеро».

Жили кочевники в войлочных кибитках или конусообразных шалашах-кошах из бересты, которые легко переносились с одного места на другое.

Верхние и Нижние Термы — села близ Уфы. Башкирское слово «терме» — название круглой куполообразной кибитки из кошмы.

Тузлукушево, Тузлукуш — деревни в Башкирии. Слово «тузлукуш» в переводе означает — «берестяной шалаш» или «берестяной кош».

Были у башкир, казахов, татар летние и зимние стоянки. Обычно на богатых пастбищах, у водоемов.

Куса — приток Ая, в переводе с башкирского — «кочевье», «стоянка».

Тахта — приток Уфы, означает «остановка», «стоянка».

Тахтубаево, Туктыбай — деревни в Челябинской области, по-русски — «большая остановка».

Яйлау, Зейлау-Баш — деревни в Башкирии, в переводе — «летнее кочевье».

Кыштым — речка и город в Челябинской области, означает «тихая зимовка».

Кушлау-Елга — деревня в Башкирии — «зимовка речная».

В переездах с одного кочевья на другое население не в состоянии было перевозить с собой все продукты, часть оставалась на хранение в погребках или ямах. Татарские слова — «баз» — погреб, яма, «азык» — пища, еда, предметы быта — служат тоже составными для ряда географических названий.

База — приток Белой, — «погреб», «яма».

Базызак (Абазазык), **Басказык** — притоки Течи.

Ук — приток Сима, — «стрела». Люди, давшие речке такое название, очевидно, имели в виду ее быстрое течение, образно сравнив его с полетом стрелы.

Табак — озеро в Челябинской области, носит название долбленной деревянной миски вместительностью с целое ведро. Озеро названо так за сходство своей формы с миской.

Ирендик — крайний восточный хребет в горах Южного Урала. Название происходит от слова «урндик», которым обозначается приподнятая половина комнаты — нары в башкирских домах. На них спят, едят. Со стороны Зауралья горы Южного Урала, начинаясь хребтом Ирендик, выглядят резко приподнятыми по сравнению с восточной равнинной частью.

Некоторые географические названия состоят из слов, которые употребляли в обращении к родственникам.

Зингейка — озеро и речка в Челябинской области, от казахского слова «жингей». Так называет младший брат жену старшего брата.

Апай-Куль — урочище, происходит от башкирского слова «апай», которое означает младшую сестру отца или матери.

Н. ШУВАЛОВ

НЕ ЗНАЮЩИЙ ПРОМАХА

Б. РЯБИНИН

Очерк

На вузовских соревнованиях у него было семнадцать попаданий из двадцати пяти. Но если метишь в чемпионы, надо разбивать каждую.

Команда «Дай!», затем в течение трех секунд вылетает тарелочка. Это время — таймер — больше всего и изматывает нервы.

Тарелочка может вылететь и через три секунды, и через две, и в то же мгновение, как раздается команда. А ты стоишь, ружье у бедра. Надо успеть вскинуть, сделать контрольный поводок, то есть плавно повести стволом, лоя мишень в прицел и уж после — выстрел. Тарелочка летит со скоростью 30—32 метра в секунду, иначе говоря, сто с лишним километров в час. Значит, за 0,6 секунды должен среагировать. До появления тарелочки вскидывать ружье нельзя.

Нервная нагрузка огромная. Весь спорт — воспитание нервов, выдержки, умения настраивать себя на преодоление трудностей. Однако стрелковый, считает Цуранов, в этом отношении самый строгий. Но как раз в том-то и азарт — чтоб при любых обстоятельствах не дрогнула рука, не сдал расчет, не подвел глаз.

К этому надо прибавить: крайне важна и привычка к ружью. Как-то вздумал поменять ложе перед самыми соревнованиями — спартакиадой народов СССР 1959 года. Советовали: не надо! Не послушал. И в результате — отстрелял плохо, оказался во втором десятке. Рассердился, переставил старое ложе, в октябре уехал в Каир на международные соревнования и там занял второе личное место... Чтoб привыкнуть к ружью, нужен год. Вот тогда будешь сливаться с ним, как единое целое, и оно не подведет тебя.

После окончания института, став геологом-разведчиком, он работал в Новосибирске в академгородке; летом — в партии на Алтае. Трудно было совмещать работу с занятиями спортом, но совмещал. Тренировки заменяла охота в тайге; дома много упражнялся с зеркалом, шлифовал движения. Быть бы ему сибиряком на долгие годы, да вышло так, что пришлось переехать в Свердловск.

На груди Юрия — значок почетного мастера спорта. Этот знак получает тот, кто в течение пяти лет постоянно выполняет норму мастера, так сказать, непрерывно подтверждает свое искусство.

За эти годы Юрий со своей тулкой «МЦ-8» побывал в Чехословакии, в Польше, в Албании, в Норвегии, в ОАР (два раза), в Румынии (раз шесть). Дождь медалей сыпался на него. Но это легко рассказывать. А вот попробуй-ка завоевать! С 1961 года он — чемпион СССР и рекордсмен мира, один из виднейших представителей советской школы стрелкового спорта.

Почему его прозвали «серебряным Цурановым»?

Пожалуй, лучше всего ответит на это 1963 год. Весной в Москве проходили соревнования сильнейших стрелков СССР. Составились на стенде Центрального Совета Всесоюзного Общества охотников. Юрий выбил двести из двухсот. За два дня — 100 и 100. Соревнования шли конвейером.

Затем зона России в Свердловске. Опять сто из ста. Потом Спартакиада РСФСР — двести из двухсот. Там отличилась вся команда стендовиков Свердлов-

Началось все с охоты. Может быть, отец, военный, заронил в него эту страсть? Нет, отец не был охотником, никогда даже ружья не брал в руки ради этого, хотя всякого зверья и птицы вокруг Нерчинска — тьма тьмущая, только сумей изловить на мушку! Просто, нашелся приятель, Юра Напалков, второй Юра, любитель побродить с двустволкой по сибирской тайге. Было им тогда по четырнадцать лет. Пристал к

отцу. — Купи мне берданку. Буду под окнами воробьев стрелять!

— А больше для тебя дичи нет? — с усмешкой возразил батя, но ружье все-таки купил.

Нет, в воробьев он не стрелял. Пусть живут пичужки. Он отлично понял отцовскую иронию. И вообще вскоре выяснилось, что суть не в том, чтоб на охоте обязательно кого-то застрелить. Непередаваемо чувство — очутиться в лесу ранней весной, когда только пробуждается природа! Ружье сдружилось с природой.

В 1955-м, когда он учился на третьем курсе Московского института цветных металлов, его пригласили принять участие в состязаниях по стендовой стрельбе на первенство вузов столицы — институту не хватило человека для команды. А он охотник! Кроме того, уже опробовал свою меткость и на стенде; за год до того зашел как-то ради любопытства и сразу выполнил норматив третьего разряда, но не оформлял, считал — ни к чему, пустое дело. Однако стенд с четырьмя площадками, где так непривычно звучали выстрелы и звонко доносились тарелочки, запомнил.

Первенство вузов дало второй разряд. Стал спортсменом-стрелком. С тех пор стенд прочно вошел в его жизнь.

Круглый стенд, скит по-английски, единого международного образца, принятого для всех соревнований, только появился тогда у нас. А Юрий Цуранов чувствовал себя на нем так, как будто тот специально был для него и придуман.

Стенд имеет форму полукружья. По дуге расположены семь стрелковых площадок (или «номеров»), в середине — восьмая. Оттуда вылетают тарелочки. Стал на первый номер, отстрелял — передвинулся на второй, потом на третий и так вплоть до восьмого. Всего двадцать пять тарелочек, двадцать пять мишеней.

ска. В составе — Вадим Воробьев (второй призер первенства России 1963 года), Рудольф Полянский, Юрий Цуранов. Она заняла первое место. Победу и первое место вырвала у соперников и команда по траншейной стрельбе: Виль Курочкин (тоже 2-е личное место), Анатолий Кузнецов, Константин Скубак. Правда, свердловчане в целом выступили на этой Спартакиаде не блестяще. Самый большой успех выпал на долю стрелков. Они поддержали честь города.

И почти сразу, без роздыха, Спартакиада народов СССР.

Четыре тяжелейших соревнования подряд.

У Юрия вновь двести из двухсот. И у москвича Евгения Петрова тоже двести из двухсот. Дали перестрелку 25 мишеней. Двадцать пять разбили без промаха. И тот и другой. Дали еще 25. Опять 25...

Нашла коса на камень!

Такого упорного поединка, такого удивительного спортивного года, насыщенного самыми драматическими ситуациями, еще не бывало в практике стрелка Цуранова. В трех предыдущих соревнованиях он выбыл в общей сложности (вы только прикиньте!) пятьсот из пятисот возможных. Да на этот раз уже 250. Всего 750! Семьсот пятьдесят попаданий — и ни одного выстрела впустую. Феноменальная меткость, поразительные результаты! Но здесь, на Спартакиаде народов СССР, комсомолец Цуранов встретил достойного противника.

Перестреляли в третий раз. Всего, следовательно, по семьдесят пять сверх положенного обычно. И опять полное равновесие. Ничья, говоря по-футбольному.

Напряжение неминуемое. Москвич, полнокровный здоровяк, все больше наливался краской по мере того, как шло время, а победитель не выявлялся. Юрий, наоборот, бледнел.

Врач сказал:

— Больше нельзя стрелять!

Позвонили главному судье соревнований. Он вынес третейское решение: выдать обом по золотой медали. Первенство СССР и первенство Спартакиады совмещалось. Стало одновременно два чемпиона Советского Союза. Случай небывалый в истории спорта.

Вот уж поистине золотые выстрелы!

А через шесть дней — в Брно, на первенство Европы. Какой нужен запас выдержки, воли, умения управлять собой! Два дня он лидировал, с отрывом в три мишени. А на третий...

Повторилось то, что было уже в Норвегии, в 1961-м, и в Каире, в 1962-м. Нет, он никого не обвиняет, не пытается свалить неудачу на «объективные причины» и все же...

В Норвегии его вывела из равновесия такая деталь. По правилам никому нельзя находиться в квадрате или даже близко от квадрата, где стоит стрелок. А тут приходит наш представитель, глава советской спортивной делегации (ведь свой, советский человек, уж должен же понимать), садится в кресло, вытягивает ноги, носки — в стрелковый квадрат. Юрий оглянулся раз, оглянулся два. Мешают ему эти ноги, даже спиной ощущает их за собой. Убрать бы или столкнуть! Сказать постеснялся, а тот — как не видит! Юрий чувствует: что-то кипит внутри. Какая-то нервозность или злость. Хуже нет! Ну, и в результате четвертое место...

Так вышло и в Брно. С утра был какой-то звонкий. Ох, эта предстартовая лихорадка, сколько рекордов она погубила, скольким чемпионам не дала появиться на свет! С утра, как он говорит, был неуравновешен, не справлялся с собой. Причина, все же одна — невозможно выдержать столько соревнований подряд.

Погода, как на грех, сыграла злую шутку. Полчасика позднее или раньше — было бы ничего. А тут накатил туча: половина ослепительно белая, блестит на солнце, половина — черная. Стреляли на фоне горы и леса. По указанию судейской коллегии тарелочки были покрашены: верх — в белый цвет, сама — черная (их всегда красят перед соревнованиями, с учетом цветовых особенностей местности: могут быть оранжевые, могут быть другие). Тарелочка вылетит и сольется с тучей. Как пропала.

Юрий стрелял и не видел куда, во что. Только слышал, как щелкало.

Чувствует, сделал ошибку. Надо внести поправку, а не может. «Автоматика» продолжает срабатывать помимо воли.

Одну мишень — только одну! — проиграл москвичу Олегу Лосеву.

В итоге — второе место. Опять «серебро».

Вот отсюда и прозвище «серебряный Цуранов»...

Всякое состязание — тяжелейшее испытание для духовных сил спортсмена. Но думал ли Юрий Цуранов, что самая большая победа обречется для него и самым большим разочарованием, и сильнейшее потрясение он испытает тогда, когда все будет уже позади?!

...На первенство Европы по стендовой стрельбе 1964 года в Италию съезжались представители семнадцати стран. Сто с лишним участников. Основными претендентами на крупном стенде считались спортсмены

ФРГ. После первого дня соревнований лидерство делили свердловчанин Цуранов и Евгений Кондратьев из Ташкента. У обоих было по пятьдесят из пятидесяти.

Стрельба была очень тяжелой. В первый день на тренировке даже не понимали, куда стреляли. Стенд в закрытом овраге. Наверху три корпуса госпиталя, между ними деревья. Мишень летит — на зеленом видно, высрывается, а на фоне госпиталей — нет. Тарелки белые. И корпуса белые. Сливаются.

Как стрелять? Сбивать темп. Теперь вперед вырвался француз. У него было девяносто семь. А за ним сразу пятеро — болгарин, еще один представитель Франции, два западных немца и Цуранов. У всех по девяносто шесть. Ровная линейка!

Наступил третий — последний — день. Юрий начал с серии из двадцать пять попаданий. По жеребьевке он стрелял почти последним. Надо заметить: если у конькобежцев вытянуть один из последних номеров — несомненная удача (зная результаты других, можно точнее рассчитать свой бег), то у стрелков считается, наоборот, — плохо. Мысль сверлит: нельзя терять, проиграть (если кто-то из предыдущих стрелял хорошо). А лучше — «навязывать». Тут, как говорится, психология работает наоборот.

Француз, вчерашний лидер, отстал — «дал» 19. Болгарин — тоже 19. У одного из немцев было 22, у другого совсем плохо. «Посыпались» один за другим — устали, нервы у всех были на пределе. Только один француз выбил двадцать четыре.

Французы Юрию понравились. Один черный, пожилой, с усиками, как д'Артаньян, симпатичный; другой — светловолосый, низенький. Приветливые. Они и стреляли как-то весело, и проигрывая, не сердились.

Потом, когда Юрия спрашивали, как все-таки он выбил двадцать пять из двадцати пяти, он отвечал с улыбкой, но серьезно:

— Родина приказала...

Итак, золотая медаль чемпиона Европы уже маячила перед Юрием Цурановым. Однако стоп, не тут-то было! Надо было за нее еще побороться.

Двадцать пять из двадцати пяти было и у Вадима Воробьева, второго свердловчанина. Он приблизился к заветной цели как-то незаметно, поначалу вроде бы заявки на чемпионство не делал — «подкрался втихую», как говорят стрелки.

Спор, кому быть чемпионом Европы, должен был решиться теперь в поединке между двумя уральцами. Дали еще серию. Оба выбили по 24. У одного 145 и у другого 145. Как сговорились!

Сразу же назначили перестрелку.

Получилось в точности так же, как год назад, когда Цуранову пришлось «перестреливаться» с москвичом Евгением Петровым, оспаривая звание чемпиона СССР. «Битва титанов»! Юрий тогда выстоял, добился победы. А как сейчас? Одно несомненно и хорошо: кто бы ни победил, медаль все равно поедет в Свердловск.

Они сидели, еще разгоряченные, тяжело переводя дух после напряженной борьбы, и следили за стрельбой мужички за 3-е и 4-е места — француза, того, что был похож на д'Артаньяна, и рыжеватого веснушчатого коротышка из ФРГ. Немец стрелял лучше, выбил 23, против 21 у француза. Он стал третьим призером. Немец этот — его фамилия была Сулле, — как выяснилось вскоре, сам не желая того, и перебежал дорожку нашему Юрию, хотя, казалось бы, Цуранов был вне досягаемости для него...

Снова на огневом рубеже земляки-соперники. Вадим сразу же сделал промах. Сказалось волнение. В итоге — 24. Юрий стрелял, как чудесный автомат, — только брызги от тарелочек разлетались в разные стороны! Когда ловил на мушку в последнем дуэте, только облегченно подумал: «Все, закончил. Выиграл!» — и... промазал. Опять поровну у обоих!

На время их отпустили. Сказали — ждите, когда вызовем. Ох, это ожидание! Хуже всего...

Вадим решительно заявил:

— Ну, первое место в Свердловске, а уж дома как-нибудь поделим!..

Поделим-то поделим, а все же...

Наконец их вызвали на стенд.

Юрий выбил снова 25. У Вадима было 21. Поединок завершился. Юрий Цуранов — чемпион Европы.

Сбылась его мечта. Сколько раз он был вторым, завоевывал серебряные медали. Кончился «серебряный Цуранов». Теперь — наконец-то! — он «золотой». Свердловск может гордиться, что дал миру еще одного чемпиона международного класса.

Победителей вызвали на пьедестал почета. Народу — черно! Юрий не заметил, что пьедестал был недавно покрашен, краска еще не успела засохнуть как следует; прыгнул — и поскользнулся, но не упал. «Зацепился за первое место», — иронизировал он потом.

И вот они на пьедестале — двое русских, два советских спортсмена с Урала, еще раз прославившие родную страну, и немец...

Сперва им вручили памятные медали — золотую,

серебряную, бронзовую; какую кто заслужил. Затем — призы. «Нептун», бронза с мрамором, большой, тяжелый подарок, сделанный со вкусом, в стиле древнеримских украшений. Это Юрию. Вадиму поменьше. Супле — кубок. Почему-то вручение происходило не в привычном порядке. Прежде всего полагалась золотая медаль чемпиона Европы от международной Федерации стрелкового спорта. За 2-е место Итальянская Федерация учредила еще свою золотую, поменьше. И за 3-е место, еще меньше. С них бы и начать...

И вдруг Юрий увидел, что его медаль — медаль победителя чемпионата — отдают Супле. Да-да, он не ошибся! Он же не раз видел ее, даже щупал, держал в руках. Такой медалью, с эмалью и золотом, очень красивой, был награжден Лосев в Чехословакии, Дурнев в Турине в Италии в 1959 году. Что происходит?!

А произошло вот что. Советский Союз входит в ИШУ, в международную организацию стрелкового спорта, объединяющую все государства. Но не входит в ФИТАСС — Французскую Федерацию, организующую соревнования по стендовой стрельбе. Мы — не члены ФИТАСС. ФИТАСС проводит стрельбу по живым голубям (первенство мира и Европы), а ИШУ не проводит. Мы — гуманисты. Однако в прошлые годы, когда первенство выигрывали Лосев, Дурнев, медали им вручались. По предложению ФИТАСС (подача голубя стоит денег, этим мотивировалась необходимость взноса) Советский Союз вносил полагающуюся небольшую сумму в валюте (совсем мизерную сумму, не то рубль, не то полтора за человека), и все шло своим чередом, как положено, без обид и дискриминации.

На сей раз кто-то решил отступить от этого правила. Сговорились, видимо, заранее. Тем более, взнос запаздал (до самого последнего момента об этом был молчок, сказали лишь после соревнований). Значит, нечего и претендовать на награды. Механика, в общем-то, весьма простая. Воспользоваться любым предложением, лишь бы медаль чемпиона не досталась советскому спортсмену. (В скобках ради справедливости заметим, что кой в чем повинны и мы сами. Надо быть осмотрительнее. Нельзя было давать такую зацепку в руки своим идейным противникам и ставить под удар своего спортсмена. Положились на честность. А она бывает не у всех). Даже Супле был смущен таким поворотом фортуны. Сперва он просто ничего не понял и растерянно вертел медаль в руках. Он поблудел, рыжина его стала еще заметней, веснушки проступили на лице сильнее. К нему подошел товарищ, тоже спортсмен из ФРГ, и стал убеждать, что медаль по праву принадлежит русскому. Цуранову, надо ему ее и отдать, так будет честно.

Супле уже почти был готов последовать совету товарища, но в последнюю минуту заколебался (жалко было расставаться с красивой медалью!). Решил посоветоваться со своим представителем. И — медаль осталась у Супле.

Так на глазах у всего честного народа, в присутствии тысячной толпы болельщиков и знатоков, бурно выражавших свое возмущение необъективностью судей, состоялось это похищение. Была похищена медаль, завоеванная в труднейшей, честной спортивной борьбе, в состязании с достойными соперниками из Франции, Федеративной Республики Германии, других европейских стран. Звание дали, дали диплом, где написано, что он, Юрий Цуранов, чемпион Европы (не наשמки ли!), а медаль — нет... И, хотя все делалось открыто, некоего было схватить за руку, чтоб уличить в краже, заставить покраснеть и принудить вернуть то, что принадлежало тебе по праву. Придрались — и крышка!

...После будут международные встречи в ФРГ и в других местах, первенство Европы в Лиссабоне, крупнейшие соревнования на первенство мира в Чили, будут победы и огорчения, но такого жгучего чувства обиды и разочарования, какое пришлось испытать в Больне весной 1964 года, ему не придется больше пережить никогда. Так он и не мог тогда решить про себя: какой же он теперь — «золотой» или «серебряный»?

Скажем мы за него: золотой, только золотой, конечно, золотой. Золотой прежде всего потому, что его достижения прославляют советский спорт и помогают росту мастерства всех стрелков-стендовиков. Золотой — ибо искусство его заражает других, и они тоже берут в руки ружье и начинают бить по тарелочкам... А нам нужно много отличных стрелков. Много «не знающих промаха». Искусная стрельба входит в комплекс ГТО — «Готов к труду и обороне». Защищать Родину, стоять на страже безопасности Родины — почетная обязанность и долг каждого гражданина Советского Союза.

Будьте же все, друзья, как Юрий! Пусть не будет у вас промахов! Сто из ста, тысяча из тысячи — все, сколько есть!..

В НОМЕРЕ:

ДЕНЬ ОСТАЕТСЯ С НАМИ. В. Шустов	1
ИЗ ТЕТРАДИ 1945 ГОДА. Леонид Шкавро. Стихотворение	3
ЗАКОН ЗЕМЛИ. Владимир Турунтаев. Очерк	4
КОМИССАР ИЗ ШЕМАХИ. Ив. Губанов, член КПСС с 1917 года	9
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	11
ДЕНЬ ОСТАЕТСЯ С НАМИ	12
АЗИН. В. Ладухин. К 70-летию со дня рождения	14
РАЗНЫЕ СУДЬБЫ. Александр Демченко. Рассказ	17
НОВЫЕ СТИХИ. Лев Сорокин	22
КОММУНИСТ ВИКТОР ЗИМИН. Иван Кондауров. Герой Советского Союза. Воспоминания о боевом друге	24
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УРАЛЕЦ И ЕГО КНИГА. В. Утков	27
КОСОТУРСКИЕ МАСТЕРА. Ю. Курочкин	28
НА СЕМИ ВЕТРАХ. Алексей Мусатов. Повесть	33
НА ПЛОТУ ПО БЕЛОЙ	45
ВЕЛИКИЙ СЛЕДОПЫТ. Евг. Петряев. К 35-летию со дня смерти В. К. Арсеньева	49
«ДРАКОН» ИДЕТ НА ВЫРУЧКУ. В. Сапарин. Научно-фантастическая повесть. Окончание	51
СУДЬБА ЧЕРНОЙ ОНДАТРЫ. Борис Коряков	66
ФРОНТОВОЙ ДЖАЗ	70
РАЗВЕДЧИК ИЗ БРЯНСКА. В. Беляев	72
НА ЗЕМЛЕ КОЧЕВНИКОВ. Н. Шувалов	77
НЕ ЗНАЮЩИЙ ПРОМАХА. Б. Рябинин. Очерк	78

Обложка В. Воловича.

На второй странице обложки фото М. и А. Ананьных.

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Технический редактор
Э. Максимова.

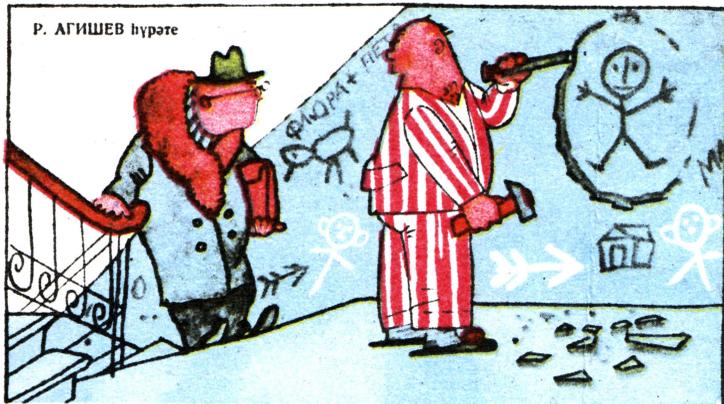
Рукописи
не возвращаются.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д8-04-49 (производ. отдел).
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 17/VIII 1965 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,61 печ. л., 12,45 уч.-изд. л. НС 19503. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 602.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Башкирский журнал „ХЭНЭК“ („ВИЛЫ“)
в гостях у журнала „УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

Р. АГИШЕВ һүрәт

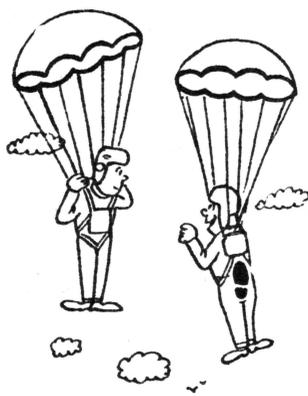
- Что делаете?
- Хочу послать на выставку рисунки сына.

Р. Агисhev

Без слов.

А. Барсуков

- Поверь мне, совсем нестрашно прыгать.

А. Завьялов

- За что в угол-то поставили, соседка?
- Опять внук двойку получил.

Н. Камалов

На детском сеансе.

А. Баранов

30 коп.

73413

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

13

ДР 39